

О П И С А Н І Е
в с ѣ х ѣ
О Б И Т А Ю Щ И Х ѣ
ВЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ
Н А Р О Д О В Ѣ

Ихъ жипейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ,
жилищъ, упражненій, забавъ, вѣроисповѣданіи и
другихъ достопамятностей.

Твореніе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ на Нѣмецкомъ языкѣ
Іоганна Готтлиба *Георги*, въ переводѣ на Россійскій языкѣ весьма
во многомъ изправленное и въ новъ сочиненное;

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

со 100 гравированными изображеніями Народовъ и 8 виньешами.

Изданіемъ книгопродавца Ивана Глазцова.

съ позволенія С. Петербургской цензуры.

ВЪ С А Н К Т П Е Т Е Р Ь У Р Г Ѣ,
при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

О П И С А Н І Е
в с ѣ х ѣ
О Б И Т А Ю Щ И Х ѣ
ВЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ
Н А Р О Д О В Ѣ

Ихъ жипейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ,
жилищъ, упражненій, забавъ, вѣроисповѣданіи и
другихъ достопамятностей.

Твореніе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ на Нѣмецкомъ языкѣ
Іоганна Готтлиба *Георги*, въ переводѣ на Россійскій языкѣ весьма
во многомъ исправленное и въ новъ сочиненное;

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

со 100 гравированными изображеніями Народовъ и 8 виньешами.

Изданіемъ книгопродавца Ивана Глазунова.

съ позволенія С. Петербургской цензуры.

ВЪ С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ѣ,
при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О

НАРОДАХЪ

ФИННСКАГО ПЛЕМЕНИ,

извѣстныхъ

по Исторіи Россійской

подъ общимъ именемъ

Руссовъ.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Источники, изъ которыхъ почерпнуто сіе описаніе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновений, одеждъ, жилищъ, упражненій, забавъ, Вѣроисповѣданій и другихъ достопамятностей, суть во первыхъ Лѣтописцы Россійскіе, а во вторыхъ, и большею частію, описанія частныя Россіи подданныхъ Народовъ, сдѣланныя и изданныя въ Свѣтъ Профессорами и Исторіографами: Миллеромъ, Гмелинымъ, Крашенинниковымъ, Шеллеромъ, Фишеромъ, Рычковымъ, Самуиломъ Гмелинымъ, Палласомъ, Лепехинымъ, Николаемъ Рычковымъ, Лемомъ, Клингшедтомъ, Гегсшремомъ, Гавеномъ, Шлещеромъ, Климаномъ и другими; почерпая изъ ихъ описаній и извѣстій, придерживаемось было, какъ можно ближе, повѣрительной истинѣ, при сохраненіи всевозможной краткости.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ Профессоръ Іоганнъ Готтлибъ Георги, Членъ Академіи Наукъ Россійской Императорской и Королевской Прусской, Римско-Императорской Академіи Естественнаго-испытанія, Академіи Курфирстской въ Майнцѣ, Вольнаго Экономическаго Общества въ С. Петербургѣ, и Дружескаго Общества Берлинскихъ Естество-Испытателей, собралъ изъ вышесказанныхъ Землеописателей описаніе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, издалъ оное въ четырехъ частяхъ на Нѣмецкомъ языкѣ, изъ коихъ первыя три переведены были и напечатаны иждивеніемъ Книгопродавца Миллера купно со изображеніями описанныхъ въ оныхъ Народовъ.

Нынѣ издать въ новыя всѣ четыре части шворенія сего принялъ я на себя, по уступкѣ на то права, отъ перваго сказаннаго Издавателя какъ подлинника на Нѣмецкомъ языкѣ въ четырехъ частяхъ, такъ и перевода трехъ частей онаго на Россійскій языкъ, не пощады на то немалата иждивенія,

VI

какое требовалось какъ на уплату уступки права печатанія и мѣдныхъ досокъ, на коихъ вырѣзаны изображенія Народовъ, такъ наиболѣе за исправленіе самаго шворенія, сообразно настоящему новоустроенному Россійскаго Государства сосноянію, по которому премное въ описаніи Народовъ требовало поправки. Многие со всѣмъ въ новъ сочинено, многое дополнено; иное сокращено, а иное и во вся выброшено, яко болѣе несуществующее. — Все сіе разумѣть должно о первой, а паче о четвертой части сего описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи.

Весьма счастливымъ почту себя, ежели усердное мое желаніе доставлять почтеннѣйшей Россійской Публикѣ, чрезъ изданіе книгъ, сей подобныхъ, пользу и удовольствіе, будетъ удостоено благосклоннаго ея пріятія.

Извѣстно всякому свѣдущему о Государствахъ и Владѣніяхъ, на земномъ шарѣ существующихъ, что нѣтъ на ономъ ни одного такого, которое вмѣщало бы въ себѣ столь великое множество различныхъ Народовъ, какъ Россійская Держава. Древніе Обитатели Россіи суть: 1е *Руссы* съ ихъ племенами, яко, Лопари, Семояды, Юкагиры, Чукчи, Камчадалы, Курильцы, Алеушы, Коряки, Якушы, Тунгуссы, Остяки Енисейскіе, Кондійскіе и Обьскіе, Вогуличи, Башкирцы, Черемиссы, Мордва, Тепшери, Чуваши, Зыряне, Пермьки, Вошьяки, Корелы, Финны, Эспландцы, Ливонцы, Лапыши, Курландцы, Шведы, Датчане, Ливва. — Послѣ Россовъ 2е *Славяне*, или Сыръ-Мыды, иначе Сарматы, съ ихъ племенами, яко, Поляне, Древляне, Сѣверà, Бужане, Радимичи, Вяпичи, Хорваты, Дулебы, Люпичи, Тиверцы и другіе, Предки Поляковъ, Смольянь, Вѣлозерцовъ, Ростовцовъ, Муромцовъ, Ярославцовъ, Новгородцовъ, Малороссіанъ, Украинцовъ, Галичанъ, иначе Цесарской Галиціи, и другихъ. 3е *Татары* съ ихъ племенами, яко, древніе Печенѣги, Козары, Половцы, Болгары, нынѣ извѣстные, подъ именами, Татаръ Казанскихъ, Аспраханскихъ, Касымовскихъ, Уфимскихъ, Оренбургскихъ,

Тобольскихъ, Томскихъ, Мелесовъ, Тулиберпскихъ, Кистинскихъ, Абинцовъ, Чулымскихъ, Обьскихъ, Барабинскихъ, Туринскихъ, Аяловъ, Качинцовъ, Удинскихъ, Яринскихъ, Бирюсовъ, Кабинцовъ, Бѣлшырей, Загайскихъ, Нагайцовъ, Едизанскихъ, Джамбулукскихъ, Едишкульскихъ и Аккерманскихъ, Буджацкихъ, Мещеряковъ, Киргизь-Кайсаковъ, Абхазовъ, Алшекезень-Абхазовъ, Черкесовъ, Кабардынцовъ, Оссеинцовъ или Оссовъ, Киспенцовъ, Лесгинцовъ, Аваровъ или Хунзачей, Кумыковъ, Нагайцовъ, Касайцовъ, Урусовцовъ, Трухменцовъ, Бухарцовъ, Хивинцовъ, Такшенцовъ, Туркистанцовъ и другихъ. 4е Народы, шакъ же изъ древле населяющіе Россію, суть: *Могулы* или *Монголы*, коихъ племена суть: Каалмыки, Хошоты, Зоонгоры, Дербешы, Торгаушы, Бурешшы, Телеушы, Киргизцы и другіе, а на послѣдокъ. 5е Пришельцы и *Поселенцы* въ Россіи, яко, Индійцы, Персіаны, Армяны, Грузинцы, Цыганы, Жиды, Нѣмцы, Французы, Италіанцы, Греки, новые Славены и другіе. — Сословіе *Козаковъ*, хошя они и получили существованіе свое изъ тѣхъ же Народовъ первоначальныхъ, населяющихъ Россію, по многочисленности своей и по ошмѣнному одѣянію и обычаямъ, показываешъ какъ бы особый Народъ; а по сему и они помѣщены въ описаніе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, съ показаніемъ о каждыхъ особенно по ихъ именованіямъ, о ихъ произхожденіи, жилищахъ, обычаяхъ и о прочемъ.

Сии-шо всѣ вычисленные Народы, съ возможною краткостію и купно обшояпельностію, описаны въ сихъ чешырехъ частяхъ книги, представляемой почтеннѣйшей Россійской Публикѣ. Точное познаніе о многихъ сихъ, населяющихъ Россію, Народахъ, а наипаче о сѣверныхъ и восточныхъ, можешъ почестъся *новымъ* еще въ самой Россіи. Съ завоеваніемъ Сибири въ шестомъ надесяшъ столѣтіи, отъ времени до времени пріобщаемы были къ Россійской Державѣ Народы чуждые, едва и по имени до того извѣстные, да и дославляемы были Публикѣ объ оныхъ весьма краткія

VIII

и недостаточныя извѣстія, пока по Высочайшему изволенію пекущагося о народномъ просвѣщеніи Правительства С. Петербургскіе Академики, а наипаче потрудившійся съ пре-великою пользою для Россійской Исторіи, старшій Академикъ, Статскій Совѣтникъ Миллеръ, не пособралъ оныхъ въ своихъ многолѣтнихъ путешествіяхъ. Новѣйшіе путеше-ствователи, Академики же, еще больше помогли тому, хотя и все еще остается, а можетъ быть и останется всегда не описаннымъ точно извѣстіе о многихъ изъ тѣхъ наипаче Народовъ, которые за недостаткомъ у нихъ пись-мянъ, за дикостію своею, за неудобопреходностію до нихъ, и за другими премногими трудностями, не могутъ быть точно разрошены и изслѣдованы.

Но ежели когда можно было, такъ это нынѣ сообщимъ почтеннѣйшей Россійской Публикѣ вѣрное описаніе настоящаго состоянія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, ихъ мѣсто-пребыванія, нарѣчія, упражненій, обрядовъ жизни, нравовъ, Вѣроисповѣданія и всего любопытнаго, и представимъ въ одномъ мѣстѣ то, что разбросано въ мѣлочныхъ и част-ныхъ описаніяхъ, ежели не для показанія Читателямъ на-стоящаго Отечественнаго повѣствовательнаго описанія, то по крайней мѣрѣ для полезнаго занятія полью новымъ и любопытнымъ чтеніемъ. — Народы, обитающіе въ сѣвер-ныхъ и восточныхъ самыхъ крайнихъ оконечностяхъ и пу-стыняхъ, неудобныхъ ко введенному въ Европѣ образу жиз-ни, яко ловцы или пасыры скипаящіеся, хотя и остаются еще при своемъ образѣ жизни, но учинились уже доволь-но извѣстными, а особливо при настоящемъ новоуспроен-номъ состояніи Государства Россійскаго. Живущіе же въ сосѣдствѣ съ изповѣдующими Христіанскую Вѣру и въ умѣ-ренныхъ Спранахъ, весьма знатно удалились отъ древнихъ своихъ нравовъ, средствомъ единого подражанія. Пріемлющіе Христіанскую Вѣру пріемлютъ и главное Россійское нарѣ-чіе, обряды жизни, одѣяніе и нравы, и хотя не вдругъ

и не въ первомъ колѣнѣ учиняются и хорошими гражданами, но конечно перестаютъ бытъ шѣмъ, что были. Нѣкоторыя ошпашки Народовъ знашныхъ опъ времени до времени смѣшиваются во едино шѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе шолпы оныхъ, такъ, что до измершвїа еще ошпашковъ сродняются съ главнѣйшими племенами. — Единообразность учрежденїа Государшва весьма премудро допомагаеть сему, и Исполинскими шагами приближаетъ грубыхъ Народовъ нашихъ къ единой мѣшѣ всеобщаго Россїи просвѣщенїа, соединенїа чудеснаго во едино шѣло и едину душу, и, такъ сказашь, спавленїа во Исполина, неколебимаго солнными вѣковъ.

Внимательное разсмашриванїе всѣхъ Народовъ, обитающихъ въ Россїи, предспавляетъ намъ живо древнїй, просный, естеспственному сосшоянїю весьма близкїй, *Мїрѣ* во всѣхъ степеняхъ прехожденїа къ настоящему ошпашенному и обогащенному надобностями Мїру. Мы имѣемъ еще грубыхъ, воиншвующихъ, равнодушныхъ при встрѣчѣ опасностей, бѣдшвїй и при лишенїи имущества, безъ всякихъ законовъ скитающихся Народовъ, *лїтающихся звѣриною и рыбною ловлею*, одѣвающихъ одними звѣринными кожами, ипичьимъ перьемъ, празднолюбивыхъ, иныхъ бѣдныхъ, а другихъ богатыхъ; — Народовъ, *провожающихъ скотоводственную жизнь*, и имѣющихъ еще Папріархальные нравы, обычаи, упражненїа въ скотоводствѣ, заимшвуя опъ онаго одѣянїе, пищу и богатштво свое, со скотами своими безъ всякаго земледѣлїа, въ подвижныхъ палаткахъ или намешахъ кочующихъ въ пространныхъ степяхъ, имѣя между собою иные Народное, другїе Вельможеское, а иные, яко Калмыки и Монголы, Единоначальспвленное управленїе, живя изъ древле общеспственно, по естеспственнымъ законамъ, обнаруживающимся во всѣхъ ихъ поступкахъ, не имѣя надобности въ деньгахъ, безъ письменъ, сохраняя преданїа, показывая въ ихъ жилищахъ, одѣянїи, нищѣ, желанїяхъ простоту, довольштво, являя благоговѣнїе къ Вѣроисповѣданїю своему, уважая спаросшь и

* *

Х

мужественные поступки: но есть частно и шакіе между ними, кои суть жестокихъ нравовъ, любомстительны безпредѣльно, лѣнны, неопрятны, любоснрастны и вмѣщающы въ себѣ все естественнаго состоянія зло и добро. — *Земледѣльческое Состояніе* представляется намъ здѣсь ошъ первоначальнаго воздѣльванія посипепенно до самаго совершенства. — *Жилища* или селенія ошъ юрты, шалашей или кущей и пещеръ до домовъ, не подвижныхъ деревень, сель, городовъ съ чертогами; — *Оружіе* ошъ пращи до спирѣль, латъ, фузей съ фитилями и замкѣми, пушекъ, мортиръ со всѣмъ совершенствомъ воинскаго искусства сухопутнаго и мореходнаго; — *Ремесла, Художества и Науки* шакъ же посипепенно ошъ обдѣльванія работы каменнымъ ножемъ до изсѣченія изваяній, не уступающихъ Фидіевымъ; ошъ шипья жилами животныхъ до вышиванія золотомъ и шелками, оживошвореннаго рукою самаго, кажется, Апеллеса; ошъ сбивчиваго понятія о себѣ до глубочайшаго познанія своихъ внутреннихъ силъ и способностей.

Нѣкоторыя изъ нашихъ Народовъ и по днесь со всею важностію древности сохраняющы многіе обычаи и употребленія древняго восточнаго Міра, какъ на примѣръ, подарки праздничнаго платья при бракосочетаніяхъ, гостепріймство, закланіе животныхъ для гостей, почесты сидѣнь подаѣ спарѣйшихъ и во обще починительность къ старости, вкушеніе пищи, сидя на земли, образъ пригошвленія нѣкоторыхъ пищей и прочее, сему подобное. Новѣйшіе обычаи видны у разныхъ нашихъ Народовъ во всѣхъ степеняхъ перехода ошъ грубыхъ къ ошюченнымъ. Ошущипительно шакъ же сходство образа жизни, нравовъ и свойствъ грубыхъ нашихъ Народовъ со многими дикими другихъ часшей Сѣвера, какъ на примѣръ, сходства одѣянія нѣкоторыхъ сѣверныхъ Американцовъ и нашихъ Осиаковъ, равно и образа жизни, домашней рухляди и прочаго; Гренландцовъ съ сѣверными Сибиряками и островитянами; разписываніе знаками кожи

на шёлѣ, какое дѣлають Тунгусы, дѣлають такъ же и новооткрытые южные Оспровишяны; — Чукчи наши носятъ вошкнупшыя косы въ губахъ такъ же, какъ и *Певесы*, и такъ далѣе.

Во первой части сего описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, слѣдую землеописательному чертежу Россійской Имперіи, сколько можно было ближе, описаны бышіе, жилища и мѣста нынѣ занимаемая, нравы, образъ жизни, упражненія, забавы, лицечерпанія, одѣянія, домашняя рухлядь, Вѣроисповѣданія, повѣрья и другія достопамятности *Русскихъ* или *Финнскихъ*, *Чудскихъ*, племени, яко: 1 *Лоларей*, 2 *Финновъ*, или *Чухонцовъ*, 3 *Лажышей*, *Эстовъ* и *Ливонцовъ*, 4 *Ижерцовъ*, 5 *Черемисовъ*, 6 *Чувашей*, 7 *Мордвы*, 8 *Вотьяковъ*, 9 *Телтерей*, 10 *Вогулитей* и 11 *Отьяковъ*.

При сей же *первой части* находящяся помѣщенными, гдѣ должно, изображенія описанныхъ въ оной Народовъ слѣдующія: 1 *Лоларя*, 2 *Лоларьки*, 3 *Финнскаго мужика*, 4 *Финнской деревенской бабы*, 5 и 6 *Чухонки въ праздничномъ одѣянн сѣпереди и сѣтылу*, 7 и 8 *Эстландской бабы*, 9 *Эстландской дѣвки*, 10 *Ижерки*, 11, 12 и 13 *Черемиски сѣпереди и сѣтылу*, такъ же и *въ лѣтнемъ нарядѣ*, 14 и 15 *Чувашенки сѣпереди и сѣтылу*, 16 *Мордовской дѣвки*, 17 *Мокшанской Мордовки*, 18 *Мокшанской старухи*, 19 *Вотьяка*, 20 *Отьяка при рѣкѣ Оби*, 21 *Отьякскаго горностайнаго промышленника*, 22 и 23 *Отятки сѣпереди и сѣтылу*. — При сей же первой части находится еще, съверхъ сихъ изображеній, два изображенія, или *виньеты*, заглавный и конечный; первое представляеть Лоларское богоговніе предъ холмомъ, почитаемымъ за священный, и предъ обыканнымъ принесенными въ жертву оленьими рогами камнемъ, такожь ихъ *хойе* или юрту; а второе Чувашскіе и другихъ Финнскихъ Народовъ похороны.

Во второй части описаны *Татарскіе Народы*, родъ поспорошій, покоренный, или добровольно пришедшій подѣ

XII

кропкую Россійскую Державу, родъ, послѣ коренныхъ Россійскихъ, самый многочисленный. — Повѣствованіе объ нихъ сдѣлано краткое, но вѣрное и обстоятельное, и описаны: 1 Казанскіе и Оренбургскіе Татары, 2 Туралинцы, 3 Тобольскіе Татары, 4 Томскіе Татары, 5 Нагайскіе Орды, 6 Астраханскіе Татары, 7 Тавригескіе Татары, 8 Нагайскія Орды, живущія около Чернаго моря и по Кубанѣ, 9 Терекскіе Нагайскіе Татары, 10 Кундуrowsкія Нагайскія Орды, 11 Кавказскіе Народы, 12 Лесги, 13 Базіане, 14 Черкесы, 15 Трухменцы, 16 Осеты, 17 Абхазы или Абазы, 18 Кисты или Кистинцы, 19 Чегенги, 20 Югуши, 21 Милтеги, 22 Карабулаки, 23 Кумикскіе Татары, 24 Албарлинцы, 25 Грузинцы шакъ же, по сосѣдству съ Ташарами, помѣщены въ сей части; 26 Бухарцы, 27 Татарскіе поселяне, 28 Башкирцы, 29 Мещеряки, 30 Барабинцы, 31 Киргизцы, 32 Обьскіе Татары, 33 Чулымскіе Татары, 34 Катинскіе Татары, 35 Телеуты, 36 Кистимскіе и Тулибертскіе Татары, 37 Абинцы, 38 Верхотомскіе Татары, 39 Бирюссы, 40 Заянскіе Татары, 41 Белтыри, 42 Якуты. Въ сей же части приложены на приличныхъ мѣстахъ изображенія описанныхъ въ оной Народовъ, а именно подъ номеромъ 26 Казанскаго Татарина, 27 и 28 Казанской Татарки съ переди и съ тылу, 29 Чатской Татарки, 30 Нагайской Татарки, 31 Кабардинца, 32 Кабардинки, 33 Сибирскаго Бухара, 34 Башкирки, 35 Мещерятки, 36 Барабинской бабы, 37 Барабинской дѣвки, 38 Киргизца на конѣ, 39 и 40 Киргизки съ переди и съ тылу, 41 Катинской Татарской бабы, 42 и 43 Катинской дѣвочки съ переди и съ тылу, 44 и 45 Шаманки Катинской въ Красноярскѣмъ Уѣздѣ съ переди и съ тылу, 46 и 47 Татарской бабы въ Кузнецкѣ съ лица и съ тылу, 48 и 49 Тагарской дѣвочки въ Кузнецкѣ съ лица и съ тылу, 50 и 51 Якута въ охотничьемъ платьѣ съ переди и съ тылу, 52 и 53 Якутской бабы съ переди и съ тылу, 54 и 55 Якутской дѣвки съ лица и съ

тылу. — Да съ верьхъ сихъ изображеній, находяпся при вто-рой же часши еще два изображенія: *заглавное*, представляюще особливья Кундуровскихъ Ташаръ юрпы или кибишки на колесахъ, удободвижимыя съ мѣста на мѣсто шакъ, какъ и образъ ихъ кочеванія, и *конечное*, которое представляеиъ Якутское плаваніе въ берестовой, или кожею обшпанушой лодкѣ, шакъ же верьховую и упряжную ѣзду на волахъ, ихъ юрпы и рыбную ловлю на байдарахъ.

Въ третьей глсти описаны Народы особенные и донынѣ еще не рѣшенные о принадлежности ихъ къ какому либо изъ главныхъ и первоначальныхъ Россійскихъ Народовъ, яко Народы *Семоядскіе* или правильнѣе, *Суома-Иотскіе*, *Восточные Сибирскіе* и *Манджурскіе*, шакъжь *Островитяны* на Восточномъ морѣ, съ краткимъ извѣстіемъ, объ употребительномъ у сихъ Языческихъ Народовъ *Шаманскомъ Идолослуженіи*; Исторія, мѣстопребываніе, лицечерпаніе, обычаи, употребленія, одѣяніе, упражненія, Бѣроисповѣданіе и прочія достопамятности сихъ Народовъ описаны кратко но подробно: 1 *Семоядовъ*, 2 *Койбаловъ*, 3 *Саятовъ* или *Суома-Иотовъ*, 4 *Маторовъ*, 5 *Тубинцовъ*, 6 *Калагинцовъ*, 7 *Каракассовъ*, 8 *Народовъ смѣшанной породы*, 9 *Енисейскихъ Отяковъ*, 10 *Аринцовъ*, 11 *Азановъ*, 12 *Котовцовъ*, 13 *Манжурскихъ Народовъ*, 14 *Тунгусовъ*, 15 *Восточныхъ Сибирскихъ Народовъ*, 16 *Юкагировъ*, 17 *Вамгадаловъ*, 18 *Коряковъ*, 19 *Чуктей*, 20 *Курильцовъ*, 21 *Восточныхъ островскихъ жителей*, яко *Алеутовъ* и *Сѣверныхъ Американцовъ*, и 22 о *Шаманскомъ Языческомъ Законѣ*. При сей же часши приложены на приличныхъ мѣстахъ изображенія описанныхъ Народовъ и ихъ Идолослужителей, продолжая отъ номера 56, представляющаго *Семояда*, 57 *Семоядку*, 58 *Семоядку въ лѣтнемъ платьѣ*, 59 *Тунгуса въ такомъ одѣяніи*, *въ какомъ ходятъ на звѣриный промыселъ*, 60 *Тунгуса на охотѣ*, 61 *Тунгуса въ охотничьемъ платьѣ*, 62 *Тунгусскаго Шамана при рѣкѣ Аргуиѣ съ лица*, 63 *Тунгусскаго Шамана при рѣкѣ*

Арґунъ съ тылу, 64 *Камтадала въ зимнемъ платьѣ*, 65 *Камтадалку въ простомъ платьѣ*, 66 *Камтадалку въ хорошемъ платьѣ*, 67 *Камтадалку въ великолѣпноиъ убранствѣ*, 68 *Шамана Камтатскаго*, 69 *Коряка*, 70 *Коряка въ уборномъ платьѣ*, 71 *Корякку*, 72 *Чукотскую бабу*, въ обыкновенной одеждѣ, 73 *Чукотскую бабу*, выдѣлывающую кожи, 74 *Алеута*, 75 *Курильца*. — Съ верхъ сихъ изображеній есть еще въ сей шрешней частии *заглавие* изображеніе, представляющее, какъ Семояды свѣжуютъ оленя и при шомъ ѣдятъ внушрешность его сырую; такъ же какимъ образомъ нагоняютъ они дикихъ оленей на сирѣлковъ, которые ихъ убиваютъ, и *конечное*, которое представляетъ воспочнаго островскаго жишеля, плывущаго въ своей шюленьей лодкѣ или байдарѣ, въ шюленьемъ одѣяніи и въ деревянной шляпѣ или козыркѣ, подобной ушному носу, съ перьями воткнушыми въ оный; шупъ же виденъ въ дали островъ съ огнедышущею горою, каковыя находятся на Курильскихъ и другихъ сосѣдственныхъ Камчаткѣ островахъ.

Въ четвертой и послѣдней части шворенія сего описаны Народы, обитающіе подъ Россійскою Державою, слѣдующіе: *Монгольскіе Народы*, яко, 1 *Калмыки*, 2 *Ставропольскіе крещеные Калмыки*, 3 *Мугаммеданскіе Калмыки*, 4 *Буретты*, 5 *Монголы*, 6 *Армяны*, 7 *Грузинцы*, 8 *Индійцы*, 9 *Нѣмцы и другіе Европейцы*, 10 *Поляки*, 11 *РОССИАНЫ*, разумѣя коренные два Народа въ смѣшеніи, яко, *Россовѣ* и *Славяно* древнихъ, Народъ владычествующій во всей Россійской Имперіи; 12 *Козаки* по всѣмъ ихъ именованіямъ, 13 *Курландцы*, и на конецъ 14 *Литва*. — При описаніи сихъ Народовъ приложены изображенія ихъ по порядку подъ номеромъ 76 *Калмыка*, 77 *Калмычки*, 78 *Братской дѣвочки въ Удинскомъ острогѣ съ переди*, 79 *ея же съ тылу*, 80 *Братской бабу въ Удинскомъ острогѣ съ лица*, 81 *ея же съ тылу*, 82 *Братской Шаманки съ лица*, 83 *ея же съ тылу*, 84 *Монголки*, 85 *Монгольскаго Ламы или Духовнаго*, 86

Монгольской Шаманки или вѣщуньи, 87 Армянина, 88 Армянки, 89 Поляка, 90 Полятки, 91 Калужскаго Кульца, 92 Россійскаго Брестянина, 93 Калужской Булетеской жены въ лѣтнемъ платьѣ, 94 Калужской женщины въ зимнемъ платьѣ, 95 Калужской дѣвицы съ лереди, 96 Валдайской дѣвки 97 Валдайской бабы, 98 Донскаго Козака, 99 Донской Козачки, 100 Черноморскаго Козака. — При сей же четвертой части Описаніе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, есть еще изображенія *заглавное*, представляющее Киргизскую и Калмыцкую охоту за пшцами на лошадяхъ съ кречетами и ястребами въ рукахъ и въ погонѣ за журавлями, а *конечное* положенную на музыку извѣстную Россійскую пляску *Голубца*.

Показанныя здѣсь изображенія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, представляютъ ихъ большею частію въ обыкновенныхъ ихъ одѣянїяхъ и лицечертанїяхъ, елико можно было ближе къ естественнымъ или природнымъ каждому изъ нихъ. Вырѣзаны оныя С. Пешербургскими Рѣщиками: *Ротомъ*, *Шлеллеромъ* и другими, частію съ находящихся рисунковъ и фигуръ при Императорской С. Пешербургской Академіи Наукъ въ кунсткамерѣ, а частію съ живыхъ подлинниковъ.

Въ прочемъ я съ своей стороны почиу себя весьма счастливымъ, буде сіе мое изданіе шоль любопытнаго, *новаго* и весьма наславительнаго изворенія удостоено будетъ оныя Россійской почтеннѣйшей Публики благосклоннаго прїятія, яко усердная жертва, возлагаемая съ благоговѣніемъ на священный жеривенникъ *БОЖЕСТВА*, пекущагося *Отетески* объ испинномъ и всеобщемъ просвѣщенїи и благоуспройствѣ шоль многихъ и различныхъ Народовъ, управляемыхъ благошворнымъ скиншремъ *ЕГО*. — Тогда-шо усерднѣйшее желаніе мое достигнетъ настоящей своей меры.

Издатель.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, описанныхъ въ ПЕРВОЙ ЧАСТИ, съ показаніемъ, на какой страницѣ о каждомъ изъ нихъ писано.

	страни.
I. О Финскихъ Народахъ или древнихъ Руссахъ вообще	- 1
II. О Лопаряхъ	- 3
III. О Финнахъ или Чухонцахъ	- 14
IV. О Латыжахъ, Эскахъ и Ливонцахъ	- 20
V. Объ Ижерахъ	- 23
VI. О Черемисахъ	- 26
VII. О Чувашахъ	- 35
VIII. О Мордвѣ	- 42
IX. О Вошякахъ	- 48
X. О Тептеряхъ	- 58
XI. О Вогудичахъ	- 60
XII. Объ Ошякахъ	- 66

ФИНСКІЕ НАРОДЫ, или ДРЕВНІЕ РУССЫ.

Древніе Руссы суть коренный Россіи Народъ, котораго имя польско Россія на себѣ носитъ, а языкъ его древній, отъ смѣшенія, сосѣдства и послѣ соединенія со Славянами, совершенно почши исчезъ. Народъ сей въ древности занималъ простиранство нынѣшней Россіи отъ острова Тамана, Хвалынскаго моря, по восточную сторону Волги, до Бѣлаго, простираясь по сѣверному Океану, по восточной сторонѣ Ботническаго залива, по Финскому заливу и озерамъ: Ладожскому и Ильменю; по рѣкамъ: Волхову, Шалони, Мстѣ, Ловаши и Пали. При устьѣ Ловаши древній ихъ городъ, старая Руса. Народъ сей отъ древнихъ чужеземныхъ дѣеписателей назывался Цимбрами, Киммерами, Сарматами, Говами и Гетами, а отъ сѣверныхъ домашнихъ Юшнарами, Рисарами, Ризами и Русами, ш. е. по Цельшически. *силыли*. Въ старину Россія не называлась Россією, но Русь, Русія, а Россією стала зваться не прежде, какъ въ концѣ царствованія Иоанна II, и названіе сіе введено Макаріемъ Митрополитомъ. Прежде Макарія, и нѣсколько времени послѣ него, какъ въ титулахъ, исторіяхъ и на деньгахъ всюду Русь именована, и самъ оный Государь въ рѣчахъ и граматахъ всегда Русія употреблялъ. Руссовъ, Цимбровъ, или Кимеровъ, значная часть, будучи потѣснена отъ Азовскаго моря Скивами, прошла въ Мидію и Лидію, а другіе подвинулись въ нынѣшнюю Юшландію, Голш-

Часть I. А

шинію и Мекленбургію, отъ кошорыхъ и море шамошнее Кимврійскимъ прозвано. Тѣ же, кои, какъ выше показано, жили около Балтійскаго моря и далѣе къ ледовитому Океану, по пришествіи на Княженіе Рурика, да и прежде ужé сполько перемѣшались и породнились со *Славянами*, что на послѣдокъ спали составлять одинъ народъ; естъ однакожь и по днесь особенные роды шого древняго Русскаго Народа, извѣстные нынѣ подъ названіемъ, *Финскихъ народовъ*, и сущь: *Лолари, Финны, Латыши, Мордва, Вотяки, Телтяры, Вогуличи, Отяки* и прочія поспоронія малыя поколѣнія. Они сущь самыя древнія сѣверныя Россіи жшели, и обшпающъ всѣ, кромѣ Ошяковъ и Вогуличъ, по сію сторону Уральскихъ горъ, составляющихъ естешвенный между Европою и Азіею предѣлъ.

По самому древнему ихъ сосшоянію были они всѣ кочевыя Народы; но въ послѣдующія времена, а особливо по обращеніи ихъ отъ языческаго суевѣрїя къ Хршштанскому закону, сдѣлались они изъ скошководовъ землешашцами, и подвижнымъ своимъ жилищамъ предпочли одномѣшныя.

Разсѣянныя въ восточныхъ Сшранахъ не большіе Народы сообразовались въ словѣ и одеждѣ съ шѣми Народами, кои имъ были порубежны, или кошорыхъ они подъ иго свое покеряли. Такимъ образомъ много перснали кое чего Чуваша отъ Тамаръ; Мордва, а особливо Зиряне и Пермьки, коихъ шеперь почти и признашъ не можно, отъ Россіянъ; Ошяки отъ Семоядовъ, и такъ далѣе. Однакожь весьма удившельно, что премногія, въ разсѣянїи живущія, *Финскія поколѣнія*, и при различномъ положенїи занимаемыхъ ими мѣстъ, имѣющъ еще и шеперь очень много *сбственнаго и сообразнаго* главнымъ Финскаго племени колѣнамъ въ разсужденїи шѣлообразія, общенародныхъ свѣйствъ, языка, нравовъ, одежды, суевѣрїя, и проч. Все сіе явшвенно будешъ видно изъ часшныхъ описаній. Достойно такъ же примѣчанія и шо, что премногіе изъ сихъ Народовъ живущъ еще и шеперь шолько въ сѣверныхъ, болошисшыхъ и лѣсшсшыхъ Сшранахъ, кои изкони были любимыя Финскаго племени мѣсша; въ разсужденїи чего и называющся они *Аболотными жшителями* (Суома Яме). Звѣриная и рыбная лорля была первымъ ихъ промысломъ. Въ прочемъ кажешся бышъ и дѣйшвшельно вѣроятно, что споль великое сходство доказываешъ не оспоримо основанное на самой ишшнѣ мнѣніе г. Сшатскаго Совѣшника Миллера, такъ и Профессора Фшшера: *то всѣ сіи Народы сущъ не особливыя какія, но шолько отщешвшіяся отъ Финскаго племени колѣна.*

ЛОПАРИ.

Лопари, или *Лалландцы*, называютъ себя *Самани* и *Сомами*, а Сшрану свою *Самсандю* и *Самеландю*. Они живутъ въ Архангельскомъ Намѣстничествѣ, въ Кольскомъ уѣздѣ, и занимаютъ простирающуюся выше Бошническаго на сѣверѣ залива, между находящимся въ западной сторонѣ *Сѣвернымъ*, а въ восточной *Вѣлымъ* морями землю, лежащую по Россійскому Ашласу между 67 и 75 степенями сѣверной широты, и сосящую какъ изъ подавшихся наиболе къ сѣверу *Алтайскихъ горъ*, такъ и изъ склоненія оныхъ на востокъ и югъ въ низменныя, болошисныя, дикія, лѣсисныя и озерами изобилующія, горисныя мѣста. Норвежскіе, Шведскіе и Россійскіе предѣлы сошлись шамъ такъ, что *Шведская Лопарія* въ южной самую большую, *Россійская* въ восточной, а *Норвежская* въ сѣверной сторонѣ высокыхъ горъ меньшую занимаетъ часть земли. По причинѣ неплодородія шамошнихъ горъ и суровости воздуха, такъ какъ и по тому, что Лопари живутъ почти звѣробразно, не можетъ сей Народъ, сошвѣшественно обширности занимаемой имъ Сшраны, быть многолюденъ. Россійская Лопарія заключаетъ около тысячи вершъ въ поперешникѣ; но больше 1200 не наберется шамъ Лопарскихъ семей. Норвежская Лопарія гораздо меньше, а Шведская на противъ того не сравнительно больше занимаетъ пространства; воздухъ шумъ благораспореннѣе, но жишелей шоль же мало.

Лопари суть *Финскій Народъ*. Они назывались еще и за шесть сотъ лѣтъ до нашихъ временъ *Стрѣко Финнами* (бѣглыми Финнами), и вѣроятнѣе кажется, что нынѣшніе Финны, ошцещаясь отъ нихъ, переселились въ привольнѣйшія мѣста, для спокойнѣйшей и выгоднѣйшей жизни, нежели противное сему мнѣніе. Они издревле жили на своихъ горахъ, и управляемы были собственными Владѣльцами: но на послѣдокъ покорены Шведами, и шеперь нѣтъ у нихъ и памяши Дворянскихъ семей.

Росту они *средняго*. Почти у всѣхъ у нихъ видъ плоскій, щеки не обыкновенно запалыя, глаза темносѣрые, борода жидкая, волосы русые, густые, прямые, а цвѣтъ въ лицѣ, отъ воздуха, дыму и непряшности, изъ желша смуглый. Отъ суровой своей жизни, бываюшъ они слаженѣмъ крѣпки, проворны и изгибчивы, но при шомъ и лѣности подвержены.

Разумъ у нихъ обыкновенный простонародный. Въ прочемъ они миролюбивы, Начальникамъ своимъ очень покорны и почтительны, къ воровству не склонны, преспоянны, въ обхожденіи веселы, но не довърчивы, въ шоргахъ плутовашы, объ опечесивъ своемъ и общежительственномъ успросеніи очень много думаютъ, и столько какъ оными, такъ и самими собою плънены, что, будучи въ опечесства, умираютъ больше отъ сокрушенія своего по родинѣ.

Женщины ихъ росшу малаго, ласковы, не развращены, нарочито бывають пригосжи и чрезвычайно пугливы; въ чемъ и мужчины имъ подобны, но не совершенно. Ежели попадешъ на нихъ искра, не чаянно услышатъ шорохъ, такъ же когда увидятъ внезапно чужихъ, хотя съ лица и не дурныхъ, людей, либо другое что не важное, но для нихъ страшное: то находятъ отъ шого на нихъ шаль, и что имъ ни попадешся въ руки, шъмъ и бьютъ приближающихся къ нимъ, а когда чувствуются, то ни чего не помнятъ. Смотря на многочисленную ихъ бесѣду, можно примѣшить, что слушающіе пошевельваютъ устами такъ шочно, какъ и шъ, кои дѣйствительно разговариваютъ.

Языкъ ихъ, заимствующій начало свое отъ Финнскаго, имѣетъ столько нарѣчій, что и сами Лопари съ трудомъ всѣхъ своихъ одноплеменцовъ слова разумютъ. Всѣ слоги произнесатъ они столько жестко, что пѣніе ихъ, по сей причинѣ, бываетъ подобно вою и лаю наипротивнѣйшему. Они не знаютъ ни печатныхъ, ни письменныхъ буквъ; но употребляютъ начертанныя, по подобію какихъ ни есть звѣрей и вещей, *ксайма*, которыя кладутъ на свои бирки, или памяшники, да и въ мѣсто письменнаго заучашельства прилагаютъ. Мѣсяцы называютъ они по естественнымъ, надъ рашѣніями и звѣрьми производящимъ, явленіямъ. Такъ на примѣрѣ, называютъ они мѣсяцъ Май, Чесмесъ (лягушечій), и проч. Небесныя свѣшила различаютъ они также не дурно: *Медвѣдицу* называютъ они, лукомъ (Цоука). *Селизвѣздіе*, скопскимъ сердцемъ (Тейско), *Колету*, долгохвостую звѣздою (Зейпикснассе), и такъ далѣе. Многие упражняются и въ предсказаніяхъ, на звѣздочешствѣ основываемыхъ.

Потеніе оказываютъ они между собою по лѣшамъ, да по имѣнію. Жадность къ богатству есть самая большая ихъ шпась, и по шому очень часто вступаютъ они въ шажбы за наслѣдство. Корышолоубіе отвлекаетъ ихъ отъ всякаго о бѣдныхъ соболѣзно-

ванія, и какъ у нихъ не водится, чѣмъ ѣздила кто на томъ оленѣ, на коемъ везено мершвое шѣло: то и о родимельскихъ похоронахъ производящъ часло между дѣшми долговременные споры. Избѣгая за какое ни будь и не важное преступленіе наказанія, уходящъ они иногда изъ своего узда въ другой, съ онымъ порубежный; но сіе переселеніе кажешя имъ споль же важно, какъ Европейцу пушешесствіе въ Индію.

Народъ сей *не отсталъ*, и по принятіи Христіанскаго закона, *отъ козевой* своей жизни, да и по надобно сказашъ, что сельское домостроительствво въ занимаемой имъ Сперанъ было бы не прибыльно. Въ прочемъ *раздѣляется* оный на *нагорныхъ* и *ломорскихъ* жшелей. Нагорные Лопари, кои со снадами своими, изъ не равнаго числа оленей состоящими, живущъ какъ на горахъ, такъ и по близости оныхъ, почти безпресшанно перебирающя съ одного мѣста на другое. Ихъ можно назвашъ преискусными и рачительными скошководцами, и, въ сравненіи съ поморскими Лопарями, богатыми: ибо есть между ими такіе зашшочные люди, кои имѣющъ сошъ по шести и по тысячѣ оленей, да съ верхъ шого еще наличныя деньги, или серебряную посуду. Оленей своихъ замѣчаютъ они на ухахъ, и дѣлящъ ихъ на сполько разныхъ родовъ, что, хотя считаешъ и не умѣющъ, узнающъ съ перваго взгляду, кошорыхъ не доспашетъ. У кого жившныхъ сихъ не много, шомъ даешъ каждому особое названіе. Излишнихъ же оленей холоспаштъ, раздавливая зубами сѣмяшныя хранилища. Самцы олени, всѣ бодры, смирны, велики, дюжи и красивы; въ разсужденіи чего и употребляютъ ихъ Лопари всегда въ поѣздки, и при шомъ сполько они имъ милы, что ежели мужчина, или женщина, вздумаешъ кому сказащъ ласковее слово: то называшетъ его оленемъ (Гаерге Ецъ).

Поморскіе Лопари, называемые такъ же лѣсными и звѣроловными, по шому, что живущъ лѣшомъ около морей и озеръ, а зимою въ лѣсахъ, заимствующъ пропитаніе свое отъ рыбной и звѣриной ловли, и избирающъ всегда подъ жилища свои привольныя, для сихъ промысловъ, мѣста. Однакожь большая ихъ половина держитъ у себя и оленей, по незнашному числу. Съ одного мѣста на другое переселяющя они рѣдко, и сущъ въ прочемъ рачительные и искусные звѣроловы. Огнеспрѣльное оружіе со всѣмъ почти вывело у нихъ изъ употребленія лукъ и стрѣлы. Ежели кто ни будь изъ нагорныхъ Лопарей придетъ въ бѣдностъ, то уступаешъ остальныхъ своихъ оленей кому ни есть изъ пріятелей, а самъ прини-

иается, для исправленія своего, за звѣриный промыселъ, который и продолжаешъ до шѣхъ поръ, пока обстоятельство его не переменяшся. Дикихъ оленей, волкобъ и другихъ, симъ подобныхъ, звѣрей бьютъ они больше дубинами, но по тому, что на лыжахъ свободно ихъ догоняюшъ. Медвѣдей же сперва подспрѣливаюшъ, а по шомъ рогатинами съ ними управляюшся.

Сверхъ оленья скошоводства, такъ же рыбной и звѣриной ловли, *дѣлаютъ мужчины* про себя не большія, легкія и плоскія *лодки*, подобныя имъ видомъ сани, оленью збрую, всякую деревянную посуду, чашки, стаканы, и прочую, которую либо украшаюшъ не дурною рѣзьбою, либо обкладываюшъ костью, оловомъ и рогомъ. Мужчины исправляюшъ такъ же, безъ помощи женъ, и всю поваренную работу.

На прошивъ того *женщины* вяжущъ сѣти, сушащъ на солнцѣ мяса, вялящъ рыбу, доящъ ланей, приутопляютъ сыръ, выдѣлываютъ мягкую рухлядь, шеребятъ звѣриныя жилы, для употребленія въ шитьѣ, въ мѣсто нипскъ, волочащъ проволоку изъ олова; причемъ, за неимѣніемъ волочильныхъ желѣзъ, пробуравливаюшъ въ оленьихъ рогахъ дырочки, и дѣлаюшъ сперва круглую, а по шомъ плоскую проволоку. Они такъ же поршничашъ, вышиваюшъ волочнымъ оловомъ, серебромъ, мишурою и шерстью узоры, и упражняюшся въ красильномъ искусствѣ.

Живутъ въ подобныхъ полевыхъ ставкамъ шалашахъ, состоящихъ изъ вколоченныхъ въ землю, и къ верху будто куполомъ сведенныхъ сполбиковъ. Въ поперешникъ бываюшъ шалаша ихъ по пяти, а въ вышину съ не большимъ на одну сажень. Они покрываюшъ оный, сообразуясь съ теченіемъ времени и своими деспатами, хворостомъ, дерномъ, берестю, холстомъ, шолстымъ сукномъ, войлоками, или вѣскими оленьими кожами. Входъ въ шалаша ихъ закрываешъ навѣсъ, обтянушый сукномъ, войлокомъ или другимъ чѣмъ. По серединѣ бываетъ, для разводу огня, обкладенное камнями мѣсто, надъ которымъ опущена для вѣшанія копла цепь. Вокругъ огня сыплюшъ они еловую труху, и покрываюшъ оную подложенными мѣхомъ одѣялами, войлоками, или инымъ чѣмъ. Они не могушъ въ шалашахъ своихъ стоять прямо, но сидящъ около огня на цыпкахъ. Ночью спятъ все они нагѣ, и кладушъ промежъ себя, для ошдѣленія ночлѣговъ, жерди. Платьемъ своимъ одѣваются, а иногда кладушъ оное и подъ себя. Въ зимнее время надѣваюшъ, ложащъ спать, на босыя ноги шепалья кисы.

Лопаръ.
Ein Lappländer.
Un Lapon.

Пожитки ихъ составляютъ чугуныя кошлы, украшенныя изрядною рѣзною работою чашки, спаканы, ложки, а иногда водящя у нихъ такъ же оловянныя и серебряныя спаканчики, и употребляемыя ими въ звѣриномъ и рыбномъ своемъ промыслѣ снасти. А дабы не таскашь всего съ собою, когда вздумаютъ на другое перебраться мѣсто: то дѣлаютъ въ лѣсахъ, гдѣ кто захочетъ, на срубленныхъ, выше сажени отъ корня, деревьяхъ подобныя нашимъ голубяшнымъ чуланы, въ которые кладутъ пожитки свои и съестныя припасы. Они ни когда оныхъ не запираютъ, однако пропажъ не бываешъ.

Что касается до *одѣянiя* ихъ, то бѣлье совсѣмъ у нихъ не въ употребленiи. *Мужчины* носятъ узкiя, за самыя лодыжки припущенныя шпаны, востроносую изъ невыдѣланныхъ кожъ, и съ переди закорюченную обувь, въ которую кладутъ зимою нѣсколько сѣна, по костямъ сшитыя душегрѣйки, кои носятъ въ распашку, и сдѣланное, по росту, верхнее одѣянiе, у коего рукава бываютъ узкiе, а полы по колѣна. Подпоясываются украшенными мѣднымъ или оловяннымъ наборомъ ремнями, къ которымъ привѣшиваютъ ножъ, огниво съ принадлежностью и шабашный приборъ. Одѣянiе свое шьютъ изъ мягкой рухляди, кожъ и сукна; кожаное и суконное платье бываетъ у нихъ всегда либо опушено, либо цвѣшнымъ сукномъ по краямъ оторочено. Шапки носятъ съ околышами, на которые употребляютъ Россiйскiе Лопари, по большей части, содранныя съ крысъ шкурки. Къ верху сводятся они востро, и выкладываются по чешыремъ швамъ суконными, другаго какого цвѣшу, полосками. *Женщины* носятъ подобныя мужскимъ шпаны, обувь, душегрѣйки и верхнее одѣянiе, а поясъ, къ коему такъ же привѣшиваютъ шабашный приборъ, вышиваютъ по часту волоченымъ оловомъ. У верхняго ихъ платья дѣлается воротникъ пошире мужскаго. Къ наряду ихъ принадлежатъ такъ же ошейныя повязки, маленькiе, изъ пестрой Россiйской набойки, запоны, перстни, кольца и серьги, къ коимъ прицепляютъ иногда серебряныя цепочки, и обвертываютъ оныя нѣсколько разъ около шеи. На шапкахъ ихъ бываетъ не рѣдко такое множество складокъ, что нарочито походящъ на узолъ. Онѣ носятъ такъ же и по головѣ сдѣланныя, шапочки, кои всегда либо узорчато вышиваютъ волоченымъ оловомъ, либо украшаютъ цвѣшными суконными полосками.

Пищу свою заготовляютъ они больше отъ оленьяго скотоводства, такъ же отъ рыбной и звѣриной ловли. Оленье мясо,

начиненныя колбасы кровью, которую, или одну, или смѣшавъ съ дикими ягодами, пропускаютъ въ оленій желудокъ, и варятъ; равномерно внутренность сей скотины, сыръ, масло и молоко составляютъ главныя ихъ ѣсвы. Изъ всѣхъ звѣрей почти пающа у нихъ шапающіеся, въ великомъ множествѣ, дикіе олени наиболѣзливѣйшими, а медвѣди наивкуснѣйшими. Они ѣдятъ не только всякую рыбу и шюленей, но и всякихъ звѣрей и птицъ, не гнушаясь при томъ и хищными родами оныхъ. На зиму сушатъ на солнцѣ мясо, и вялятъ рыбу, а ѣдятъ, не варя. Они замораживаютъ, такъ же въ прокъ, въ звѣриныхъ желудкахъ оленья молоко и всякіе дикіе плоды. Когда вздумаютъ зимою полакомиться молокомъ, то колютъ замороженное, и грызутъ, какъ ледъ. Ворвань, а иногда и соль, служатъ имъ въ мѣсто прянаго коренья. Нѣкоторыя Лопари покупаютъ, или вымѣниваютъ муку и крупу, для жидкихъ ѣсней. Въ числѣ *лакомствъ* ихъ не послѣднее занимаетъ мѣсто *лростокваша*, дѣлаемая ими изъ оленьяго молока, въ которое кладутъ праву *василекъ*. (*) Изъ *сыру* своего, который бываетъ такъ шученъ, что, ежели къ свѣчѣ прислонишь, горитъ, варятъ они и пехлебки.

Обще ихъ *литье* естъ или чистая, или съ молокомъ смѣшанная вода, такъ же рыбныя и мясныя опшары. Вина у нихъ рѣдко гдѣ доспастъ можно, хотя они въ прочемъ и великіе до онаго охотники.

Подушныи окладъ плашатъ они шѣмъ Владѣльцамъ, на чьихъ земляхъ живутъ; и поелику они при спраншвованіи своемъ касаются и порубежныхъ Обласней: то многіе плашатъ двумъ, а нѣкоторыя и всѣмъ премъ Государствамъ, сирѣчь: Россіи, Швеціи и Даніи подаши, которыя однакожь во обще столь умѣренны, да и самыя Лопари такіе п.корные люди, что не бываетъ о томъ ни какихъ споровъ. Самый большій *торгъ* производятъ они шеперь съ Норвежцами. Въ прежнія времена мѣнялись они съ ними товарами, а шеперь торгуютъ больше на наличныя деньги; при чемъ Лопари главную получаютъ прибыль, по тому, что на мягкой рухляди больше выручаютъ, нежели сами плашатъ денегъ за сукно, ножи, шпоры, щепильные шовары, муку, крупу, и симъ подобныя надобности. И по тому плашатъ они шеперь подаши свою обыкновенно наличными деньгами, хотя Россійскимъ Лопарамъ и дозволено, въ мѣсто оныхъ, отдавать въ казну мягкую рухлядь.

(*) *Pingvula vulg. Lin.*

Лопарская баба.
Eine Lappländische Frau.
Une femme laponne.

Когда прїдетъ пора *ѣсть*, то старѣйшина семейства расширяетъ рогожу; а на голой землѣ опнуодъ не спавяшъ они своихъ ѣшвѣ. Около рогожи и поставленной пищи садяшся мужчины и женщины. Всякъ носитъ при себѣ ножъ, ложку и не большую для пишья чашку. Ёшвы дѣляшъ они шомъ часъ по рукамъ, чтобъ не было ни кому обидно: ибо всѣ они добрые ѣдоки. Какъ передъ ѣдою, такъ и послѣ оной моляшся они корошенько; а когда всѣ уже насышяшся, то даюшъ одинъ другому руку. Во время взаимныхъ *лосѣщенїй* даюшъ они такъ же одинъ другому руку, и цѣлуются, говоря при шомъ: *бѣерисѣ!* а по другому выговору *лѣересѣ!* (здравствуй!). *Про гѣжихѣ* людей, когда хошяшъ ихъ посадишъ, спелюшъ всегда свое одѣянїе; а первымъ мѣшомъ почитаешся у нихъ шо, когда посадишъ промежъ хозяиномъ и хозяйкою. Госпей своихъ пошчуютъ они плодами и куришельнымъ шабакомъ; плюютъ они себѣ въ руку, а по шомъ шянушъ мокроту въ носъ. Когда *идутъ* къ кому, *лоснатиѣ* себя, *въ гости*: то несутъ всегда гостинецѣ. При прощанїи пошупаюшъ такъ же, какъ и при встрѣчѣ. Кому они доброжелательшвуюшъ, шѣхъ называютъ *бѣорѣ арцѣ*. Бань у нихъ со всѣмъ нѣшъ, а моюшся по субботнымъ днямъ, кои пошпаюшъ наисвяшѣйшими, въ рѣчкахъ, и при шомъ часто оба пола въ мѣспѣ. Лежалыя деньги, такъ же серебро, и во обще все шо, чшо пошпаюшъ дорогимъ, зарываюшъ въ землю, и не объявляюшъ ни кому о шаковыхъ своихъ вкладахъ и при самой смерти, для шого, чшо думаюшъ пользовашся симъ имѣнїемъ и на шомъ еще свѣшѣ; а по шому большая половина ихъ штяжанїя пропадаетъ.

По причинѣ суроваго воспитанїя, много *цлираетъ* у нихъ дѣшей, а кошорыя ошпаюшся въ живыхъ, нѣ бываюшъ по большой части здоровы и бодры; чшо производишъ, можешъ спашся, ошъ ихъ безпечности, умѣренности, движенїя и ошъ шого, чшо избираюшъ всегда для жилищъ своихъ высокїя мѣста. Однакожъ рѣдко кто доживаешъ у нихъ до глубокой старости. Обыкновенныя ихъ *болѣзни* супъ слѣдующїя: короста, чахошка, горячка съ пятнами, ломъ въ костяхъ и бїенїе слезы изъ глазъ, ошъ снѣгу и дыму. Пользуешся же они въ болѣзняхъ своихъ больше суевѣрными, нежели дѣйствительными, врачеванїями: при чемъ употребляютъ такъ же для изцѣленїя наружныхъ ранъ сосновую сѣру; ошъ коросты моюшся уваромъ изъ ольховой коры, а ошъ внутреннихъ болѣзней пьютъ парную изъ дикихъ оленей кровь. Наибольше же употребляется, и ошъ всякой боли общею помощью пошпаешся, у нихъ прижи-

таніе больного мѣста губкою, которую зажегши кладушъ на оное, и не снимаюшъ до шѣхъ поръ, пока кожа не шрѣснешъ.

Безплодіе вмѣняется у Лопарокъ шакъ же, какъ и у Жидовокъ, въ безчестіе. Роды у нихъ бываюшъ обыкновенно легкія, а какъ женщины, кои бы могли въ нужномъ семъ случаѣ пособить, далеко иногда искашъ: по мужа сами имъ помогаюшъ. *Колыбели* у нихъ долбленыя, не велики и легки, а съ виду походяшъ на шкальные челноки, или на завосшренныя съ обѣихъ концовъ ночовки. Дѣшей кладушъ они въ нихъ, подославши моху, нагихъ, и прикрывъ лоскушомъ какого ни будь мѣха, перешагиваюшъ съ верху веревочками. Колыбели вѣшаюшъ какъ въ шалашахъ, шакъ и на древесныхъ сучьяхъ; а когда переселяются въ другое какое мѣсто, по мапери носяшъ ихъ за плечами, какъ ранцы. Отецъ надѣляешъ всегда новорожденнаго младенца одною ланью, и особливимъ замѣчаешъ оную клеймомъ, которое въ послѣдующее время бываетъ заучительнымъ новаго сего члена общества знакомъ; приплодъ же отъ шаккой подаренной младенцу лани почитается его собственнымъ, а не къ общему наслѣдству принадлежащимъ имѣніемъ.

Родители *женятъ* и *за мужъ выдаютъ* дѣшей, по своей единственно волѣ, уважая при шомъ одно шолько имѣніе; а по шому и безобразная дѣвка, когда шолько не скудна, можетъ выйти за хорошаго человека. Холоснымъ не дозволяется у нихъ жениться до шѣхъ поръ, пока не выучатся свѣжовать оленей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разполагается договоръ о бракѣ съ шаккою превеликою шочностію, какъ будшо о какой куплѣ; хошя въ прочемъ запросы бываюшъ и нарочито не помѣрны. Даваемое женихомъ *за невѣсту награжденіе* *принимается шетомъ*, и состоитъ въ извѣшномъ количествѣ оленей, или мягкой рухляди.

Свадьба бываетъ у невѣшты, которая въ самомъ лучшемъ своемъ нарядѣ выходитъ къ гостямъ просшолоса; а въ другую пору всегда повязана голова какъ у бабъ, шакъ и у дѣвокъ. Свадебное ихъ угощеніе ешъ не иное что, какъ общешвенное пиршештво, на которое идучи несетъ всякъ съ собою какъ съѣшное, шакъ и напешки. *Забавляются* же они на свадьбахъ и при другихъ сборищахъ *игрою въ гусека*. Сія игра подобна шахмашной, и производишся шринадсяшью камышками, предшавляющими гусей и лисицу. Увеселяются шакъ же борьбою, прыганьемъ черезъ держимые въ долъ шесты, рассказываньемъ забавныхъ басень, нескладнымъ, и пополамъ съ крикомъ смѣшаннымъ, пѣніемъ и пляскою. Молодые жи-

вупъ первый годъ у шестя и щещи, а по шомъ перебираюшя въ свой шалашъ.

Умершихъ предаюшъ они погребенію безъ гробовъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кладушъ въ одбѣни, а въ другихъ со всѣми нагихъ. Оставшіеся при языческой своей суевѣрїи Лопари погребаютъ славнѣйшихъ своихъ спрѣльцовъ по близости шѣхъ мѣстъ, гдѣ приносяшъ богамъ своимъ жершвы. Въ прежнія времена клали они покойниковъ на землю, и обклаивъ ихъ камнями, наваливали еще и съ верху по великой грудѣ камня же; а шеперь оборачиваютъ обыкновенно на могилѣ сани, и кладушъ подъ нихъ по немногу пиши и ушвари, что дѣлаюшъ тайно и принявшіе Христїанскїй законъ Лопари. Зажиточные люди угошворяюшъ для провожающихъ похороны не большой пиръ, а большая половина сего не зашѣваешъ.

Всѣ Шведскїе и Норвежскїе Лопари, а изъ Россїйскихъ большая половина, *называются Христїанами*: однакожь у сихъ Христїанъ суевѣрїе въ великой еще силѣ, и Христїанскїе обряды перемѣшаны съ языческими. Будучи Язычниками вѣровали они, да и шеперь вѣруюшъ, въ *Юбмела, общаго Бога*, и думаютъ при шомъ, что кромѣ его есть еще добрые и злые, мужскаго и женскаго пола Божки и Богини *меншаго достоинства*. Живушъ и правительствуюшъ они, по мнѣнію ихъ, либо *въ небѣ*, какъ *Юбмелъ* и *Редіанъ*, прїемлющїй къ себѣ шѣхъ, кои жили благочестно; либо *на воздухѣ*, какъ *Бейве* (Солнце), *Горангелисъ*, называемый такъ же *Ая* и *Горъ*, и значащїй грозу, *Буагъ Олмай*, располагающїй бурями и порывисшими вѣтрами; либо *на землѣ*, на свяшыхъ горахъ, какъ *Лейвъ Олмай*, богъ звѣроловства, *Мадеракко* съ шремя своими дочерьми, Богинями, женскія дѣла устроющими и судящими, *Сайво Олмай*, нагорные Волшебниковъ Боги, и проч. *Подъ земною же поверхностью* обитаюшъ, по ихъ разсужденію, и владычествуюшъ: *Амбе Акко*, мать смерти, у кошорой разлучившіяся съ шѣломъ души пребываюшъ до самаго рѣшенія ихъ судьбины; а *въ Средотїи земли*, или ада, гдѣ *Пескалъ*, глава злыхъ духовъ, господствуетъ надъ беззаконниками *Рота* и другїе Боги. Они вѣруюшъ такъ же, что и *въ водѣ* есть злые Боги и Богини. Въ прочемъ боится они *Коболда*, вѣдьмъ, лѣшихъ, русалокъ и проч. Разные Лопари имѣюшъ не рѣдко со всѣми опшѣнную о всѣхъ во обще, или о нѣкоторыхъ шолько *Богамъ вѣру*, и при шомъ не шокмо между собою

несогласны, въ разсужденіи количества оныхъ, но исповѣдуютъ еще и чуждыхъ Боговъ и духовъ.

Святые горы служатъ имъ *въ мѣсто капищъ*, и заимствуя всегда прозваніе свое отъ оленей, какъ на примѣрѣ, *Стирень-алда*, олень горы Спира; не меньше почитаютъ они *святые озера* (Аилекасъ Яувра), и *рѣки* (Пассе Юкѣ). Во всѣхъ шаковыхъ мѣстахъ стоятъ освященныя деревья, на коихъ видны разные, Лопарями начершанные, виды, а по близости оныхъ находятся, сдѣланные ими отъ 3 до 5 фушовъ въ вышину, жертвенники. Мѣста сіи кажутся и принявшимъ уже Христіанскій законъ Лопарямъ такъ спрашны, что не смѣютъ безъ жертвы къ онымъ приближиться, и по тому они въ околицѣ оныхъ ни звѣрей не ловятъ, ни сами не живутъ. Наипаче же женщинамъ должно, по ихъ мнѣнію, убѣгать шакихъ мѣстъ. Тамъ стоятъ у нихъ деревянные, безобразные, изъ корня вырѣзанные, или изъ камней устроенные *идолы*: первыхъ называютъ они *Пассами*, а послѣднихъ, кои видны больше при озерахъ и рѣкахъ, и состоятъ изъ цѣлыхъ грудъ, спирально огромощенныхъ, камней, нарицаютъ *Саедами*. Когда ловятъ они въ шаковыхъ озерахъ рыбу, то должно имъ наблюдать безмолвіе, не водить за собою собакъ, не брать себѣ въ подмогу женъ, и прочее.

Жертвы приносятъ они, по случаю болѣзней, падежа оленей, бесплодныхъ женишьбъ и другихъ временныхъ угнѣшеній. *Волшебникъ* долженъ имъ сказывать, къ какому Божеству надобно имъ обратиться, такъ же какую и гдѣ надлежитъ принести жертву, и проч. На шакой конецъ употребляетъ онъ иногда *волшебный* свой *барабанъ*, кошорый есть не иное что, какъ продолговато, круглый съ одной стороны кожею обшянутый, языкъ, около коего бываетъ великое множество веревочекъ и всякихъ мѣлочей. На барабанной кожѣ представлены изображенія небесныхъ свѣтилъ, такъ же звѣрей, птицъ, заручительныхъ знаковъ, и сему подобнаго. Волшебникъ, положе на оную кольцо, и удара колошущкою, кошорую составляетъ ихнашый оленій рогъ, можетъ, по мнѣнію Лопарей, узнать по тому изображенію, на коемъ ляжетъ попрыгивающее кольцо, какой давать ему отвѣтъ на всѣ, до прошедшаго и будущаго касающіеся, вопросы. Они призываютъ такъ же барабаномъ своимъ и духовъ; при чемъ шѣло ихъ обмираетъ, а душа переселяется на сборное духовъ мѣсто, и тамъ съ ними переговариваетъ.

Всякъ приноситъ отъ себя единственно жертву. Пріуготовляясь же къ обряду сему, очищается, и привязываетъ крѣпко всѣхъ

собакъ, чшобъ которая ни будь не перебъжала чрезъ его дорогу, и по шомъ, взявъ съ собою коспи, или рога пребуемаго Богами въ жершву звѣря, пускается въ пушь къ святому мѣсшу, не говоря о шомъ ни кому, а увидѣвъ оное, кидается опрочешью на землю, и ползетъ къ своей святынѣ. По шомъ возлагаетъ приношеніе свое на жершвенникъ, молился, приложя лице свое къ землѣ, и вспавъ, возвращается въ свое жилище. Большая половина жершвъ оспаается престо на мѣсшѣ, а отъ шого превеликіе скопляются груды кошеш и роговъ; но нѣкоторыя и зарываютъ оныя, по шому, можешъ бытъ, что дарятъ подземнымъ Божешшвамъ. Мясa не приносятъ они ни когда въ жершву, будучи крѣпко увѣрены, что Боги не преминутъ покрыть онымъ коспи. Ежели собака пріймешся глосать жершвенную кость, шо должно оную убить, и вырѣзавъ изъ нее шу же самую кость, кошорую она изгрызла, положить, въ мѣсшо оной, на жершвенное мѣсшо. Иногда выпускаютъ они кровь назначенныхъ въ жершву звѣрей въ рѣку, или проливаютъ молоко, либо вино, на землю въ жершву, для умилоспивленія къ себѣ *земныхъ и водяныхъ* Боговъ.

Держащѣся шаковыхъ миѣнй люди, кошорые при шомъ, и по сложенію своему, пугливы, должны изобиловать *сновидѣніями, страшилищами, сусѣрїями и сказками*; да у нихъ и подлинно всего шого довольно. *Медвѣдя*, на примѣрѣ, называютъ они не симъ именемъ, но *лодшубнымъ старикомъ*. Они вѣрятъ, что ихъ чародѣи могутъ производить и прерывать вѣшры и дождь, шакъ же призывашъ и прогоняшъ насѣкомыхъ, разговаривашъ съ духами, и проч. Но при шомъ вѣрятъ, что громъ ихъ преслѣдуетъ, и что естли бы не было грому, шо волшебствомъ уничтожилась бы вселенная. Нѣкоторымъ реченіямъ и образованіямъ присвоятъ они особливая силы, и держашся многихъ, другихъ симъ подобныхъ, нелѣпностей. При всемъ шомъ есть и между ними не меньше, можешъ бытъ, прямыхъ Греческаго и Люшеранскаго исповѣданія Христїанъ, какъ и въ самыхъ шѣхъ Спранахъ, гдѣ всѣ во обще жишели исповѣдуяшъ Христїанскую вѣру.

Ф И Н Н Ы .

Финны называютъ себя *Самами* и *Суомами*, а землю свою *Суолою*, *Самую* или *Суоменъ-Сарюю*, что значитъ болотистую и озе-рами изобилующую Спрану. Слово же *Финнъ* и *Феннъ*, такъ какъ и названіе ихъ Земли, есть преложеніе Гоэскаго ихъ наименованія Соумс. Россіяне называютъ ихъ обыкновенно *Тухонцами*, или *Май-мистами*. *Финнская Земля* занимаетъ съверо восточный Ботническаго и Финскаго залива уголъ между 60 и 65 степенями сѣверной широты, а пространство оныя считается во обще на шридцать ты-сячь Россійскихъ верстъ. Финны живутъ въ Выборгскомъ намѣст-ничествѣ и С. Пешербургской губерніи, гдѣ они Ижорцами или Ин-грамми называются, такъ же около Валдая и Бѣжецка, и сушь боль-шею частію Лютеранскаго исповѣданія. Спрана сія камениста, но высокихъ горъ въ оной мало; лѣсовъ и превеликихъ болотъ, такъ же особенныхъ озеръ съ островами и безъ оныхъ, промежъ кошо-рыми есть мѣстами и *плодородная лоща*, великое шамъ множе-ство, да и *минералами* суровая сія Спрана не неизобильна. Боль-шая половина Финнской Земли принадлежитъ *Швеціи*, а *Жореліюю*, какъ южною частію оной, владѣетъ *Россія* съ 1721 года. Въ про-чемъ спрама сія по причинѣ вышепомянутыхъ препяшствій насе-лена посредственнo.

Финны, отъ предковъ коихъ произошли почти всѣ сѣверные Европейскіе Народы, сушь Азіашцы, преселившіеся въ древнія, не-извѣстностію покрытыя времена, изъ восточныхъ своихъ Спранъ въ занимаемая ими шеперь на западѣ Земли. Они сообразны, по своему произхожденію, нраву и языку многимъ Европейскимъ и Азіашскимъ Народамъ, какъ то, *Теремисамъ*, *Тувашамъ* и дру-гимъ: но ни съ кѣмъ столько не сходствуютъ, какъ съ *Лопарями* и *Пермяками*. Кажется, что они ошдѣлялись отъ *Лопарей* не прежде, какъ въ шринадсятомъ столѣтїи, при разпроспраненїи Христіанской вѣры и утвержденїи жилищъ на одномъ мѣстѣ. Въ Финнской Землѣ называются еще и шеперь многія горы, рѣки и озе-ра Лопарьскими именами. Изданное, въ 1335 году, Шведскимъ Ко-ролемъ *Смеколъ* учрежденіе можетъ удостовѣрить насъ въ томъ, что Финны промышляли тогда звѣриною и рыбною ловлею да ско-шководствомъ, и что они держали у себя оленей, съ коими пересе-лялись съ одного мѣста на другое. Да и изъ повѣствованій видно,

Цьхонской мужикъ.
Ein Finnischer Bauer.
Paisan de Finlande.

что они не въ лучшемъ были тогда состояніи и около Курскихъ и Ливонскихъ Балтійскаго моря береговъ. Они имѣли собствѣнныхъ своихъ Владѣльцовъ, но въ началѣ шринадсятаго столѣтія покорены Шведами.

По наружному виду Финны совершенно сообразны Лопарямъ; но шѣлесными и душевными добрыми качествами далеко отъ нихъ отошли. Росту они обыкновеннаго; жительствоуютъ въ городахъ и деревняхъ; говорятъ собственнымъ языкомъ, и пишутъ Гоескими буквами; имѣютъ у себя разныя частныя и вышнія Училища, и марочито успѣвають въ различныхъ Художествахъ и Наукахъ. Исповѣдуя *Лютеранскій законъ*, употребляютъ и *Христіанское лѣтосчисленіе*. Да и шѣ, кои Россійской покорены Державѣ, пользуются Шведскими правами и преимуществами: но со времени открытія Намѣстничества больше сообразовались повелѣнію Россійскимъ законамъ и учрежденіямъ. Они сославляютъ одно только чиновное, и Дворянъ у нихъ нѣтъ: однакожь крестьянинъ уступаетъ мѣщанину и купцу, а всѣ во обще даютъ преимущество Государевымъ служилымъ, или такъ называемымъ *Синовыми Людямъ*.

Города ихъ подобны Шведскимъ. Жители оныхъ производятъ шорты и: всякіе мѣщанскіе промыслы; а *сельскіе обыватели* упражняются въ землешествѣ, звѣриной и рыбной ловлѣ, въ сидѣніи дѣтшу, спроеніи судовъ, и другихъ, симъ подобныхъ, дѣлахъ. Не только *деревни*, но и самыя *дворы* ихъ бывають часто въ превеликомъ между собою отдаленіи. Финнскіе дворы, по большей части, пространны. Жилье раздѣляется на три избы, изъ коихъ одна называется зимнею, другая лѣшнею, а третья спряпущею. На дворѣ же приспраивають закромы, сѣнныя сушила, конюшни, клеветы, овины, кладовыя и бани. Все спроеіе свое взводятъ они такъ, какъ въ Россіи и Швеціи, изъ бревенъ. Хозяйство же свое ведутъ, по Шведскому обыкновенію, да и домашняя у нихъ ушваръ шакая же, какъ и у Шведовъ.

Землешество наибольше прибыточно въ Кореліи; но во многихъ мѣстахъ, гдѣ земля *олоковата, холодна и клягами прорѣзана*, и гдѣ при томъ ранѣе оказываються ночные заморозы, часто бываешь оно и неудачамъ подвержено. Рожь и овесъ почитаються тамъ надежнѣйшими посѣвами. А какъ и въ самыя благополучныя для землешестцевъ годы не бываешь у нихъ никогда излишества въ хлѣбѣ: шо, въ случаѣ неурожая, великую претерпѣвають они

нужду, и предохраняя себя, сколько можно, отъ голоду, мѣшаютъ съ мукою сосновую кору и другія изъ царства растѣній существованности. Сѣверныя Финны держатъ еще и шеперь *олени*; а у прочихъ водятся обыкновенная дворская скошина. Всякій скотъ ихъ крѣпокъ, но роспу малаго. *Зѣбриная и рыбная ловля* служитъ многимъ самымъ надежнымъ изсточникомъ пропитанія. *Деревенскія женщины* шрудолюбивы и домовиты. Онѣ валяютъ толстыя сукна, шкутъ холстъ, красятъ, и проч. Ткальный ихъ снарядъ не можеть безъ главныхъ недоспашковъ простиѣ бытъ нынѣшняго; ибо онѣ могутъ и шеперь, при самомъ печеніи своей работы, легохенько оный разбирашь, и опять спановишь. *Масло* прѣугошовляютъ онѣ не по Россійскому обыкновенію, сирѣчь не перешапляютъ, но пахшаютъ. Простолюдимы, *добрыя ѣдоки*, и по шому ѣдятъ по пяши разъ въ суши, да и до *хлѣбнаго вина* спрасшныя охошники.

Одѣяніе городскихъ жипелей и чиновныхъ Людей ни чѣмъ отъ Шведской городской одежды не ошмѣнно. Да и *мужики* такое же шочно носятъ плашье, какое и Шведскіе крестьяны. Они опрашнвають бороду, а иногда и бреють, оставляя одни только усы. Носятъ широкія штаны, чулки, или обвершывають ноги онучами, лапши изъ древесной коры и кожаные башмаки, рубахи, кои прячуть въ штаны, душегрѣйки и маленькіе охабни, зашягиваемые съ перьва пуговицами, а по шомъ подпоясываемые ремнемъ. Волосъ они не завязываютъ, а голову прикрываютъ разпущенною и, почти на Голландскую похожею, шляпою, или разнаго вида шапками. Къ поясу привѣшиваютъ всегда большой ножъ, и иногда и ключи и огниный приборъ. Одѣяніе шють какъ изъ толстаго, собственнаго рукодѣлія, шакъ и изъ тонкаго, купленнаго, сукна, да при шомъ носятъ лѣшомъ кожаное, или холстинное, а зимою овчинное, или изъ какой ни есть мягкой рухляди сдѣланное.

Деревенскія женщины носятъ рубахи, штаны, чулки и кожаные башмаки, покрывающіе только подошвы, пальцы и запяшки; не очень долгіи, но широкій сарафанъ, узенькой запонъ, подобную верхней рубашкѣ тѣлогрѣйку съ широкими рукавами; голову покрываютъ фатою; шею и грудь обвѣшиваютъ, многими корольками и бисеромъ унизанными, нпшками, а въ уши продѣваютъ большія серьги. *Охабни и тѣлогрѣйки* шють, на лѣшо, изъ крашенинь, своего рукодѣлія, и украшаютъ иногда змѣиными головками, или раздешреннымъ шпшьемъ; а на зиму изъ толстаго сукна, или выдѣ-

*Чухонская крестьянская баба.
Ein Finnisches Bauern-Weib.
Paisanne de Finlande.*

Чухонка въ уборномъ платьѣ.
Eine Finnin im Feiertags-Kleide.
Femme finnoise dans son habit des fêtes.

ланныхъ овчинѣ. *Залоны* ихъ безъ складокъ, но чрезвычайно расплещены шипьемъ, змѣиными головками, корольками, бахромками и сему подобнымъ. *Поясѣ*, который дважды около шѣла обхватывается, и на боку прикрѣпляется, составляетъ кожаная или суконная, пальца въ три шириною полоса, коя по концамъ обшивается бахромкою.

Богатыя деревенскія женщины носятъ, по праздникамъ зимою, на хорошихъ мѣхахъ шубы; а *лѣтній* ихъ *нарядѣ* подобенъ въ прочемъ выше сего описанному, но только пригоже, и ошдѣлка онаго сопряжена съ зашрудненіемъ и искусствомъ. *Праздничныя* ихъ *сарафаны* бывають шелковые, подолѣ будничныхъ, съ закраинами, выкладкѣ подобными, другаго какого ни будь цвѣшу; вся передняя половина, отъ колѣнъ до подолу, расплещена узорчатымъ шипьемъ и бисеромъ; узенькій *заякъ* очень пригожо украшенъ поперечнымъ пестрымъ шипьемъ и низаными такимъ же образомъ змѣиными головками, монетами и бисеромъ. *Поясѣ* выкладенъ жестянымъ наборомъ, и въпереди закрѣпляется перевязью. На груди красиво такъ же вышито плашье, и при шомъ выложено змѣиными головками и бисеромъ. *Шля* покрыта великимъ множествомъ пронизокъ. Продѣшныя сквозь *болшія серьги* многія, на пядень длиною, лешы висятъ по плечамъ и по широкимъ, не собраннымъ, короткимъ, и цвѣшною шерстью узорчато вышитымъ, *рубашечнымъ рукавамъ*. *Голову* покрываютъ приспегнушою, къ шапочкѣ *фатого*, которая просширается по спинѣ, и пропущена будучи подъ поясъ, доспаетъ до самыхъ пятъ; да подъ шюю же фатою виситъ еще въ ладонь шириною, корольками и змѣиными головками унизанный и въ низу бахромкою обшитый, *ремень*, коимъ покрываются волосы.

Финны, какъ *древніе Христіане*, по Шведскому церковному чиноположенію, не больше, въ разсужденіи *свадебныхъ* и *похоронныхъ обрядовъ*, отмѣняются, какъ и всѣ особенныя часпи пространныхъ Облестей. *Деревенская* ихъ *невѣста* должна всякому, на свадьбу пришедшему, гостю подарить отъ чешырехъ до пяти аршинъ холста, и съ верхъ того пару чулковъ, за что надѣляютъ ее взаимно деньгами. А какъ употребленный на дары холстъ и проч. не оплачивается, и деньги, за оное собранныя, оспаютъ при невѣспѣ: то выдаваніе дочерей за мужъ бываетъ матерямъ такъ трудно, что *дѣвки* названы по шому въ пословицѣ: *разореніемъ дѣтвѣ*.

Часть I.

В

Многіе изъ нихъ достигаютъ *глубокой старости*: но водяная цынгопная и падухая болѣзнь, а особливо *задумчивость*, нарочито между сельскими жителями свирѣпствуютъ.

Древніе Финны были такіе ревностные *Идололоклонники*, что обращенію ихъ въ половинѣ вѣроганадесять вѣка къ Христіанской вѣрѣ, въ царство Шведскаго Короля *Ерика*, а во времена Папы *Александра* и Упсальскихъ Епископовъ *Стефана* и *Гейриха*, надобно было и свѣтскою споспѣшествовать властїю. Въ половинѣ шестанадесять вѣка должны они были, послѣдуя Шведамъ, принять *Лютеранскій* законъ. Черезъ шоль долгое время сдѣлались преданїя о древнемъ ихъ Богословіи весьма недоспашочными; въ разсужденїи же новѣйшихъ временъ сходствуетъ оное въ главныхъ дѣлахъ съ законоученїемъ Лопарей и другихъ, отъ Финновъ произшедшихъ, Народовъ.

Подъ именемъ *Юмара* и *Юмалы* почитали они *общаго Бога*, да и во обще слово, Юмаръ, знаменуетъ Бога. Нѣкоторыя изображали его въ видѣ великаго, съ золошымъ ожерельемъ, испукана. *Горе* было, подобное сему, божество, и можеть бышь шоль же самый *Юмаръ*, подъ другимъ шолько именемъ. У нихъ было много и низшей степени Боговъ, копорымъ они всѣмъ во обще приносили жершвы. Нѣкоторыя изъ Идоловъ ихъ стояли въ пещерахъ каменныхъ горъ.—Они вѣровали шакъ же въ *дѣвола*, и обще съ Лопарями называли его *Перкеломъ* и *Пейкомъ* (адскимъ Богомъ); простой же степени Боговъ нарицали *Маагинами*, сирѣчь не чисшыми духами.

А хошя и давно уже *пресѣклось* у нихъ *идолоклонство*, однакожь сельскїе жители весьма еще *субвѣрны*; а сіе происходитъ отъ разпространенїя и наслѣдованїя прародительскихъ мѣнїй и отъ противуборствующаго просвѣщенїю, разсѣянїя жилищъ. Такъ на примѣрѣ, думаютъ они, что по понедѣльникамъ и по пшницамъ не бываетъ ни въ какихъ дѣлахъ желаемаго успѣха; что шоль, кто въ Георгіевъ день заводитъ шумъ, подвергаетъ себя громовымъ ударамъ; что объ Рождествѣ не должно изъ клѣвовъ выпускать скошины; что въ день Стефана надобно давать лошадямъ пить черезъ серебро; что въ послѣдній вечеръ сырной недѣли не должно ни огня разводить, ни свѣчь зажигать, и проч. Но ни что шолько не обезумливаетъ ихъ, какъ *день всѣхъ Святыхъ*, копорый, по имени Идола, называютъ они, *Кикри*. Для почитаемыхъ *Католиками Святыхъ*, шопятъ на канунъ сего дня, баню, и снабдѣвъ оную шеплою и холодною водою, шакъ же вѣниками и прочк-

Чухонка въ уборноуѣ платьѣ со спины.
Eine Sinnen im Feiertags-Kleide rückwärts.
Feme sinoise dans son habit des fêtes par derriere.

ми надобностями, спавятъ на столахъ кушанье. Хозяинъ, одѣвшись численько, и не покрывая ни чемъ головы, разшворяетъ, въ сумерки, ворота своего двора, съ такою вѣжливостію, какъ будто бы въ домъ принимаетъ гостей; послѣ чего опираетъ съ не меньшею ласкою баню, и, погода не много, замыкаетъ. Пропустя нѣсколько времени, опираетъ для выхода мнимыхъ своихъ Святыхъ банныя двери, и провожаетъ ихъ со двора, держа въ рукъ сткляницу клѣбнаго вина. *Коболду* (Раггене) спавятъ въ клѣвахъ, въ сей же самый вечеръ, кушанье. Въ честь Идолу *Кикрѣ*, закаляютъ, въ день всѣхъ Святыхъ, на самой упренней зарѣ, ягненка, котораго очистивъ, и не опрѣзывая ни которой часши, варятъ, а по томъ спавятъ на столъ, и ѣдятъ. Праздникъ, называемый ими, *Вуденъ Аткалса*, кажешся однакожь бытъ не просто на суевѣрїи основаннымъ. Въ назначенный хозяйскимъ опщомъ и дѣдомъ, или другими какими спарѣйшими родственниками, день закаляютъ, варятъ и ѣдятъ овечку, и поелику звѣрямъ не должно отъ пищи сей ни чего удѣлять, то кости и все прочее зарываютъ въ землю. А кто не совершитъ сего дѣла, при которомъ они конечно возсылаютъ къ Идоламъ своимъ и мольбы, томъ не долженъ ожидать, въ сужденїи скоповодства своего, ни какого благословенїя.

Всѣ, въ языческомъ суевѣрїи упоающїе, Сѣверные и Сѣверо-восточные Народы почитаютъ *медвѣдей* очень важными звѣрьми, и думаютъ, что души ихъ такъ же, какъ и человѣческія, безсмертны; а отъ сего и вошли въ употребленїе, при звѣриной ихъ ловлѣ, весьма многїе суевѣрные забобы. У древнихъ Финновъ были особливыя пѣсни, которыя они пѣли всегда, при убїенїи медвѣдя; а дабы возымѣли Чипатели хошя малое о содержанїи оныхъ понятїе, то присовокунимъ здѣсь, нарочно переведенную съ Финнскихъ стиховъ, такого рода пѣсенку.

Дорогой ты одолѣнный, тяжело раненый, лѣсный звѣрь!
Надѣли хижины наши здоровьемъ и добычею, самому себѣ милою, во сто кратъ,
И постарайся, когда къ намъ возвратишься, о исправленїи нашихъ нуждъ;
Мнѣ надобно приступить къ Богамъ, визпославшимъ мнѣ въ сей день споль славную корысть.

Когда, по скрытїи за Алтайскїя горы дневнаго свѣшила, возвращусь домой;
То пусть въ хижинѣ моей дѣлая три ночи продвѣтаетъ радоснѣ.
Съ охотою и весельемъ взлѣзати буду въ предѣ на горы,
Съ радостїю стану домой возвращаться, и элодѣи не посмѣетъ ко мнѣ подойти.
Весело начался сей день, весело и проходитьъ.
Безперывно стану тебя почитать, и буду отъ тебя ждати добычи,
Чтобъ не позабыть любимой моей медвѣжьей пѣсенки.

ЛАТЫШИ, ЕСТЫ и ЛИВОНЦЫ.

Латыши, Есты, или Эстландцы, Ливонцы, или Лифландцы, по Несшору *Ливъ, населяющъ Ливонскую, а первые и Курскую Землю, или Курляндію. Естская и Ливонская Область* заимсвующъ названіе свое отъ обитавшихъ въ оныхъ людей. Народы сіи произошли правда отъ одного племени, однако на разныя раздѣлились общества. *Латыши*, кои обще съ *Литвою* и древними *Пруссами* составляютъ одинъ Народъ, суть смѣшанные съ Финнами Славяне. *Общество ихъ* возрѣяло нагало свое въ первыхъ годахъ шрешьяго-надесять столѣтія при устьѣ рѣки *Вислы*, и оштуда далѣе разпространилось. *Языкъ* ихъ состоитъ изъ шрехъ четвершей Славянскихъ словъ и изъ не большаго Финнскихъ *Есты* не столько перемѣшались съ другими Народами. *Ливонцы* же шакъ, какъ и *Езльскіе жители*, чистое составляютъ Финнское поколѣнье. Сообразно различію сему, ошотли Финнскія ихъ нарѣчія одно отъ другаго шакъ, что каждое особый составляетъ языкъ. Всѣ сіи при Народу называющся еще, безъ дальнаго различія, и *Полу-Нѣмцами*. Кажется, что *Латыши* заимсвующъ званіе свое отъ слова *Лиды* или *Лиде*, то есть, удобряшъ землю. Они изъ древле упражнялись въ земледѣшество, и когда отъ рѣки *Вислы*, въ срединѣ шрешьяго-надесять столѣтія, перешли въ Ливонскую Землю: то приняли ихъ къ себѣ въ общество Финны, кои тогда обращались больше въ скошодѣшствѣ, и о малыхъ пахашныхъ земляхъ съ ними не спорили; но на послѣдокъ они чрезъ удобреніе и обработываніе выжженной земли шолько захватили себѣ мѣста, что Финны отъ нихъ ошценились, а шѣ, копорые съ ними ошпались, принялись шакъ же за земледѣшество. И какъ въ то же самое время *Курская и Ливонская Земли* завоеваны *Нѣмецкими Рыцарями*: то всѣ они во обще сдѣлались Христіанами и крѣпосными людьми чужестраннаго Дворянства, въ каковомъ сосшояніи и шеперь находяшся. *Латыши* нынѣ живущъ въ Лифландіи, *Эстландцы* въ Ревельскомъ Намѣстничествѣ, и суть какъ шѣ, шакъ и другіе почти всѣ Люшеранскаго исповѣданія.

Видъ и ростъ ихъ не одинаковъ. Въ прочемъ они весьма похожи на Финновъ, и есть между ними великое множество печальнаго и сыраго сложенія людей. Прешерпѣваемое ими отъ Помѣщикевъ угнѣшеніе, шакъ же бѣдность, суровое воспитаніе, и все во обще

*Эстляндская баба съ лица.
Eine Estländische Frau vorwärts.
Femme Esthoniennne par devant.*

*Эстляндская баба съ тыла.
Eine Estländische Frau rückwärts.
Feme Esthoniennne par derriere.*

гражданское ихъ усуроенїе, сдѣлало ихъ довольно крѣпкими къ снесенію суровости воздуха, шягоспныхъ работъ, недосташковъ и униженїя. Кромѣ жизни и любви, ни къ чему мїрскому они не присшраспны. Они нарочишо упрямы, лѣнны, неопряпны и къ пьянству склонны: но при всемъ шомъ имѣющъ острошу разума, и *женскій ихъ полъ*, меньше причастный угнѣшенію, не дуренъ, и къ суешности склоненъ.

Живущъ они въ *неболышихъ деревняхъ*, на принадлежащихъ Дворянству ихъ земляхъ; *домишки* у нихъ *деревянныя*, не велики и грязны. Въ домашнемъ ихъ бышу и въ пицѣ видна великая бѣдность. Тѣ, копорые не прямо въ господскую опредѣляются работу, получающъ отъ Помѣщиковъ своихъ, для пропитанїя, пашни, луга и по небольшому числу дворовой скопины. Въ мѣсто подашей, исправляющъ они ручную и повозочную, на господскихъ загородныхъ мѣсахъ, работу.—Съ верхъ сего прядутъ еще женщины на господскій домъ, и исправляющъ многія другія, симъ подобныя, работы. Большая ихъ половина ни о чемъ не забошится, по шому, что Помѣщикъ долженъ содержать ихъ пицєю: но естъ между ними и шакіе, копорые, пользуясь милосердіемъ Господъ своихъ, наживающъ деньги; однакожь они обыкновенно зарывающъ оныя въ землю, и шѣмъ на всегда удаляющъ отъ обращенїя.

Платье носятъ мужины шакое же, какъ и Финскіе мужики; шолько большая половина брѣшетъ бороду. На прошивъ шого *женское одѣаніе* походитъ больше на Славянское, и очень недурное. Они носятъ чулки, башмаки, или шуфлы, бѣлыя рубахи, съ широкими, собранными, рукавами, обыкновенныя юпки, долгіе запоны и душегрѣйки, а около шеи обведенъ, и въ доль груди виситъ, сдѣланный изъ корольковъ пронизокъ. Обшивки у рукавовъ бывающъ, шипыя. Душегрѣйки же дѣлающъ изъ песпреди и изъ, вышитаго узорчато, холста. Около охабней и передниковъ бывающъ, отъ подолу на пяденъ въ ширину, выкладки изъ инаго чего ни будь и другаго цвѣшу; да сверхъ шого украшающъ онъ ихъ не рѣдко и нѣсколькими, во кругъ обведенными, полосками. Охабни подшягивающъ поясомъ. *Бабы* и *дѣвки* разнятся между собою въ разсужденїи одѣанїя, по одному шолько головному убору. *Бабы* носятъ меленькія, по головѣ сдѣланныя, песпрыя, золошыми, или серебряными, сѣтками обложенныя, шапочки, стянушыя на зади перевязью, отъ коей виситъ по запылку великое множество разноцвѣпныхъ, на пяденъ длиною, лентъ и снурковъ. *Дѣвки*, на прошивъ шого, украшающъ головы свои,

выше лба шорчащими, опшопырившимися, галуномъ выложенными, новязками, кои съ переди широки, а на затылкѣ сстягивающся разноцвѣтными перевязми, ошъ кошорыхъ, на пядень длинныя, концы висятъ, какъ и у бабъ, по верхъ разпущенныхъ волосъ.

Народы сіи обращены съ самаго начала въ Римскую, а около середины шестнадцатидесять столѣтія въ Лютеранскую вѣру. Начало обращенію ихъ къ Христіанскому закону положили Бременскіе Купцы, коимъ послѣдовали, въ благомъ семъ дѣлѣ, упоощребляя однакожь больше оружіе, нежели увѣщанія, Меченосцы, или *Кавалеры меча*, а симъ Нѣмецкіе Рыцари. Чрезъ шоль долгое время свѣденіе о *языческомъ ихъ Богослуженіи*, кое утверждалось во обще на одномъ только словесномъ преданіи, пришло въ забвеніе. Однакожь, въ разсужденіи шого, что они не знающъ основательно Христіанскаго ученія, ведется между ними и шеперь еще шакое *существованіе*, кошорое подходитъ очень близко къ прежнему ихъ идолопоклонству. Языческая ихъ вѣра совершенно сходствовала съ Финнскою и Лонарьскою. Они шакъ же, какъ и сіи Народы, называли высочайшаго Бога, *Юмалою* и *Торомъ*, и присвоили ему собшвенныя его качества и производящія въ свѣшъ ешественныя явленія, какъ и признавали низшей шепени Божковъ. *Бѣса* называли они *Велсомъ* и *Велсомъ*, а нечисныхъ Духовъ, или вѣдьмъ, *Рагганамъ*. *Крева* былъ у нихъ *Первосвященникъ*, и при шомъ верховный, по свѣшскимъ дѣламъ, Правитель.

Эстляндская дѣвушка съ тыла.
Ein Estländisches Mädchen rückwärts.
Fille Esthoniennne par derrière.

И Ж Е Р Ц Ы.

Какъ Россіяны, въ началѣ нынѣшняго столѣтїя, покорили оружію своему *Ингрію*, то въ селахъ и деревняхъ шамошнихъ обиталъ: отъ Финнскаго же племени произшедшій, Народъ, которій какъ языкомъ, такъ и нравами опмѣненъ былъ нѣсколько отъ Карельскихъ Финновъ, и по находящейся, въ лѣвой сторонѣ Невы, рѣкѣ *Ижеръ*, проименованъ *Ижерцами*. Ингрія, какъ самое первое побѣдоноснаго оружія ПЕТРА ВЕЛИКАГО прїобрѣшеніе, сдѣланное въ 1702 году, и пракшашомъ, въ Нейшпашѣ заключеннымъ въ 1721 году, утвержденное за Россією, не оставлена при Шведскихъ, въ Карелїи употреблявшихся, правахъ: но съ начала уже, по Россійскимъ законамъ, учреждена и управлялась. Не малое число *Ижерцовъ* раздарено, по земскому обыкновенію, Россійскимъ Господамъ, которые обязались при томъ, не довольно людныя, мѣста заселишь порядочно Россійскими переведенцами; послѣ чего и возпослѣдовало, что Россійскія деревни спали спрощъ въ смѣжности съ Финскими. Земля сія нынѣ заключается въ С. Пешербургской Губерніи, во обще почти низкая, пещаная и иловашая, для хлѣбопашества мало удобная, и не могущая продовольствовашъ хлѣбомъ поселянъ.

Ижерцы такъ, какъ и прочіе Финны, съ давнихъ уже временъ *удражняются въ земледѣлшество*. Хозяйство же ихъ не походитъ прямо ни на Руское, ни на Финское: но хуже того и другаго. Они живутъ *въ деревушкахъ*, въ коихъ дворовъ бываешъ отъ пяти до десяти, и довольствуюшъ не великими и *негнстыми избами*. При томъ какъ въ *домашнемъ* ихъ *скарбѣ*, такъ и во всемъ бышу примѣшна великая бѣдность и неопряшность. Хотя *земли за ними и много*, однако мало пашушъ, да и скоповодство ихъ не важно. По *безлутству* своему продаюшъ они часто какъ оставленные, для посѣву, сѣмена, такъ и сѣно; а по томъ, разшоча скоро вырученныя деньги, претерпѣваюшъ нужду, и смотрятъ спокойно на то, какъ скошина ихъ отъ холоду и голоду околѣваешъ. Однакожь ешъ между ними и шакіе, которые, подражая лучшимъ Россійскимъ жилищнымъ хозяевамъ, не шерпятъ ни какого недоспатка.

При скудосши своей и безпорядочной жизни, они еще и глупы, недоувѣрчивы, воровашы, и, по причинѣ склонности своей къ шалошамъ и грабежамъ, опасны. Живущіе по Рижской дорогѣ, весьма *захожи на Цыганъ*. Иногда *Удальцы*, изъ разныхъ деревень, быва-

ющѣ, по видимому, не за добрыми дѣлами въ сплучкѣ. Года за два предѣ симѣ переведена въ започеніе на пустый, въ Финскомѣ заливѣ, островѣ цѣлая деревня, по причинѣ иѣкошорыхѣ, на большой дорогѣ производившихѣ, неистовствѣ.

Мужскій нарядъ во всемѣ подобенѣ одѣянію Финскихѣ мужиковѣ. Но *женская одежда*, въ сравненіи съ бѣдностію ихѣ и жестокосердыми мужинѣ прошиву сего пола поступками, нарочито еще и суешна. Обувь носятѣ онѣ такую же, какѣ и Финскія бабы. У рубахѣ ихѣ, кошорыя достающѣ за самыя колѣна, а около шеи и рукѣ плотно прихвашывающѣ вышитымѣ ворошникомѣ и такими же обшивками, станѣ и рукава, какѣ будшо облипли около шѣла, и шакѣ узорчато вышиты, что на ошдѣлку такой рубахи пребуешся времени не меньше, какѣ недѣли чешыре. Узоры богато выкладены бисеромѣ и спекляромѣ. Въ мѣсто верхняго одѣянія надѣвающѣ онѣ какѣ съ праваго, шакѣ и съ лѣваго боку по гладкому, безѣ всякихѣ складокѣ изѣ сукна, набойки, или изѣ вышитаго узорчато холста, запону, кошорые на зади одинѣ за другой заходятѣ, а въ переди лежатѣ въ рознь; въ разсужденіи чего и носятѣ онѣ маленькіе, въ сплошь корольками и зѣфиными головками покрышые, передники. Многими нитками корольковѣ шея и грудь, какѣ будшо, унизаны. Кѣ ушамѣ прицепляющѣ великое множество брякушекѣ, а иногда и не большія, изѣ корольковѣ составленныя, цепочки. *Дѣвки* ни чего на голову не надѣваютѣ, но заплешающѣ шолько волосы въ иѣсколько косѣ. *Бабы* же носятѣ шакѣ, какѣ и Финскія, аршинѣ въ шесѣ длиною фарту, кошорая по срединѣ пристегиваешся кѣ шапкѣ, а концы оной висятѣ по спинѣ, и придерживающѣ поясомѣ шакѣ, что на плечахѣ вздувающѣся. Когда идушѣ онѣ въ городѣ, шо, по большей часши, надѣвающѣ кокошники, и съ верхѣ рубахи кафшанѣ, изѣ толстаго сукна, или балахонѣ, застегиваемый на груди иѣсколькими пуговками.

Вѣ шо время, какѣ покорены Ижерцы Россійскому оружію, были у нихѣ у всѣхѣ *Лютеранскаго закона Святценники*, по шому, что они внѣшно вѣру сію исповѣдывали: но какѣ они о правотѣ оной не были совершенно удостовѣрены, шо въ скорѣ обратились многіе кѣ *Грекороссійской Церкви*, и шѣмѣ великое сдѣлали облегченіе какѣ въ самомѣ за ними надзираніи, шакѣ и въ прочемѣ попеченіи.

Они чрезвычайно присраспны кѣ нелѣпымѣ *языгескимѣ мнѣніямѣ*, кошорыя и соплешающѣ по шому съ обрядами Христіанской вѣры. *Иконы*, почишаемыхѣ Церковію, *Святыхѣ*, занимающѣ у

Ингерская крестьянская баба.
 Ein Ingermanlandisches Bauern Weib.
 Paysanne d'Ingrie.

нихъ не рѣдко мѣста языческихъ Идоловъ. Они спавятъ ихъ въ священныхъ рощахъ, гдѣ имъ поклоняющся, и проч. *Кулленныхъ не-свѣствъ* вѣнчаютъ въ церквѣ, и, во время поѣзда, поютъ двѣ бабы, у коихъ лица закрышы, безшолковыя пѣсни. По окончаніи свадьбы, поступающъ они съ своими женами споль же сурово, какъ и язычники; машери принимающъ за сыновой побои, и шакъ далѣе. Когда священникъ *предастъ умершаго погребенію*, то они, пришедъ ночью на могилу, зарывающъ въ оную пищу, и сіе дѣлающъ они не разъ, но часшо. Могилы ихъ шакъ плоски, что собаки легко вырываютъ опшуда положенное сѣстное, а они думаютъ, что мершвецы оное прибрали. Во обще кажешся имъ вѣрояшно, что люди живутъ на шомъ свѣштѣ шакъ же, какъ и здѣсь, а гробъ служитъ де имъ полько обителю, и для шого зарывающъ они деньги свои въ землю, дабы и послѣ смерти оними пользоваться. Они разговариваютъ шакъ же съ лежащими въ землѣ мершвыми, и не мало ихъ боятся. Въ доказательство шому служитъ слѣдующее достовѣрное извѣстіе. Нѣкоторыя пріятели мои, разумѣвшіе Финнской языкъ, подслушали въ лежащей не подалеку отъ Санктпешербурга Ижерской деревнѣ рѣчи нѣкоторой бабы, вышедшей за другаго мужа, спустя шолько двѣ недѣли послѣ смерти перваго, и желавшей угомонитъ и отвратишь покойника отъ чинимаго имъ въ избѣ ея безпокойствія шѣмъ, что пришедъ къ могилѣ покойнаго своего мужа, бросилась на оную, и дѣлая разныя неистовства, произносила съ воплемъ и со слезами слѣдующія слова: себя уже въ живыхъ нѣштъ! эй! эй! эй! Вѣдь ты на меня не прогнѣваешся, что вышла я за муженька помоложе себя! эй, эй, эй, эй! Бѣлокураго швоего сына я не оставлю безъ призрашнія! эй, эй, эй, эй! и шакъ далѣе. Въ число языческихъ ихъ *святыхъ мѣствъ* принадлежитъ и находящаяся по Рижской дорогѣ, въ десяти версахъ отъ *Санктпетербурга*, липа, кошорой вѣшви переплелись съ опраслями ближайшихъ деревъ шакъ, что природную составляютъ бесѣдку, въ коей и *Петръ Великій*, ради пріятности, оной не однократно изволилъ имѣть свое пребываніе. На семъ то мѣстѣ собирающся Ижерки на канунъ Иванова дня, и препровождаютъ съ пѣніемъ и воплемъ всю ночь, при великомъ огнѣ; а на послѣдокъ сожигаютъ *блага лѣтуча*, дѣлая при шомъ много шалостей.

Ч Е Р Е М И С Ы

Собственное имя *Черемисъ Мари*, (мужчины), а *Чувашъ Курмаръ* (горные люди). Они живутъ въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ, больше на лѣвой, нежели на правой, сторонѣ рѣки *Волги*. Жилища ихъ простираются до самой *Перли*, и деревни лежатъ отъ части особо, а отъ части смѣжно съ Чувашскими и Россійскими. *Породы* они *Финской*, и говорятъ своимъ собственнымъ, съ Финскимъ нарѣчіемъ сходнымъ, *языкомъ*: но, за неимѣніемъ буквъ, нѣтъ у нихъ ни письменныхъ, ни печатныхъ дѣлъ. Во время господствованія *Татаръ* были они имъ подвластны, и жили ближе къ югу, между *Волгою* и *Дономъ*. Они имѣли собственныхъ *Хановъ*, будучи уже и *подъ Россійскою Державою*: но поколѣніе оныхъ пресѣклось на *Ада*, весьма приверженномъ и покорномъ Россійскому престолу, храбромъ *Владѣтель*, и шеперь нѣтъ у нихъ ни *Князей*, ни *Дворянъ*. Они упражнялись тогда въ *скотоводствѣ*, но мало по малу сдѣлались, подражая Россіянамъ, и по причинѣ спѣшенія мѣстъ, *Земледѣльцами*.

По виду и росту своему, могутъ они почестъся средними, между Россіянами и *Татарами*, людьми. Они не имѣютъ проворства и смѣлости первыхъ, да и женщинамъ ихъ не достаесть пригожства, бодрости и суешности Россіянокъ, хотя и снѣ въ прочемъ не дурны. Въ дѣлахъ своихъ *Черемисы* не шоропливы, но прилежны, и, по примѣру всякихъ непросвѣщенныхъ людей, упрямы и недоверчивы. Времени не считаютъ они ни годами, ни мѣсяцами, да и преданій о бывшихъ съ предками ихъ приключеніяхъ не имѣютъ.

Въ городахъ они ни когда не живутъ. Въ деревняхъ же ихъ, въ коихъ бываетъ дворовъ до шестидесяти, имѣютъ они, подобно Россіянамъ, мѣромъ выбранныхъ сонниковъ, десятниковъ и старостъ. Каждый *дворъ* состоитъ изъ одной, особо построенной, черной избы, изъ стоящихъ розно хлѣбовъ, и изъ небольшихъ, на не высокихъ столбахъ сгромощенныхъ, кладовыхъ, кои служатъ имъ и лѣтними горницами. Все сѣе строеніе выведено чешыреугольникомъ, и срублено изъ бревенъ: а промежутки между онымъ ни чѣмъ не забираются. Черныя избы подняты на сажень выше подполья; лѣсницы у нихъ покрыты, а въ нутри, кромѣ Русскихъ печей, подѣланы очаги и широкія *Татарскія* палаты. Двери у сихъ избъ низкія, а окномъ служитъ чешыреугольное, дюйма на полшера въ

Черемиска спередн.
 Eine Tcheremisin vorwärts.
 Femme Tcheremise par devant.

размѣръ, опверзшіе, которое пузыремъ, или пряпцею, въ мѣсно стекла, зашягивающъ. Домашняя у нихъ *рухлядь* такая же, какая бываетъ у Россійскихъ сельскихъ хозяевъ.

Всѣ *Черемисы производятъ*, по обыкновенію Россійскихъ мужиковъ, *земледѣльство*. Держащіеся языческаго суевѣрія спнюдь не косятъ ѣсть свинины, да и изъ крестившихся рѣдко кто разрѣшаетъ совѣсть свою отъ узъ сего предубѣжденія. Въ зимнее время соспавляетъ *заѣрная ловля* главное ихъ упражненіе. Они не смѣлы и не хитры, а по тому и не зажиточны. Кто, на примѣръ, имѣетъ лошадей до придесяти, и столько же рогатаго скота, да съ верьхъ того не много побольше овецъ; тотъ почищается у нихъ не послѣднимъ богачемъ. *Женщины* прядутъ, шкутъ, поршничашъ, вышивающъ холстинное одѣяніе шерстью собственнаго своего крашенья, и проч. Но чистоты въ разсужденіи одежды и пищи не увидишь ни въ которомъ дворѣ. Исповѣдующіе древнюю свою языческую вѣру Черемисы жрутъ лошадей, медвѣдей, всякихъ пернатыхъ, а въ случаѣ нужды и хищныхъ звѣрей: но падальщиною, какая бы она ни была, гнушаются. Какъ въ домашнемъ, такъ и въ лѣсномъ *лѣловодствѣ* весьма они искусны. Производятъ такъ же и *рыбную ловлю* охотно, но къ ремесленнымъ работамъ, къ которымъ Россійскіе мужики великую имѣютъ склонность, со всѣмъ не пристающъ. *Подушный окладъ* платящъ они на ряду съ Россійскими крестьянами; спавящъ рекрущъ и подводы. Въ *Кунгурскомъ уѣздѣ* въ Области Пермской подушной окладъ дающъ нѣкоторыя деревни куницами.

Мужской нарядъ ходитъ на одѣяніе Россійскихъ мужиковъ: но волосы зачесываютъ они назадъ, и кругомъ обрѣзываютъ ихъ корешенко. Воронники, сбшивки около рукавовъ и ворошы у рубахъ вышиты разноцвѣтною шерстью. Охабни, на кои идетъ толстое, изъ черной овечьей шерсти сдѣланное, сукно, шьются съ широкимъ опрокинутымъ и Аглинскому подобнымъ воротникомъ; на подолѣ оставляются въ низу съ обѣихъ сторонъ прорѣхи. *Лабы* и *лѣвки нарядятся* одинаково, только первыя получше. Они носятъ *штаны*, лапши, и обвертываютъ ноги онучами. Лѣшомъ ходятъ въ однихъ *рубасахъ*, подъ коими носятъ штаны. Рубахи около шеи и рукъ прихватываютъ платно; а въ пречемъ шьются такъ узко, что около стану, какъ будыто, облипли, и длиною достаютъ за колѣни. Воронникъ, закраины и всѣ швы украшаются очень пестро крашеною шерстью; воротъ застегивается большею

пряжкою; а станъ прижимается къ шѣлу поясомъ. Для *лышности* носящъ они съ верхъ рубахи, подобное покровомъ халату и изъ всякихъ цвѣшныхъ и опъ часши шонкихъ суконъ дѣлаемое, верхнее одѣяніе, которое по краямъ выкладываютъ иногда ужовыми шкурками. *Высокал, къ верху уже сведенная, шалка* (Шуркъ) дѣлаешся изъ бересты, покрываешся кожей, или холстомъ, и сплошь унизывается корольками, маленькими серебряными монешами и змѣиными головками (Сургеа Монета). Такимъ же образомъ покрываешся и, висящій опъ шапки по спинѣ, *ремень*, шириною въ ладонь. Нѣкоторые носятъ, въ мѣсто высокой шапки, широкія, монешами и корольками разпещренныя, головныя повязки (Ошпу). Уфимскія и Вяшскія Черемиски привѣшиваютъ къ поясу, супрошивъ задняго проходу, по цѣлому прибору кисточекъ (Упиненъ), перемѣшанныхъ съ напершками и всякими гремушками, кои, досяая до самыхъ подколѣнокъ, производятъ на ходу прошивное слуху бречанье.

По Россійскому деревенскому обыкновенію, *ходятъ бабы родить въ баню*. Первый мужчина, который посѣтитъ роженицу, даешъ имя мальчику, а первая же, къ ней пришедшая, женщина дѣвочкѣ, и сихъ по гостей, въ послѣдующее время, называютъ всегда дѣти *отцами* (Ашай) и *матерями* (Абай). *Мужскія имена* суть слѣдующія: *Зегнулъ, Кислелатъ, Ербалды, Илменъ*, и проч; а *женскія: Пиделеть, Астанъ, -Насуке*, и проч. Запвердивши такія имена, часто забываютъ крещеные, а особливо дѣвки, данныя имъ при крещеніи названія. Мужъ называетъ жену *Ватою*, а когда жена кличетъ мужа, то говоритъ *Мари!* или *Черемисъ!*

Женъ они себя *локулаютъ*, а цѣна невѣсты называешся у нихъ *Олодъ*. Обыкновенно даютъ за невѣсту опъ 30 до 50, а иногда платятъ такъ же и опъ 80 до 100 рублей. У Язычниковъ и шеперь еще *многожество* въ обыкновеніи. А какъ покорность и работа естъ общій Черемискихъ женъ жребій, то зашшочные родители часто покунаютъ женъ и шешнадешилѣшнимъ своимъ сыновьямъ; но дѣвка должна быть не моложе пашнадесяти лѣтъ. Приданое состоитъ въ скотинѣ, и по шому такіе молодцы, когда прійдутъ въ совершенной возрастѣ, бываютъ уже нарочито скопомъ заводны. На роднѣ онѣ ни когда не женятся, и двухъ сесеръ вдругъ не берутъ: но тѣмъ милѣе имъ, когда послѣ смерти одной могутъ взять за себя и другую. Свашъ, кошорымъ бываешъ обыкновенно имянный отецъ, дѣлаешъ стоворъ; послѣ чего женихъ и невѣста, увидѣвшись между собою, *мѣняются*

Черемиска сзади.
 Eine Tcheremisin rückwärts.
 Femme Tcheremise par derrière.

Чермыска въ лѣтнемъ платьѣ.
Eine Tscheremissin im Sommer-Kleide.
Feme Tscheremissien e en habit d'été.

хольцами. Обрядъ сей называется у нихъ *Шергасъ Васталтасъ.*

Въ опредѣленный для *свадьбы день* прѣзжаетъ женихъ съ друзьями своими къ невѣстѣ, и поелику они берутъ съ собою особливыхъ скомароховъ, по сіе веселье побуждаешъ и поспороннихъ деревенскихъ подорожныхъ жипелей ѣхашъ шуда же за женихомъ ихъ. Женихъ, уплашя оспальныя за невѣсту деньги, раздаешъ дары, пируешъ и веселишся, а на другой день увозитъ закрышую невѣсту въ жилище свое, не смотря на все ея сопрошивленіе и слезы.

Въ домѣ, гдѣ бытъ свадебному лиршеству, спавяшъ на столѣ домашняго *Идола,* передъ кошорымъ шворитъ *Картъ* молишву. По помѣ бываешъ обѣдъ, и начинаются веселости, состоящія въ пляскѣ, по гусямъ, волюнкѣ (*Шибберъ*) и губномъ органѣ (*Кобашъ*); въ нескладномъ пѣніи пѣсень и сему подобномъ. Между шѣмъ наряжаютъ невѣсту въ другой избѣ въ бабѣ одѣяніе, сирѣчь, снимающъ съ нее покрывало, и надѣваютъ ей на голову, въ мѣсто худой, нарядную высокую шапку, или повязку. Женихъ, взявъ ее за руку, опшодитъ въ гостепрїемный покой, гдѣ она, во время шворимой *Юктуолшомъ,* или *Картолъ,* молишвы, спонитъ на колѣняхъ, а по помѣ раздаешъ свои дары, и подноситъ всѣмъ гостямъ пиво, или медъ; послѣ чего возвращается въ свою избу. Въ вечеру раздѣвается невѣста сама, однако спать ложится не добровольно, но принуждаема будучи къ тому поспоронними бабами. Уложя молодыхъ, запираютъ подклѣшъ. На другой день, по ушру, приходитъ въ оной съ нѣсколькими женщинами, заступившій мѣсто роднаго невѣстина опца, мужчина, держа въ рукѣ добрую плешь, и ежели примѣшитъ, что невѣста въ дѣвствѣ вела себя нецѣломудренно, то погрозясь оною, совершаешъ на другой день свои угрозы. Такимъ же образомъ, пропуская только больше, либо меньше, послѣ спращанія времени, наказываютъ мужья женъ своихъ, когда въ замужствѣ примѣшатъ за ними непостоянство. Другой послѣ свадьбы день препровождаютъ они шакъ же въ пированіи. А какъ спанутъ на послѣдокъ разходитъ гости, по всякъ, выпивъ послѣдній спаканъ, бросаетъ въ оной нѣсколько копѣекъ, молодымъ въ подарокъ. Мало бываешъ и между исповѣдующими уже Христїанскій законъ Черемисами такихъ свадебъ, до кошорыхъ бы не производили сіи языческіе обряды, хощя и за нѣсколько мѣсяцовъ, или лѣтъ. Но бѣдный, сиранствующій, удалецъ скорѣе совершаешъ свадьбу. Онъ похитивъ милую ему дѣвку, и доведши уже ее до беременности, даешъ тогда опцу шакое за дочь награжденіе, ка-

кое самъ вздумаетъ, и такимъ образомъ, безъ всякихъ свадебныхъ околичностей, наживаетъ себѣ жену.

Покойниковъ своихъ кладутъ они во гробъ, въ самомъ лучшемъ одѣяніи. Похороны бывають въ томъ же самый день, въ который кто умеръ; при чемъ какъ мужчины, такъ и женщины провожаютъ. На кладбищѣ роютъ могилы съ запада на востокъ, и головою кладутъ покойниковъ на западъ. Всякому умершему завязываютъ род-свенники въ поясъ по нѣскольکو копѣекъ; да съ верхъ того надѣляютъ его посудю и другими домашними надобностями, такъ же лапотникомъ, палкою, чшобъ было чемъ оборониться отъ собакъ, и не большимъ *луккомъ розовыхъ лозъ*, который, по ихъ мнѣнію, отвращаетъ злыхъ Духовъ; все сіе кладется съ покойникомъ во гробъ. А какъ скоро завалитъ могилу землею, то провожавшіе покойника спавитъ на оной за всякаго, прежде скончавшагося, друга, по свѣчѣ, и часто говорятъ: *живите мирно!* Всякій провожавшій ѣстъ, за горящими на могилахъ свѣчами, блинъ, и откуся шри куска отъ онаго, кладетъ на могилу и говоритъ: *это тебѣ пригодится!* На послѣдкѣ спавитъ на могилахъ шестъ, къ которому привязанная пряница виситъ, какъ будшо, знамя. По возвращеніи домой, моются, и одѣяніе перемѣняютъ. Что же до покойникова плашья касается, то худое бросаютъ, а доброе провъшриваютъ.

Послѣ всякаго покойника правятъ они *трои лощики* (Шуметь). Первые бывають въ шрешій день, по кончинѣ. Пріятели, собравшись, ѣдятъ умогилы его такъ, какъ и на похоронахъ, блины, и откуся шри часпицы, говорятъ: *это лощъ съѣстъ покойникъ!* Въ седьмый день, послѣ смерти, лакомятся въ томъ домѣ, гдѣ она случилась, за горящими восковыми свѣчами, блинами же, и посылають такъ же нѣскольکو кусковъ на могилу шого, по комъ правятъ поминки. Третье сего рода празднество происходитъ въ сорочковый день, послѣ смерти. Да съ верхъ шого бывають во всякой деревнѣ по одному разу въ годъ, подобныя вышеописаннымъ, общія поминки.

Они думаютъ такъ, какъ и всѣ почти Язычники, что *состояніе* человѣческое, *послѣ смерти*, естъ, нѣскольکو перемѣнившееся, здѣшней жизни продолженіе, и по шому кладутъ покойникамъ своимъ домашнюю утварь, деньги, пишу, и проч.

Оставшіеся, при древнемъ своемъ *идолоклонствѣ* слѣпо повинуются собственнымъ своимъ Духовнымъ, которыхъ называютъ *Мушанали* и *Машанали*, а Первосвященникъ нарицается у нихъ

Югитишъ, и сїи полковашели сновъ, предсказатели, волшебники и разврашители въ великой у нихъ чести. Число такого Духовенства спало уже шеперь очень не велико: но въ мѣсто шго избираюшъ себъ всякаго мѣста мїряне пожилаго, умнаго и безпорочнаго поведенїя челоуѣка, котораго, переименовавъ *Картомъ*, даюшъ ему и помощника, подъ именемъ *Уше*.

Богъ называется во обще на ихъ языкѣ *Юма* и *Кююма* (высочайшїй Богъ). А чюобъ присвоишъ ему, умспзенно, всякія благоспи, то подъ именемъ *Юноиъ Ава* (мать Божковъ) воздаюшъ *сугругъ* его первое и самое большое, по Богъ, почтенїе. Прочїе добраго качества *Божки* сущъ, по ихъ разсужденїю, дѣши, или родственники оныхъ двухъ первенствующихъ божескихъ лицъ, и между ними-то раздѣлено правленїе мїра и разположенїе судьбъ. Нѣкоторыхъ почитаютъ женашыми, а иныхъ холостшыми, и называютъ ихъ во обще *Божсего семсего* (Юмоиъ Шукча). Чюто же касается до именъ ихъ Боговъ, и до умоначерпанїя о исправляемыхъ ими дѣлахъ: то они въ шомъ между собою не согласны, по шому, чюо одинъ Мушанъ предъявляетъ оныхъ много, а другїе меньше; при шомъ же и въ случаѣ изпрошенїя помощи, по однимъ и шѣмъ же самимъ дѣламъ, обращаются къ разнымъ Божкамъ. *Алиболше же прилѣлляются* они къ слѣдующимъ *Богамъ*, а именно: къ *Туркишъ* и *Тугуршъ Юмъ*, къ *Кудоргъ Юмъ*, подъ коимъ разумѣюшъ они грозу, къ *Тумбаръ Юмъ*, который, по видимому, ешъ почитаемый Ташарами *Пророкъ*, по шому, чюо сїи называютъ своего прорицателя Мугаммедомъ Пуемберомъ, сирѣчь, пророчествующимъ. — Ешъ у нихъ не мало и *Богини*, въ числѣ которыхъ почитаютъ такъ *Китебу*, мать солнца, *Кабу*, и многихъ другихъ. Грѣшники обращаются къ Богамъ, а грѣшницы къ Богинямъ.

Прародителемъ *Боговъ злыхъ катествъ* почитаютъ *Сатану*, (Шайшанъ), коего не собшвеннымъ его называютъ именемъ, но словомъ *Ю*. Онъ живешъ, по мнѣнїю ихъ, въ водѣ, и бываетъ, особливо въ самый полдень, лихъ. Лѣшихъ называютъ *Ведашали*, и присвѣляютъ имъ повелительную надъ лѣсами, звѣрями и птицами власпъ; при чемъ думаютъ такъ же, чюо они могутъ звѣриные промыслы дѣлашъ и удачными и несчастливыми. У нихъ ешъ и *злыя Богини*, но случается, чюо подъ однимъ и шѣмъ же самимъ именемъ, причисляются иными къ добрымъ, а другими къ злымъ Божествамъ.

Идолы не въ великомъ у нихъ почтенїи. Но поелику они *громоуого Бога* (Кудорча) наибольше страшатся, и при шомъ вѣрашъ,

чно плодородіе земли отъ него зависитъ: то многіе ставяиъ его въ видъ одѣшой въ мужское платье куклы, которую кладушъ въ сдѣланной изъ бересты ящикъ, въ избранной изъ жилища своего уголъ, и не воздавая ему въ прочемъ ни какого особливаго почтенія, кладушъ только ему, черезъ нѣкоторое время, по нѣскольку кусковъ блина. Въ лѣсахъ ихъ видны привѣшенныя къ нѣкоторымъ почпеннымъ деревьямъ чепыреугольныя въ ширину и въ длину на пядень дощечки, изъ бересты вырѣзанныя, безъ всякаго, въ разсужденіи лицъ, или знаковъ, изображенія, которыя называются у нихъ *Жуда Вадашъ*. Въ прочемъ иные называютъ ихъ Идолами, а другіе принесенными лѣшимъ жертвами: однако они увсѣхъ въ почтеніи, и какъ будыто представляюшъ жертвенники Фауновъ.

Службу отправляютъ они *Богамъ* своимъ не въ храмахъ, но на *гистыхъ священныхъ мѣстахъ* (Кереметь), которыя бываюшъ или общія (Кога Кереметь), или частныя, сирѣчь одному семейству особо принадлежащія (Шке Кереметь). Они имѣютъ положеніе свое въ священныхъ рощахъ, или лѣсахъ; а гдѣ такихъ мѣстъ нѣтъ, тамъ должно завести, по крайней мѣрѣ, одно, либо и нѣсколько, деревъ; при чемъ дубъ всякому другому лѣсу предпочищается. Самое знаиное дерево посвящается *Юмъ*, другое поуже онаго *Юмонъ Авъ*, а прочія кое какимъ Божествамъ. *Кереметь* есть, окруженное деревьями, или другимъ какимъ заборомъ обнесенное, мѣсто; въ размѣрѣ бываетъ оно отъ десяти. до двадцати сажень, и три имѣетъ входа: одинъ къ западу, для прихода и выхода, другой къ востоку, которымъ вводяшъ назначенную въ жертву скошину, а третій къ югу, для ношенія воды. Подъ знаиѣйшимъ деревомъ стоитъ, въ мѣсто жертвенника столъ, а не подалеку отъ Кереметя сдѣлана крышка, подъ кою варяшъ, принесенную въ жертву, скошину. Женщинамъ строго запрещено подходить близко къ Кереметю, да и мужчины должны заранѣе вымыться и чистенько пріодѣться, и при томъ, когда только можно, не съ пылыми приходить руками. Многіе почитаюшъ и самаго Кереметя сильнымъ и благодѣшельствующимъ Божествомъ, и по тому участвіе въ приносимыхъ жертвахъ и моленіяхъ. *Пятница* почитається наилучшимъ, для молишвы, днемъ, и при томъ препровождается всегда въ отдохновеніи отъ трудовъ.

Въ жертву приносяшъ лошадей, рогатый скотъ, красную дичь, овецъ, козъ, свиней, гусей, упокъ, пшеничныя пироги, пиво, хлѣбное вино и медъ какъ вареный, шакъ и сырецъ. Бѣлые звѣри всѣмъ

другимъ предпочитаются; пѣгіе со всѣмъ не годятся, а черные, въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, могутъ быть употребляемы. Въ прочемъ не разбираютъ, какъ они стары, и кошораго рода. *Жертвенные калитки и лироги* надобно пріуготовлять *дѣкалѣ*. Дома ѣшь ошашки жершвѣ не запрещено и женщинамъ. Время къ жершвоприношенію опредѣляютъ всегда Духовные, которые, при разныхъ шалосняхъ чрезъ киданіе на столъ бобовъ, размѣриваніе пояса и прочее, вопрошаютъ своихъ Боговъ о различныхъ обстоятельствеяхъ.

Самый большой праздникъ, касающійся до всего Боговъ семейства, называется у нихъ *Юмонъ Байранъ*. Название Байранъ (праздникъ) такъ, какъ и *омываніе тѣла* передъ праздниками, переняли они у Ташаръ. Такое празднованіе бываетъ у нихъ, смотря по обстоятельству и достаткамъ покупающихъ жертвенную скотину мѣрянъ, черезъ годъ, черезъ два, черезъ три, а иногда и черезъ четыре года; время же избирается къ тому осеннее. Въ назначенный къ жершвоприношенію день разкладываютъ *Мушаны*, или *Карты*, въ Керемешъ *семь огней*, которые въ одинъ рядъ простираются отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Возженный на сѣверо-западъ огонь посвященъ *Юмъ*, ближайшій къ оному *Юмонъ Авъ*, и такъ далѣе. При каждомъ огнѣ находится особый Мушанъ, или Картъ, и Удше, и передъ всякимъ огнемъ разстилаютъ по сукну, на которое спавятъ жертвенные напишки, медъ сырецъ и пирожное. Всякій Удше спавившися съ жертвенною своею живошиною передъ своимъ огнемъ; служащій *Юмъ* держитъ *жеребца*, а стоящій передъ огнемъ *Юмонъ Авы* корову, прочіе же имѣютъ при себѣ мѣлкой скотъ или пищъ. Мѣряне стоятъ позади ихъ простоволосы. Жрецъ Юмы, поднѣвъ къ верьху нирогъ и сосудъ съ напишкомъ, шворитъ въ слухъ молитву коротенькую, во время коей предстоящій Народъ часто кладетъ поклоны, и говоритъ: аминь! Послѣ сего молится Жрецъ Юмонъ Авы, а за нимъ слѣдуютъ и всѣ прочіе. По окончаніи мольбы, *обливаетъ* всякій Удше *скотину* свою холодною водою; ежели она вздрогнетъ, то почитается сіе добрымъ знакомъ; а естли нѣтъ шаковой примѣшны, то поливаетъ оную еще нѣсколько крашъ, и буде она, послѣ седьмаго поливанья, не вздрогнетъ, то думаютъ, что жертва сія Богамъ не угодна. Въ прочемъ убиваютъ они жертвенную скотину такъ, чтобъ *кровь брызнула въ огонь*, и по томъ очистя въ Керемешъ мясо и внутренняя, варятъ подъ крышкою, или наметомъ.

Изъ вареныхъ жертвенныхъ мясъ, приподнявъ Жрецъ на блюдѣ

Часть I.

Д

въ верхъ Божеству своему *сердце, легкое, легенку и голову*, молишся, а когда возношеніе сіе вездѣ уже кончится, то приносятъ къ жрецу Юмы, который есть Первосвященникъ, всѣ блюда; онъ дѣлитъ все на части, и подаютъ всякому, къ вѣрѣ своей усердствующему, по особливой долѣ, которую шутъ же всякъ и съѣдаетъ съ благоговѣніемъ. Послѣ сего шворитъ опять Жрецъ молитву. Такимъ же порядкомъ раздаетъ онъ пироги по кускамъ, а напишки по мѣрѣ, въ стонъ же ни чего не бросаютъ. *Кости* сожигаются; *шкуру* съ жеребца вѣшаютъ у Керемеша на дерево; а прочія кожи дѣлятъ Жрецы по себѣ. Остатки жершвъ берутъ съ собою домой, и додаютъ ихъ съ своими домочадцами, при безпушныхъ иногда увеселеніяхъ.

Во всякой деревнѣ бываетъ еще одинъ великій праздникъ, *Анга Соаренъ* называемый. Какъ скоро наступитъ время къ запахиванію земли, то деревенскіе жители выходятъ на поле, и всякъ несетъ съ собою, по желанію своему, что ни есть изъ пици и пишня въ жершву. *Карты*, при швореніи молитвы и вышписанномъ поклоненіи мѣрянъ, приносятъ Богамъ нѣсколько изъ крестьянскихъ даровъ въ жершву; послѣ чего ѣдятъ обще остатки съ сугубою радостію, по тому, что жены и дѣши ихъ пріемлютъ такъ же въ пированіи семъ участіе. На послѣдокъ взоравъ всякъ на машинъ своей по небольшой полосѣ, возвращается въ деревню.

У всякаго хозяина бываетъ свой *жатвенный праздникъ* (Ушкнде Байранъ). Послѣ омовенія спавитъ онъ всякаго рода сняшый въ томъ году съ полей хлѣбъ, съ небольшимъ количествомъ солоду, напишковъ и испеченныхъ, изъ самой свѣжей муки, пироговъ, на блюдахъ въ избѣ своей на столъ. По томъ выноситъ онъ одну чарку вина за другою на дворъ, держитъ жершву прошивъ солнца, и съ покорностію *благодаритъ Богамъ* за ихъ благословеніе; послѣ чего угощаетъ своихъ пріятелей.

Крещенье Черемисы, число которыхъ въ одной Казанской губерніи, съ 1723 по 1774 годъ, умножилось до 6580 мужескихъ и 5951 женскихъ душъ, а по сей 1795 годъ можно положить не ошибочно въ шрое, содержатъ оные праздники, по большей части, тайно, а иногда берутъ и въ самомъ торжествѣ Язычниковъ столько участія, сколько, укрываясь въ томъ отъ Духовенства, и избѣгая ихъ изшязанія, принимаютъ могутъ.

Ч У В А Ш И.

Чуваши, которые какъ сами, такъ и отъ *Россiянъ* симъ единственно именемъ, отъ *Мордовы* же *Видками*, а отъ *Черемисъ Куркъ Марали* (горными людьми) называюща, живутъ по обѣимъ сторонамъ *Волги*, въ Нижегородской и Казанской Губернiяхъ и Оренбургской Обласи. Они и теперь еще составляютъ *многолюдный Народъ*, который больше, нежели съ 20000 душъ платитъ податъ. Всѣ почти съ 1723 года крещены въ Грекороссiйскую вѣру, копорую, можно сказать, *внѣшно* исповѣдуютъ.

Говорятъ они собственнымъ, отъ Финнскаго *произшедшимъ языкомъ*: но не знаютъ ни грамаши, ни буквъ. Они вели *когевую жизнь*, и пребывали въ Идолопоклонствѣ: но теперь возлюбили всѣ землеспашество и постоянное на одномъ мѣстѣ жителство. Однако *живутъ* не въ городахъ, но въ деревушкахъ, копорыя, ежели только можно, заводятъ въ лѣсахъ, и хотя они очень много языкъ свой смѣшали съ Таттарскимъ, однакожъ, при всемъ томъ, прародительское нарѣчiе, такъ же одѣяніе, нравы, обычаи и суевѣрiя удержали.

Зима да лѣто составляютъ ихъ *годъ*, начинающійся съ нашимъ Ноябрьемъ мѣсяцомъ. Годовъ они, по порядку, не числятъ, а *лѣтцаы* (Ойхъ) считаютъ. Чукъ Ойхъ, жершвенный мѣсяцъ, есть нашъ Ноябрь, и проч. *Недѣля* начинается у нихъ съ *латицы* (Ама), копорая есть при томъ и день ихъ ошдыхновенiя; а *середу* называютъ *крававымъ днелъ* (Ионконъ).

Они весьма походятъ на Черемисовъ, *по тѣлесному виду*, по нравственнымъ качествамъ, по разположенiю *деревень*, *по сельскимъ разлорядкамъ*, *по состоянiю жилищъ*, *по употребляемой или, въ домашнемъ своемъ быту, утвари*, *по разположенiю хозяйства и жизни*, *по лицъ, илѣнiю и лодатлмъ*, такъ же по мужскимъ и женскимъ *цлраженiямъ*. Лицемъ они, по большей части, блѣдны, не поворошливѣе и разумомъ еще шупѣе Черемисъ, да и около себя они не опряшнѣе, и въ избиранiи пищи и приуготовленiи не рачительнѣе Черемисъ. Пребывающiе въ языческомъ суевѣрiи Чуваши гнушаются свининою, и сiе переняли они отъ Таттаръ: напротивъ того хищныхъ звѣрей, а въ случаѣ недостатка и падальщину, ѣдятъ безъ разбору. *Бѣшеную рыбицу* (*), копорой Россiяне не

(*) Clupea Aiofa. L.

ѣдятъ, покупаютъ Чуваши, называя оную *Темиръ лолою*, сирѣчь, желѣзною рыбою, очень дешево, и употребляютъ въ пищу свѣжую, въ водѣ сваря, или проваливъ.

Къ *звѣриной ловлѣ* крайне они пристрастны, и употребляютъ шеперь больше виншовки, нежели лукъ и сирѣлы.

Мужины, по запусценію волосъ и бороды, шакъ же по вышитымъ рубахамъ, уподобляются Черемисамъ; прочее же ихъ одѣяніе, какъ то поршки, обувь, чулки, онучи, охабни, шляпы и шапки, дѣлаютъ ихъ на Рускихъ мужиковъ похожими. У верхняго ихъ одѣянія нѣшъ шакихъ широкихъ ворошниковъ, какія носятъ Черемисы.

Бабы и дѣвки разнятся между собою, въ разсужденіи одѣянія, по шому единственно, что дѣвки носятъ плашье похуже. *Нижнее одѣяніе и рубахи* во всемъ подобны Черемисскимъ. Верхняя рубаха есть обыкновенное и общее лѣпшее одѣяніе. *Поясъ*, онъ кошораго пуекаютъ на обоихъ бокахъ по одной, бахромкою обшитой, лопаши, *саррою*, называемой, прижимаетъ оную къ шѣлу. Зимую надѣваютъ на рубахи шакимъ же почти образомъ сдѣланныя шубы, или суконные разныхъ цвѣтновъ охабни. *Женская шалка* (Хушпу) вся покрыва королями и мѣлками, на подобіе чешуи расположенными, серебряными монешами. Точно такъ украшена и верхняя половина, проведеннаго подъ поясъ, долгаго *хвоста* (Ама). Подъ шапкою носятъ онъ бѣлую, вышитую, и по краямъ королями унизанную, фашу, которую невѣсты, какъ бы *локрывало* (Сурсанъ), лице свое занавѣшиваютъ; у бабъ же висятъ престо оба конца на груди, и бывають, но рѣдко, прикрашены кисточками и бахромками. Волосы заплетаютъ онъ въ двѣ косы, и прячутъ подъ рубаху. Въ нѣкопорохъ деревняхъ носятъ бабы, въ мѣсто шапокъ, подобныя Черемисскимъ, мѣлками монешами, королями и фарфоровыми раковинками осыпаныя, головныя шолько повязки, онъ кшпорыхъ не большій хвостъ шакъ, какъ и онъ шапки, висятъ по спинѣ; въ награжденіе же длины онаго, проведенъ съзади онъ пояса въ низъ и другій, подобный оному, хвостъ. Еще перевѣшиваютъ они иногда черезъ лѣвое плечо, подобный жалованной лентѣ, ремень, который бываетъ шириною въ ладонь, и весь покрывъ королями, эмѣинными головками и поддѣланными червонцами.

Когда обѣдаютъ, или ужинаютъ, то сядятъ за столомъ. Прежде, нежели прѣимутся ѣсть, говорятъ въ мѣсто молитвы: *Боже! даждь намъ хлѣбъ!* а наѣвшись, приговариваютъ: *Господи! не отри-*

Чувашанка спереди.
 Eine Tschuwaschin vorwärts.
 Une Tchouwachaine par devant.

ни мня! Госпей своихъ поичують они ложками, и кормящъ ихъ, какъ будышо, на убой. Въ мѣсто кровашей, служащъ имъ шакъ, какъ и Ташарамъ, широкія полаши, на кошорыхъ, не очень скудные, *слятъ* на перинахъ.

Когда *родитъ* чья ни будь жена, шо пріятели и подруги приходящъ къ ней на посѣщеніе, пьющъ пиво, дающъ новорожденному младенцу имя, и даящъ его, кидая въ стаканъ по нѣсколку копейекъ. Пиршество сѣе называется у нихъ *положеніемъ младенца въ колыбель* (Піачиръ Хивасъ).

Ежели кто вздумаетъ *жениться*, шо сващъ торгуетъ дѣвку очень крѣпко. Обыкновенная *невѣстамъ цѣна* простирается ошъ двадцати до пятидесяти рублей: но иные за пять и за десять рублей получаютъ шакъ же себѣ женъ. На прощивъ того богатыге дающъ за невѣсту и до осьмидесяти рублей. Невѣстино приданое, состоящее въ дворовомъ скотѣ, домашней ушвари и одѣяніи, бываетъ почти равное, плашимымъ женихомъ за нее, деньгамъ. Торгъ о невѣстѣ называется у нихъ *сваговствомъ* (Хоша).

По заключеніи онаго, бываетъ особый *сб дарамъ похъдъ*. Женихъ *пріѣзжаетъ* съ родителыми своими къ невѣстѣ, плашимъ за нее договорныя деньги, дарищъ новыхъ родственниковъ рубахами, плашками, или холстомъ. Невѣстинъ *ошецъ*, для сугубаго въ женищъбѣ счастья, *приноситъ въ жертву лишениный хлѣбъ* и не большое количество *меду* сырку. Онъ держитъ даръ свой противъ солнца, и шворитъ молитву; послѣ чего *ѣдятъ*, пьющъ, веселящя, и на послѣдокъ опредѣляющъ, когда бытъ свадьбъ.

Во время *свадьбы* сидитъ невѣста, занавѣся лице за огтородкою; на послѣдокъ, вышедъ ошуда, ходитъ прискорбно въ гощепрѣемной избѣ крутомъ, а дѣвки носящъ передъ нею пиво, медъ сырецъ и хлѣбъ. Какъ обойдетъ она въ прешій разъ избу, шо женихъ срываещъ съ нее покрывало, цѣлуещъ ее, и *мѣляется* съ нею *лерстиями*. Съ сей поры называется она обрученною дѣвкою, и разноситъ гощямъ хлѣбъ, медъ сырецъ и пиво, а на послѣдокъ уходитъ опящъ за огтородку, гдѣ бабы, въ мѣсто худой дѣвичей шапки, надѣвающъ на нее *бабью*, побогатые убранную (Хушпу).

Когда спанущъ молодыхъ *раздѣвать*, шо невѣста должна скинуть съ жениха сапоги. На другой день по ушру произходитъ о дѣвичей непорочности елѣдшвіе. Ежели окажется, что она, до замужства, жила не цѣломудренно: шо невѣстинъ прислужникъ *полаещъ* Старѣйшинъ *сб пивомъ* шаккой стаканъ, у коего на днѣ про-

буравлена дырочка, кошорую зажавъ пальцомъ, удерживаешъ пиво. Но какъ скоро Старѣйшина возьмешъ стаканъ въ свои руки, то начинаешъ напиво бѣжать изъ дырочки. Гости поднимающъ превеликой смѣхъ, и приводяшъ шѣмъ невѣсту въ стыдъ; другихъ не бываешъ ни какихъ свидѣній. На другой день принимаешъ молодыхъ гостей уже такъ, какъ хозяйка; въ разсужденіи чего и веселья бываешъ больше, нежели въ первый день. Пляшущъ же они по гусямъ, по волюнкѣ и по губному органу. Крещеные вѣчаютъ въ церквѣ, спуская иногда и долгое время послѣ оныхъ обрядовъ. Свадьбу играющъ больше у жениховыхъ родителей, и она походитъ нѣсколько на общественную пирушку, по тому, что всякій гость несетъ что ни будь съ собою. Въ прочемъ ставяшъ еще на столъ и блюдо съ хлѣбомъ, въ кошорый вошепуша сирѣла. Тутъ, кто изволитъ изъ гостей; кладешъ молодымъ на раззаводъ нѣсколько копѣекъ.

Мужъ имѣетъ во всемъ полную власть, а жена должна повиноваться ему, безъ всякаго прекословія; въ разсужденіи чего и не бываешъ почти ни какихъ въ семействѣ ссоръ. Но ежели мужъ чрезвычайно женою своею не доволенъ, то *разрываетъ ея локрывало* (Сурбакъ), и шѣмъ *уничтожаетъ* на вѣкъ супружескій между ними союзъ. Такимъ же образомъ разводятся съ женами своими и всѣ, языческаго суевѣрія держащіеся, Черемисы, Мордва, Вошяки и Вогуличи: однакожь таковые случаи бывающъ рѣдко.

Умершихъ своихъ погребающъ они, по Черемисскому обыкновению, и надѣляютъ ихъ такъ же, какъ и они. На могилу кладущъ, по зажженіи восковыхъ свѣчекъ, блинъ и кусокъ вареной курицы; при чемъ говоряшъ: *это тебѣ пригодится!* Остатки же прибирающъ провожатые, и думаютъ, что обще съ мертвецомъ ѣли. На послѣдокъ бросающъ худое умершаго одѣяніе на могилу, моютъся и подвесеяющъ себя пирушкою въ шой избѣ, изъ кошорой вынесли покойника. Въ шрешій и въ седьмый день *правятъ ломники*, подобныя первымъ Черемискимъ; въ Октябрѣ же закалаешъ всякъ, у могилы своихъ родственниковъ, овцу, корову, бычка, а иногда и и лошадь, и сваря шамъ же, ѣдятъ такъ, что не великіе бывающъ остатки, кои кладущъ на могилу, и ставяшъ при томъ не большую мѣру пива. Въ четвертокъ, на сираспной недѣлѣ, выношишъ всякій хазяинъ, для каждаго изъ роду своего покойника, на дворъ по не большому количеству пици, и про всякаго ставишъ восковую свѣчу. Собаки, въ мѣсто умершихъ, питающъ симъ приноше-

Чувашка въ лѣтнѣмъ плѣѣ.
 Eine Tschuwaschin im Sommer Kleide.
 Une Tchouwache en habit d'été'.

нѣмъ. Въ прочемъ и тѣ, кои уже крестились, думаютъ, что, безъ сего обряда, не могутъ умершіе ихъ родшвенники лежать въ гробахъ своихъ спокойно.

Лыгеская вѣра Чувашъ сходствуешь, въ главныхъ мнѣніяхъ и обрядахъ, съ Черемисскою. *Жрецы* ихъ, принося жертвы одну послѣ другой, молясь, колдуютъ, предсказываютъ, и называются *Юмами* и *Емами*. Гдѣ ихъ нѣтъ, шамъ вступаетъ въ должность ихъ, подъ именемъ *Сукъ Тоата*, разумный шарикъ. *Керемети* ихъ подобны во всемъ Черемисскимъ, а называются еще и *Ирсанами*.

Общаго Бога называютъ они *Торомъ*, а супругу его, *Торъ Амилею* (матерью Божковъ). Между *добрыми Божками*, кои считающа дѣшми, или роднею Тора, кажеша *Кереметь* главнѣйшимъ, по тому, что молебныя и жертвенныя мѣста ему посвящены, да и самыя жертвы ему же шамъ приносятся. Кромѣ онаго почитаютъ еще *Пцлихса*, *Хирлсира*, *Пихамбара*, *Кабу* и другихъ, Чувашскимъ подобныхъ, Божковъ. Низшей степени Божковъ называютъ во обще *Ирсинами*. Они кажутся бытъ Ангелами, или обоготворенными людьми. Въ числѣ *Боговъ злаго качества* почитаютъ они такъ же *Сатану* (Шайшана) первенствующимъ, и опредѣляютъ жилище ему въ водѣ. *Обитами* называютъ они, изкушающихъ родъ человѣчскій, лѣсныхъ Божковъ. Въ прочемъ просятъ они въ молишвахъ своихъ Тора, чшобъ благоволилъ укротить Сашану.

Настоящихъ *Идоловъ* у нихъ нѣтъ, однакожь *Ерихъ*, или *Ирихъ*, ихъ на то походитъ нѣсколько, и подобенъ Вошякскому *Мцдорцу*. *Ерихъ* составляетъ не большая связка *серебаринныхъ лозъ*, кои, нарѣзавъ осенью, спавятъ въ уголъ избы своей, и почитаютъ оныя столь священными, или опасными, что ни кто и приступишь къ онымъ не смѣетъ. Они возобновляютъ своего Ериха всякую осень, а шарого пуцаютъ въ плавь по рѣкѣ.

Нѣкоторые воображаютъ себѣ *состояніе* человѣческое *послѣ смерти* двоякимъ, а именно: *гестные люди* преселяются де въ *Страну изобилія* (Чемгерда), въ коей обряжутъ своихъ родшвенниковъ, такъ же скопъ и имѣніе свое, въ гораздо лучшемъ состояніи противъ того, въ какомъ они ихъ, на семъ свѣтѣ, оставили; *злые же* будутъ странствовашъ въ холодныхъ и бесплодныхъ степяхъ, какъ кости безъ тѣла.

Кереметные, или общіе, такъ, какъ и *семеиственныя* ихъ *праздники*, сходны съ Черемисскими не только, въ разсужденіи обря-

довѣ, но и въ самихъ названіяхъ; ибо такія же бывающъ у нихъ при томъ жертвоприношенія, распоряженія и обряды; а разность заключается въ томъ только, что Чуваша отъ всѣхъ жертвъ бросаютъ нѣсколько и въ огонь.

Праздникъ *Именъ Байранъ* бываетъ у нихъ весною, и они молясь въ сей день о изобиліи земномъ въ наступающее лѣто. *Уйгунъ* есть благодарственная въ Керемешѣ, за собранные съ полей плоды, приносимая жертва; при чемъ мѣлкихъ только животныхъ закалываютъ. *Кереметь Тасадосъ*, или праздникъ очищенія Керемеша, бываетъ весною, когда начинаютъ пахать поля; а обряды совершаются въ Керемешѣ съ жертвоприношеніемъ *передъ семью огнями*. Они приносятъ въ жертву пироги и молоко, льютъ нѣсколько на огонь, убираютъ прочее сами, и обращаютъ моленіе свое наипаче къ *Кереметю Отцу* (Керемешъ Ашъ), *Матери* (Керемешъ Амша) и *Сыну* (Керемешъ Ивли). Когда вздумаютъ принести *Пихамбару* большую живошину въ жертву, по причинѣ болѣзни, или для счастья въ скотѣ, и проч. то избираютъ къ тому Керемешъ. Пернатыхъ же и малую живошину жертвуетъ всякъ дома. *Жертвоприношеніе отъ новаго хлѣба* (Сыне шире чукъ шонсъ) есть шонъ самый праздникъ, который у Черемисъ *Уткинде байранъ* называется. *Мункунъ* (великій день) есть среда на страстной недѣлѣ. Въ сей день приносятъ всякій хозяинъ у себя въ домъ жертву, состоящую въ пшеницахъ и пирогахъ; при чемъ одинъ другого посѣщаетъ, и проч. Во обще ввели они такъ, какъ Черемисы, Мордва, Вошяки и нѣкоторыя другіе Народы, очень много Христіанскихъ, а еще больше Мугаммеданскихъ праздниковъ въ число своихъ, какъ на примѣръ, выше помянутый великій день, поминаніе въ четвертокъ на страстной недѣлѣ, омываніе шѣла и разположеніе молитвъ, да и самое слово, *байранъ* (праздникъ) Татарское.

Молитвы ихъ бывающъ всегда одинакія, а разность заключается только въ обстоятельствахъ, да въ лицахъ мнимыхъ ихъ Боговъ, къ которымъ они возсылаются. Полная Чувашская молитва гласитъ въ переводѣ такъ: *Боже! (Торе, или иное какое Боже-ство) помилуй насъ! Боже! не оставь меня! Надѣли меня множествомъ сыновей и дегерей! Боже! одари меня многими горами хлѣба, и наполни мои житницы и кладовыя! Боже! изложи мнѣ хлѣбъ, медъ, литге, свѣстное, здоровге, покой! Боже! наполни дворъ мой лошадьми, рогатымъ скотомъ, овцами, козами! Боже! благоволити житнице мое, стобъ мой я страствующихъ принимаю, ло-*

коить, литать и грѣть. Боже! Благослови Обладательницу Земли! (Всемилоштивѣйшую Государыню). При всякомъ ошривѣ молишвы говорашъ мѣряне: *аминь!*

При обращеніи ихъ, въ 1723 году, къ Христіанскому закону, нарочишо они упрямились; а въ нынѣшнее время, въ которе безъ собшвеннаго удостовѣренія ни кого къ принятію православной вѣры не принуждаюшъ, и не ошвлекаешъ ихъ никто ошъ суевѣрїя, да они и сами, въ разсужденіи тихомирнаго поведенія, прилежанія, вѣрности и преданности своимъ Начальникамъ, крестившимся ни мало не уступаюшъ.

Въ междоусобиныхъ дѣлахъ *не употребляетъ Народъ сей* ни какихъ *клятвъ*, но единшвенно держашся *своего слова*. Но когда по какимъ ни будь ссорамъ, или другимъ причинамъ, надобно имъ предъ судьями присягашъ: шо кладушъ имъ въ рошъ по немногу соли и хлѣба, при чемъ они говорашъ: *шобъ мнѣ этого у себя не видатъ, ежели я лгу, или вѣ словѣ своемъ не чуюто*. Рекрушамъ же даюшъ хлѣбъ черезъ сложенные крестообразно псаки, и сіе слушшъ для сего Народа, въ мѣсто обыкновенной въ Россіи, для прочихъ Христіанскаго исповѣданія Народовъ, присяги.

М О Р Д В А.

Народъ сей *живетъ* по близости рѣки *Оки* и *Волги* въ Нижегородской Губерніи и часпїю въ Оренбургской Области. Долго былъ онъ у Ташаръ въ подданствѣ, однако имѣлъ собственныхъ *Хановъ*. До разпространенія Ташарскаго владычества были жилища его выше пеперешнихъ, на Волгѣ же, около *Ярославля*, *Костромы* и *Галига*. А хопя Народъ сей и не столь многолюденъ, какъ Черемисы и Чуваши, однако нарочито еще знаменъ, и непрерывно отъ одной переписи до другой умножается, соотвѣшственно природнымъ Россійскимъ сельскимъ жителямъ.

Онъ *раздѣляется* на два главныхъ колѣна, а именно: на *Мокшанъ*, кои живутъ на Мокшѣ, сообщающей струи свои Окѣ выше всѣхъ другихъ рѣкъ, и на *Ерзянъ*, обитающихъ на Волгѣ. *Каратаи* составляющъ еще и шретіе, но такое малое поколѣніе, что въ нѣсколькихъ только Казанскихъ деревняхъ заключаетъ. Они называются сами по поколѣніямъ своимъ *Мокшали* и *Мокшанами*, такъ же *Ерзянами* и *Ерзядами*; Россїяне же нарицаютъ ихъ во обще *Мордвою*, которое наименованіе и между самими ими не употребительно. Дворянскія ихъ семьи давно уже перевелись.

Языкъ ихъ, который такъ, какъ и сами они, заимствуетъ начало свое отъ Финновъ, весьма съ Ташарскимъ перемѣшанъ. Ерзянское и Мокшанское нарѣчїя такъ между собою разняшся, что походяшъ на два особливые языка. А хопя каждое колѣно и теперь еще употребляетъ свой языкъ, но они, по близкому сообщенію, или по взаимному смѣшенію, свободно одни другихъ разумѣютъ. До разпространенія между ними Христїанской вѣры почишалось у нихъ пресшупленіемъ понимать жену изъ другаго колѣна: но нынѣ живутъ они уже больше въ смѣшеніи. Однакожъ всякій родъ держитъ своихъ старинныхъ обычаевъ, въ разсужденіи одѣянія и нѣкоторыхъ поведеній.

Мордовцы, по шѣлесному разположенію и по всему виду, больше походяшъ на *Россїанъ*, нежели на Черемисъ и Чувашъ, да и въ самомъ домашнемъ своемъ быту соображаются наипаче Россійскимъ сельскимъ жителямъ. Волосы у нихъ, по большей части, русые и прямые, бороды жидкія, лица сухощавыя, а женщины ихъ рѣдко бывающъ красивы. Въ прочемъ они честны, прилежны, дружелюбны, но не проворны; послѣдуютъ не менѣ перенятому отъ Россїанъ,

Мордовка съ лаца
 Eine Morduanerin vorwärts.
 Femme Morduane par devant.

сколько и заиспвовавнному ими отъ Ташаръ, въ разныхъ дѣлахъ и обычаяхъ, но не въ опрятности и отвращеніи отъ свинины, которую, держащіяся языческой своей вѣры, Мордовцы, коихъ однакожь шеперь въ ошашкѣ очень мало, ѣдятъ безъ всякаго зазрѣнія, а на противъ того, оставшіеся въ языческомъ суевѣрїи, Чуваши и другіе Народы почитаютъ оную поганую пищу.

Съ того времени, какъ стали они Россійской Державѣ подвластны, упражняюща всѣ *въ земледѣлшествѣ*: но живутъ не въ городахъ, а въ деревушкахъ, подобныхъ Черемисскимъ и Чувашскимъ, и весьма охотно строятъ жилища свои въ лѣсахъ. Дворы, земледѣлшество, небольшое скотоводство, домашняя рухлядь; пища и все во обще разположеніе ихъ хозяйства ни мало отъ Черемисскаго и Чувашскаго не разнишя. По большей части бывающъ и у ихъ дворовъ такіе же, какъ и у тѣхъ, огородцы, въ коихъ сажаютъ про себя обыкновенную поваренную зелень. Но къ *зѣбриному промыслу* не столько они прилѣпляюща, какъ помянушыя Народы. Мордовки упражняюща равномѣрно въ такихъ же дѣлахъ, какъ Черемисскія и Чувашскія женщины, и при томъ подобны имъ въ прилежаніи и искусствѣ. Народъ сей несетъ равную съ сосѣдями своими гражданскую тягость, да и въ самомъ поведеніи имъ сообразенъ. Мокшаны живутъ въ привольныхъ къ *лѣсному пгеловодству* мѣстахъ; есть такъ же между ними дѣйствительна и такіе пчеляки, кои имѣютъ у себя по сту и по двѣсти ульевъ.

Мордовское *мужское одѣяніе* во всемъ, кромѣ рубашекъ, украшенныхъ шпшьемъ около воротника и ворота, походитъ на Русской мужичій нарядъ. *Женская же одежда*, въ обоихъ поколѣнїяхъ, нѣсколько опмѣниша. Дѣвки ходятъ и у нихъ не такъ нарядно, какъ бабы; а въ прочемъ различающа отъ сихъ однимъ только головнымъ уборомъ. Они носятъ корешкія порпки (Пойкѣ), а на ноги столько наверхывающъ онучь, что походятъ на колоды. Обувь ихъ состояюща въ остроносые лапти (Карѣ); рубахи носятъ, подобныя Чувашскимъ и Черемисскимъ; узоры вышивающъ на оныхъ такіе же, и подпоясывающъ оныя, не забирая въ порпки. Отъ пояса виситъ назади не большій, красиво вышитый, и при томъ бахромкою и кисточками разпещренный, корошенькій запонъ, который и не излишенъ, по тому, что рубахи ихъ, какъ будто облепли около тѣла. Когда Мордовка явшя въ самомъ лучшемъ нарядѣ, то около пояса виситъ кругомъ, прикрѣпленныя къ вышитой широкой перевязи бахромки и кисточки. Шею и плечи покрываетъ, решетчатъ

шо сдѣланный изъ корольковъ и поддѣланныхъ червонцовъ, пронизокъ, кошорый, какъ будышо косынка, намешываея на грудь. На всѣхъ пальцахъ носятъ оны перстни и кольца, акъ большимъ сергамъ привѣшиваютъ маленькія, изъ корольковъ сдѣланныя, пронизки. На руки надѣваютъ, у самыхъ кистей, по два и по три сбода. Волосы заплетаютъ въ нѣсколько малыхъ косъ, кои прячутъ пожилые люди подъ шишю по головѣ шапочку, а молодые подъ высокую, набитую, крѣпкую, вышитую и какъ корольками, такъ и фарфоровыми раковинками разпещренную, шапку, у кошорой придѣланъ на запыакъ хвостъ, ширвою въ ладонь, а длиною съ лишкомъ на пядень, и украшенъ корольками и унизанными нипками. *Дѣвки* заплетаютъ волосы въ нѣсколько косъ, и дабы сдѣлать оныя долгими и крѣпкими, шо кладутъ въ добавку черную овечью шерсть.

Мокшанки разнятся отъ Ерзянокъ слѣдующимъ только нарядомъ. *Бабы шалки* дѣлаются у нихъ не споль высокія и вышиваются просшо. Многія носятъ на головѣ и однѣ только вышитыя фашы. Оны шапки висятъ по груди, выкладенныя серебряными копѣйками, *ремешки*. Отъ соспавленнаго же изъ корольковъ *пропизка* просширается до самаго пояса, покрытый въ споль корольками и брякушками, *щитъ*; а отъ пояса виситъ въ переди долгій, либо корошкій, вышитый, и какъ корольками, такъ и вышитыми тосевками усыпанный запонъ. Въ мѣсто Ерзянскаго задняго запсна, носятъ Мокшанки не мало, рядомъ висящихъ, кисточекъ, кои достаютъ до самыхъ подколенокъ. Кромѣ серегъ болтаются около ушей много маленкихъ, изъ лебяжьего *лущу* сдѣланныхъ, *кистогекъ*. Волосы покрываютъ такъ же, прикрѣпленнымъ къ шапкѣ и до самыхъ нятъ достающимъ, ремнемъ; пожилыя же бабы и дѣвки, въ мѣсто шапокъ, носятъ на головѣ въ завязку плашки, а волосы разпещранные, или заплетенныя, висятъ просшо по спинѣ.

Беременныя женщины ходятъ *родить* въ баню, гдѣ посѣщаютъ ихъ гости, и даютъ младенцамъ имена. Обряды бывають у нихъ при семъ случаѣ такіе же, какъ и у Черемиссъ. *Мужскаго полу имена* суть слѣдующія: *Трена, Казай, Леткудъ, Тидасъ*, и проч. а *женскаго: Лолай, Ракса, Шинду, Лумзуръ* и прочія.

Дѣвокъ они *высватываютъ*, и рѣдятся такъ же, какъ и Черемиссы.

Мордовка со ступною.
 Eine Morduanerin rückwärts.
 Mordouane par derrière.

Мордовская дѣвушка съ пыла.
Ein Morduanisches Mädgen rückwärts.
Fille Morduane par derrière.

миссы. *Цѣна невѣсты* (Калымъ) проспирася обыкновенно отъ осьми до десяти рублей; изъ чего и видно, что Народъ сей не богашь. Жениховъ отецъ ѣздитъ самъ, средѣ свадьбою, за невѣсною, которую отецъ, взявъ за руку, ему препоручаетъ, а мать дастъ при томъ свекру дочери своей не много соли и хлѣба. Послѣ сего прощася невѣста, плачучи, и пускается, закрывъ лице, въ путь. Какъ прїѣдетъ она къ жениху въ домъ, то садится онъ подлѣ ея, за столъ, и крѣпко при томъ нахлунчивъ на глаза шапку. На столѣ стоишь, длиною фуша въ три, гирогъ, кошорый жениховъ отецъ, пододвинувъ однимъ концемъ невѣстѣ подъ покрывало, говоритъ: *взгляни на свѣтъ! будь счастлива къ жизни хлѣба и дѣтей.* Тутъ-то, въ первые, видитъ женихъ въ лице свою невѣсту, которую, безъ вѣдома его, выевошалъ за него спецъ. Послѣ сего пируютъ они съ прїятелями своими, и веселяшя пляскою, пѣснями, игрою, а больше всего подпиваньемъ. Въ прежнія времена были у нихъ и собшвенныя пляски, но теперь послѣдуюшъ въ шрѣ Россіянамъ, и соображающя игрѣ на гусяхъ, волынкѣ и губномъ органѣ. Какъ прїѣдетъ пора *укладывать молодыхъ спать*, то невѣста шакъ упрямится, что, посадя ея насильно на рогожу, относяшъ къ жениху въ подклавъ, и говорятъ: *вотъ тебѣ волюб оветка!* Случася, что родители и малолѣтнихъ еще дѣтей своихъ помолвливають; при чемъ взаимно размѣнивають табашные роги. Дѣвку помолвление сіе не обяываетъ, но молодецъ долженъ, буде вздумаетъ на другой жениться, заплашить за обходъ нѣсколько рублей. Хотя въ прочемъ многоженство Языческимъ ихъ закономъ и не запрещася, однако они вольносною сею споль же рѣдко, какъ и Черемиссы, пользуютя. Когда умретъ жена, то охотно женяшя на свояченицахъ. Естли же получить кто въ томъ отказъ, то кладетъ шихонько на столъ маленькій хлѣбецъ, и говоритъ: *промысли мнѣ свояченицу!* Послѣ сего обращася онъ въ бѣгъ, и ежели его настигнушъ, то бьютъ не милосердно, естли же уйдетъ, то выдаютъ безпрекословно за него помянутую свояченицу. Когда крещеные ѣдутъ къ вѣнцу, то лице у невѣсты бываешъ закрышо же, и при томъ всячески старающя, чтобъ, когда ѣдетъ невѣста въ церковь, не попался ей кто ни-будъ на встрѣчу, по тому, что почитаютъ сіе предзнаменованіемъ несчастья.

Покойниковъ хороняшъ въ самокъ лучшемъ плашьѣ. У могилы ѣдѣтъ пироги, и разпиваютъ пиво; при чемъ какъ того, шакъ и другаго по не многу оставляютъ на мѣстѣ.

Вольшая половина Мордвы исповѣдуетъ шеперь *Христіанскую вѣру*, и хошя они отъ Языческаго закона удалились уже больше, нежели Черемиссы и Чуваши: однакожь все еще великое имѣютъ къ оному присшрасіе. *Идололоклонство* ихъ Язычниковъ подобно Черемисскому и нѣкошорыхъ другихъ Народовъ.

Мордовскіе *Керемети* не заключающъ въ себѣ ни чего ошмѣннаго. Теперь нѣшъ у нихъ и настоящихъ *Жрецовъ*: но мѣша ихъ занимающъ всякіе добрые люди, кои называющся *Ате. Общій Богъ* называешся у Ерсянъ *Паасъ* и *Пасъ*, а у Мошканъ *Скей*; да симъ же словомъ называющъ они и небо. Они исповѣдуютъ еще *Матъ Боговъ* и *сына Божія* (Иничи Пасъ). *Мастеръ Пасъ* ешъ подземельное и не очень благошворительное Божество. *Николай Пасъ* ешъ, почитаемый Россіянами, *Святитель Николай*, коему приписываютъ они благососшояніе Россійскаго Народа, спавяшъ передъ икону его, въ Россійскихъ церквахъ свѣчи, и воздающъ изображенію его, въ домахъ своихъ, почшеніе. Въ прочемъ не представляющъ они Боговъ ни подъ какими видами. Богомолія, жершвы и приношенія ихъ, да и всѣ во обще праздники, совокупно съ возбуждающими къ шому причинами, подобны Черемисскимъ и Чувашскимъ; разняшя же отъ послѣднихъ шѣмъ шолько, что огню не предающъ ни чего, а въ мѣсто шого *земля нѣсколько удѣляютъ. Кровъ*, приносимыхъ въ жершву, живошныхъ спускающъ въ ямочку, и зарывающъ землю, да и отъ самой жершвы кладущъ шуда же нѣсколько часшцищъ. Косши бросающъ въ рѣки, а шкуры берушъ за себя Ашы.

Весною бываетъ у нихъ *Кереметный праздникъ*, въ кошорый приносяшъ звѣрей въ жершву. *Полевый праздникъ*, кошорый у Ерсянъ *Валищ Оскъ*, а у Мошканъ *Велъ Оскъ* называешся, препрошождающъ въ полѣ оба пола въ мѣсшѣ. *Пасъ Ашускаю* приносяшъ они въ жершву рыжую, а *Мастеръ Пасу* черную корову. *Солницу*, кошорое они называющъ *Ши Пасомъ*, приноситъ въ жершву всякій хозяинъ у себя на дому, съ Чувашскими обрядами, пшищъ, пирожное и хмельные напишки. Увидя въ первый разъ *новый мѣсяцъ*, кланяющся и просяшъ его, чтошбъ низшослалъ имъ, во время своего правительштва, сшасшїе. Осенью приносяшъ *Юргашу Пасу* домашнюю жершву, и просяшъ его о благополучной зимѣ. Въ первый день какъ сѣшшлаго Воскресенія, такъ и Рождештва Христова, жершвуютъ они не извѣшнымъ и самимъ имъ Россійскимъ Свяшосшямъ пшищъ, пи-

*Мокшанка спереди.
Eine Mockschanerin vorwärts
Une Moquechaine par devant.*

*Старуха Мокшанская .
Ein altes Weib aus Moxschan .
Vieille femme de Moquechaine .*

рожное и напишки, дабы полько имѣшь себѣ заступниками и Россійскихъ Святыхъ. Во время грозы говорятъ: *умилосрдисъ Боже Пургини!* но жершвѣ ни какихъ не приносятъ. *Молитвы* ихъ шакія же, какъ и выше описанныхъ Народовъ. Пришворный, во время молишвы, видѣ, приклоненіе лица къ земаѣ и другое, сему подобное, переняли они отъ Ташаръ.

ВОТЯКИ.

Вотяки, коихъ Славяне называли *Воталли*, проименованы отъ Татаръ *Арали*, сирѣчь, Украинцами; отъ чего нѣкоторые производятъ и происхожденіе, обитавшаго и теперь еще около рѣки Енисея, Народа, *Арицали* именуемаго, котораго однакожь, въ древнія времена, имѣлъ жилища свои около Уральскихъ горъ, но передъ побѣгомъ своимъ въ нутръ Сибири нарочито изпребленъ, какъ о томъ объявляютъ нѣкоторые Писатели. Собственное же Вошяковъ названіе есть, *Улы* и *Улмурты*, или *Морты*: но Моршъ значить во обще, на языкѣ ихъ, человека. Они *живутъ* въ Казанской и Вятской, Губерніяхъ, и называютъ сію, занимаемую ими Спрану, *Камъ Козинъ*, сирѣчь промѣжъ рѣками лежащую землю, а именно между Камою, которая, на ихъ языкѣ, нарицается, *Будгинъ Камъ*, и *Вятскою*, коя у нихъ называется *Вятка Кама*.

Вошскій Народъ и нынѣ еще многочисленъ. Со включеніемъ, живущихъ въ Оренбургской Области, Вошяковъ, счисляется въ ономъ до 40000 и болѣе мужчинъ. Вошяки и теперь наблюдають старинное свое раздѣленіе на *поколѣнія*, или семьи, и дають по тому деревнямъ своимъ названія, какъ на примѣрѣ: *Сулоннинъ Балги*, ш. е. Сулонины отъ Балгскаго поколѣнія; *Куракъ Самесъ*, Куракская деревня отъ колѣна Самесъ, и такъ далѣе. Но Ханскія и прочія ихъ Дворянскія семьи отъ части перевелись, а отъ части вышли изъ чести. Они были такъ же подъ Татарскимъ покровительствомъ. А какъ Россійской покорились державѣ, то брося кочеванье, принялись за спокойнѣйшую и безопаснѣйшую сельскую жизнь, при чемъ и постоянныя жилища предпочли полевымъ ставкамъ.

Росту, большая часть, средняго, худощавы, волосы у нихъ бываютъ всякіе, но у многихъ рыжіе. Съ *виду* походятъ на Финисъ больше, нежели всѣ прочіе единоплеменные имъ народы. Въ прочемъ честны, миролюбивы, гостепріимчивы, презвы, но и суевѣрны, къ любви не спрасны и просщсердечны. У *женщинъ* ихъ такіе чрезвычайно малые мигучіе глаза, что гадко на нихъ и взглянуть; росту они малаго, робки, спыдливы, а по тому и цѣломудренны, при томъ же рачительны и ласковы.

Они говорятъ собственнымъ, отъ Финискаго происходящимъ, *языкомъ*: но нѣтъ у нихъ теперь ни писанія ни буквъ. *Стены* вѣдутъ они на замѣткахъ (Песѣ), а въ мѣсто подписи употребляютъ

юшъ заручительные знаки. *Годовъ* не считаютъ, *мѣсяцамъ* же даютъ названія отъ естественныхъ приключеній, такъ на примѣръ: Мартъ называется у нихъ *Силлронъ Талисъ*, льдоломный мѣсяцъ, Июнь, *Вушанъ Сира Талисъ*, солнцеспошательный мѣсяцъ, и такъ далѣе. Изъ недѣльныхъ дней *лѣтница* (арнѣа нумаль) есть день ихъ отдохновенія. Среду нарицаютъ и они *красавылъ днѣмъ* (виръ нумаль), и ни чего въ оной важнаго не предпринимаютъ.

Они такъ же, какъ и Черемиссы, живутъ не въ городахъ, но въ *деревняхъ*, копорыя, есшли другія какія мѣста покажутся имъ привольнѣйшими, и переносятъ. Въ прочемъ всѣ сельскіе ихъ порядки, жилища, домостроительство, ушварь домашняя, пища, пишье, подаши и все во обще ихъ устройство такое точно, какъ и у вышеописанныхъ Народовъ. Сопники ихъ называются, *Еллирами*, а спаросшы, *Картликами*. Они больше всѣхъ Народовъ убѣгаютъ обращенія съ Иноплеменниками, и по тому не любятъ, чшобъ въ смежности съ деревнями ихъ были и чужія; не даютъ такъ же пришьельцамъ въ посадахъ своихъ строитъ дворовъ, да и при празднествахъ своихъ не шерпятъ Инородцовъ. Очень рѣдко случается, чшобъ вступило въ земской судъ какое ни есть Вошское, по прошенію, дѣло.

Сельское домостроительство производятъ они весьма рачитель-но, и при томъ упражняются какъ въ *звѣриной ловлѣ*, на которой лукомъ и огнесрѣльными оружіями равно пользуются, такъ и въ *лѣловодствѣ*. Отъ скуки, сядятъ такъ же нѣкопорые и за *токарнымъ дѣломъ*; издѣляя же ихъ составляютъ: чашки, ложки, вершена и другія, симъ подобныя, надобности, да они и лоскъ на сосуды наводятъ. *Женщины* прядутъ, шкутъ холшъ, дѣлаютъ толстыя сукна, валяютъ войлоки, вышиваютъ узоры и поршничатъ. Богатыхъ между ними мало, но на прошивъ шого и во все нѣтъ чрезвычайно бѣдныхъ. У кого есть отъ пятнадцати до двадцати пяти десятицъ земли, да съ верхъ шого лошадей отъ двадцати до тридцати и другаго скѣпа соразмѣрное количество: шотъ занимаетъ между богачами ихъ первое мѣсто.

Одѣяніе мужикъ походитъ на нарядъ Рускихъ мужиковъ, но по большей части дѣлается изъ бѣлаго толстаго сукна. Зимнія ихъ шапки шьются изъ сукна, да и околышъ бываетъ по большей части изъ сукна же, шолько изъ другаго цвѣша. Къ поясу привѣшиваютъ ножъ да влагалище для шопора.

Женщины носятъ короткія рубашки, вышитыя душегрѣйки и

Часть I.

Ж

лапши. *Лѣтнее* ихъ одѣяніе составляешъ просторная и полная верхняя рубаха, у кошорой рукава дѣлаются узковато, а обшивки украшаются узорчатымъ шитьемъ. Они подпоясываются по сей рубахѣ шакъ, что какъ на правомъ, шакъ и на лѣвомъ боку виситъ долгій отъ пояса конецъ. У пояса мошашся не большій, со швейными припасами, мѣшокъ (Янишникъ). Голову покрываютъ вышитією, и бахромкою обложенною фашою, кошорая перешагнута надъ головою черезъ высокой обручъ, и опущена на спину. У самыхъ ушей оставляютъ они по клочку волосъ, кошорый обыкновенно узломъ заштыгиваютъ. *Зимнее* же ихъ одѣяніе составляютъ долгое и полное, въпереди не большій воротъ имѣющее, плашье (Тамашаде-рамъ), у коего рукава узкіе, а воротника со всѣмъ шитьемъ. Оно шьется обыкновенно изъ сукна какого ни есть свѣтлаго цвѣта. Голову покрываютъ онѣ зимою плапкомъ, кошорый завязываютъ подъ подбородкомъ, а на оный надѣваютъ шапку съ берестовымъ столбомъ, чѣмъ ни есть покрытымъ, и накидываютъ на него помянутую фашу, висящую по спинѣ, и служащую шакъ же покрываломъ. Онѣ носятъ шакъ же серьги, перстни, кольца, и при шомъ какъ мѣдные шакъ и желѣзные ручные ободы. Дѣвки носятъ у нихъ шакъ, какъ и у Ташарокъ, крѣпко на головѣ сидящія шапки, а въ прочемъ одѣваются похуже бабъ.

Привѣтствуются они между собою чрезъ подаваніе рукъ, и говорятъ при шомъ: *дусъ банъ!* (здравствуй!). Женщины, въ мѣсто цѣлованія шреплютъ себя обѣими руками по плечамъ. *Бранчя* ихъ слова суть слѣдующія: скишающееся сперво (шной удманъ), безшолковый бѣсъ (вистанъ Шайшанъ), и сіе проклятіе: чорпъ ше-бя возьми! (Шайшанъ медъ бастосъ). По рожденіи младенца, кошорое шакъ же, какъ у Моравы и у нѣкоторыхъ другихъ Народовъ, бываетъ въ банѣ, кошорую и не одну во всякой ихъ деревнѣ найши можно, приносятъ ощенъ *Ангелу храштелю* сего младенца въ жершву бѣлаго овна. Жершву сію называютъ они *Килдисниъ* (Ангельская жершва), и бдятъ оную съ удовольствіемъ. Собственные Вошяковъ мужескія имена суть: *Ишмакъ, Данабай, Калай, Елтемиръ* и прочія, а женскія: *Дашивъ, Баделствъ, Беке, Танга, Акстонъ* и другія.

Женѣ они себѣ лоцуютъ, и хошя оставшимся при языческомъ суевѣртіи не возбранно содержатъ оныхъ сполько, сколько прокормитъ могутъ: однако рѣдко кшо имѣетъ двухъ или больше. Договорная за невѣсту цѣна, кошорая у нихъ называется *Ердунъ*,

Вотьяка.
Eine Wotiakin.
Feme Wotiakiene.

а ряда о томъ, *Ерашу*, проспирается обыкновенно отъ пяти до пятнадцати рублей, чему соразмѣрно бываетъ и невѣстино приданое. Они разбираютъ, при женишбахъ своихъ, одно только имѣніе: однакожь мальчиковъ ни когда до десяти лѣтъ не женятъ, да и дѣвушекъ до пятнадцати лѣтъ за мужъ не выдаютъ.

Женихъ, заплащя чисто договорныя деньги, беретъ шопъ часъ съ собою невѣсту, у коей лице бываетъ закрыто. Между шѣмъ собираются въ домъ родителей его гости, къ которымъ невѣста, нарядившись въ особой избѣ въ бабье одѣянїе, выходитъ. У самихъ гостепріемнаго покоя дверей османавливается она на разкинутомъ сукнѣ, и ждетъ пока Духовный человекъ (Торъ Каршъ) принесетъ въ жертву спаканъ пива, и сотворитъ къ Богамъ молитву о низпосланїи молодымъ счастья въ наживѣ хлѣба, дѣшей и богатства. Освященное оное пиво даетъ пить молодымъ, и сіе служитъ, какъ будыно, *братнымъ таинствомъ*. Послѣ сего разноситъ дѣвка съ невѣстиной стороны медъ, или пиво, а сама невѣста, прося каждаго гостя выкушашъ подносимое, спановится при шопѣ на колѣни, и до шѣхъ поръ не всѣаетъ, пока гость не опорожнитъ сосуда. Между шѣмъ, не укладывая еще молодыхъ спать, ѣдятъ, изрядно попиваютъ, пляшутъ и такъ далѣе.

Въ скорѣ послѣ свадьбы прѣзжаетъ къ молодому шестъ, привозитъ съ собою еще что ни будь въ добавку къ приданому, свидѣтельствуетъ новое хозяйство, и беретъ къ себѣ дочь, на нѣсколько мѣсяцовъ, а иногда и на годъ. Молодая носитъ во все сіе время дѣвичій нарядъ, и работаетъ отъ части про себя, а отъ части для своихъ родителей. А когда мужъ спанетъ братъ ее къ себѣ, то она, при укладыванїи спать и на прощанїи, спрошивляется такъ же, какъ и въ день свадьбы: однакожь скорѣ покоряется, и по елику знакомые, при шаковомъ молодой возвращенїи, опять угощаютъ, то веселья бываетъ при шопѣ еще больше, нежели на свадьбѣ. Если же вдова выходитъ за мужъ, то меньше употребляется обрядовъ.

У Черемиссъ, да и во обще у всѣхъ Народовъ, которые женъ покупаютъ, а наибольше у Вопяковъ, случается, что бѣдные, или опказъ получившіе, женихи, милыхъ имъ *дѣвокъ лохищаютъ*. Подговоря цѣлую артель удалцовъ, прѣзжаетъ онъ съ ними не чаяно ночью, подхватываетъ дѣвку съ постели, и посадя ее на лошадь, поскорѣе убирается. Но часто бываетъ такимъ удалцамъ отъ преждевременнаго шуму и помѣха въ ихъ предпрїятїи, а ино-

гда настигаютъ ихъ и на пуши; при чемъ не только лишаются они добычи, но и великіе принимаютъ побои. Бываетъ и то, что молодцы увозятъ съ полей, со всѣмъ незнакомыхъ имъ, дѣвокъ. Когда Вотской Богатырь не видишь уже себѣ великой опасности, то понимаетъ, при свидѣтеляхъ, свою невѣсшу, дабы безопаснѣе ея владѣшь, и заплашишь, по крайней мѣрѣ, не много за нее денегъ; ибо съ пустыми руками онъ ни когда не ослѣзетъ. Родители же, провѣдавъ у кого ихъ дочь, принуждены бываютъ мириться съ наглымъ зятемъ; послѣ чего производятъ свадебное пиршество столь же весело, какъ и у прочихъ. Они пляшутъ по волюжкѣ, по балалайкѣ, по гусямъ, и по губному органу.

Покойниковъ они моютъ и, какъ надобно, одѣваютъ; при чемъ у привѣщеннаго къ поясу ножа опламливаютъ кончикъ. До самаго выносу покойника, горитъ передъ нимъ восковая свѣча, а на грудь кладутъ ему пирогъ. По опущеніи въ могилу, кидаютъ туда по нѣскольку копѣекъ, и говорятъ: *лотулиси земля мѣстоу!* Мертвое шло кладутъ промежъ досокъ, и надѣляютъ оное кошломъ, шопоромъ, лапошникомъ, лапшами и, симъ подобными, вещами. Какъ скоро засыплютъ могилу землею, то зажигаютъ на оной нѣсколько восковыхъ свѣчекъ, и присыпаютъ оную крохами шрехъ, крушо сваренныхъ, яицъ, при чемъ говорятъ: *это тебѣ пригодится!* Возвращаясь отъ могилы, шагаютъ провожавшіе черезъ разложенный у того двора, изъ коего вынесли покойника, огонь, перетираютъ руки золою, моются и перемѣняютъ плащье; послѣ чего угощаются. Обстоятельствва сіи бываютъ, при всякихъ похоронахъ, одинакія.

Въ шрешій, послѣ чьей либо кончины, день, правятъ первыя *ломинки*. Въ томъ домѣ, изъ коего вынесенъ покойникъ, ѣдятъ ирѣятели пироги и пьютъ пиво, и какъ отъ того, такъ и отъ другаго выносятъ по нѣскольку, для покойника, на дворъ, говоря при томъ помянутыя слова: *это тебѣ пригодится!* Но собаки, а не усоншіе, пользуются всегда сею частію. Въ седьмый день закаляютъ овцу, а въ сороковый убиваютъ рогатую скошину, или лошадь, и, поминая покойника, не только сами ѣдятъ оную, но и ему удѣляютъ. Въ четвершокъ, на спрасшной недѣлѣ, производятъ общія поминки: всякъ, зашепля, на гробахъ свойственниковъ своихъ, свѣчи, ѣстъ у оныхъ мясо, или пирогъ, да и покойникамъ, по небольшой долѣ, ославляютъ на могилахъ.

Къ суемыслию Вотскому принадлежатъ слѣдующее. Середя и пшаница несчастливые для дѣлъ дни. Ежели черный дятель пе-

релепишь черезъ дорогу, либо воронъ, или кокушка сядетъ на кровлю, шакъ же, ешлы увидишь кто, что ежъ бѣгаетъ: то все сіе предзнаменуеишь смершь, или шяжкую болѣзнь, Кто убьетъ ласпочку, пеголицу, голубя, или синичку: шому во вѣкъ не будетъ въ скошъ счасшя. Ласпочкамъ дѣлають они гнезда. Подстрѣленный медвѣдь всегда узнаетъ своего непріятеля, и спараетъ ему опомстишь. Его надобно не прямымъ звать нарицаніемъ, но старичкомъ (Мома). Ежели поразитъ громъ какое ни ешь дерево, то говоряшь, что онъ убилъ жившаго въ немъ дѣвола. Отъ самаго разпущенія розъ до послѣдняго числа Августа, опасна обѣденная пора. Воску изъ дому своего ошнюдь не выносяшь, по шому, что ичеловодство спановишя отъ шого неприбыльно. Ежели примѣшяшь солнечное, или лунное зашмѣнїе, то говоряшь, что *оборотень* (Убиръ) прикоснулся къ солнцу, или къ лунѣ. Недородъ бываетъ отъ крещеныхъ Вотяковъ, кои Богамъ не приносяшь ни какихъ жершвъ; ибо приношенія надежише всякихъ молишвъ. Кто переходитъ или переѣзжаетъ черезъ какую ни ешь воду, шотъ кидаетъ въ нее горсть шравы, и говоришь: *не держи меня!* Да у нихъ шакихъ пустошей и много.

Въ *Азыгской* своей *вѣрѣ* уподобляются они Черемиссамъ, Чувашамъ и Мордвѣ: но они всѣхъ ихъ къ идолослуженію ревностнѣе. *Керемети* свои называютъ они и *Аудами*. Всякой *Керемети*, кошорой должно бышь не ошмѣнно въ бѣломъ бору, на возвышенномъ мѣстѣ, посвящаютъ они *Салтану Дису* (благошворительному Салшану), какъ хранишелю Духу. Жрецы ихъ называются *Тучами* и *Тонами*. Они вопрошаютъ Боговъ, а *Ауду Тіесы* и Керемешные Жрецы дѣйствительнo приносятъ жершвы. *Ведины* и *Ведуны* суть ихъ волшебники, перевѣдывающіеся съ злыми Духами, и могущіе при шомъ людей и звѣрей *оборачивать*. Такого, безпрерывно скишающагося, *оборотня* называютъ они *Убиромъ*.

Высочайшаго Бога нарицають они *Имаромъ*, *Имлого* и *Имаромъ*, а обитель опредѣляютъ ему въ солнцѣ.

Мукалицу и *Муциенъ Калцину*, или *Муцу Калцину*, почитають они Инмаровою машерью, кошорая будшо разплагаетъ плодородіемъ земли, людей и звѣрей. *Шуца Муцы* считается у нихъ машерью солнца и другихъ Божковъ, и шакъ далѣе.

Въ числѣ *злыхъ Божковъ* занимаетъ и по ихъ разшужденію, *Сатана* (Шайшанъ) первое мѣспо. Живетъ онъ въ водѣ, и по шому называютъ его шакъ же *воднымъ теломъ* (Ву Муртъ). *Палавъ*

Мъртв (получеловѣкъ), и *Алида* (лѣшій), живущъ въ лѣсахъ. У него одна шелько, да и ша на изворотѣ, нога; одинъ большій глазъ, и превеликая шишка, копорую вшискиваетъ онъ людямъ въ рошъ, и шѣмъ ихъ задушася. *Албаств* есць то же, что и Коболшъ; живешъ онъ въ пустыхъ домахъ, деревняхъ, и не шелько шамъ, но и въ баняхъ шалишъ; въ разсужденіи чего и сожигаютъ они вешхія свои избы и другія спроеія.

Состояніе теловѣтское, послѣ смерти, воображаютъ они себѣ шакъ же двойкимъ, *Дуця Юггитъ* (блаженная жизнь), коею будущъ крепкѣе и богобоязливые наслаждашяся, зашлючатъ въ себѣ всѣ выгоды Вошскаго, на семъ свѣшѣ, благополучія; а *Куратсинъ Иити* (горькое мѣшо) изобилуешъ наполненными кипящею смолою кошлами, въ коихъ будущъ кипѣшъ неправедные люди.

Въ жертву приносятъ они лошадей, рогатую скошину, овецъ, козъ, гусей, ушокъ, дяшловъ, медъ сырецъ и вареный, пиво и разные пироги, ошъ чашпи въ Керемешѣ, или Лунѣ, а чашпию дома.

Керемешъ Ицналъ (Керемешный праздникъ) бываешъ у нихъ, по окончаніи жашвы, въ Керемешѣ; въ сей день приносятъ они въ жершву, кромѣ разныхъ другихъ живошныхъ, и лошадей, а избираютъ охотнѣе шакую, копорая шерстью лоходитъ на лисицу, да съ верьхъ сего приносятъ въ жершву медъ, пиво и пироги. *Жрецъ* (Тона), или, выбранный на его мѣшо, человѣкъ, *Утисомъ* называемый, ставишъ въ Керемешѣ рядомъ передъ огнемъ, къ югу, звѣрей и другія жершвы, а по шомъ говоритъ: *Имаръ! Самлакъ! Дисв!* (или другое какое Божештво) *мы приносимъ тебѣ въ жертву рыжого жеребца, блага овна, и шакъ далѣе, за дарованцію тобою намъ жатцу; избавь насъ отъ болѣзней! пошли намъ богатство! благослови нашу Обладательницу, надѣли здоровьемъ, и проч.* По окончаніи молишвы закалаютъ скошъ, и варяшъ жершвенное мясо, кшораго часть ставяшъ на жершвенный сполъ, выпущенную же въ желудокъ кровь сожигаютъ. Возложенное на сполъ, называешся *высокою жертвою*, копорую Тона возноситъ къ солнцу, шворишъ шу же молишву, и на послѣдокъ раздѣляетъ. Коспи разставливаютъ около Керемеша, шкуры беретъ про себя Тона, а остшалныя мяса дѣашъ въ деревнѣ съ женами и дѣшми. Послѣ мяснаго, приносятъ шакъ же въ жершву медъ сырецъ, пирожное и напишки. Ошъ всего кидашъ Тона по нѣсколку въ огонь, говоря при шомъ: *огонь! вознеси сіе къ Имару, Мукалцину!* и проч. При семъ случаѣ приносятъ всякъ и *обѣтныя*, ошъ себя собственно, *жертвы*. Изгошовив-

нись къ обратному пуши, кланяюшся низко Керемешю, и говорѣшъ: *счастливо тебѣ оставаться, да не ложидай и насъ!* Такимъ образомъ и всѣ Керемешные препровождаюшся праздники.

Праздникъ Акетка бываешъ у нихъ *въ Будшииъ Коалъ*, или лѣшней, одинакой, и для богомолья единственно опредѣленной, избѣ, въ коей нѣтъ ни печи, ни лавокъ, и она, какъ будто, сельскую представляешъ храмину богослуженія; находяшся же шакія избы иногда и въ деревняхъ, а больше въ лежащихъ не подалеку лѣсахъ. Празднество сіе произходитъ на спрасшной недѣлѣ, и оба пола претмлюшъ въ ономъ участіе, прѣготовляясь же къ тому, молюшся и очищаюшся. Всякъ приносишъ Тона, или Ушиссу, нѣчто къ жершвоприношенію годное. Двери у шакихъ богомольныхъ избъ дѣлаюшся съ южной спороны. Какъ уваряшся мяса, то жрецъ ошъ всѣхъ съсѣсныхъ и пшейныхъ жершвъ ставишъ по нѣскольку на столъ, поставленный супрошивъ дверей, то есть, у сѣверной стѣны, къ кошорой надъ самимъ столомъ прикрѣплена дощетка, усыпанная *тѣпкою отъ сосенъ*, какъ посвященныхъ Богамъ деревъ, а иногда и правую. На оную дощечку ставишъ жрецъ, какъ будто на жершвенникъ, складенные на одно блюдо части жершвъ, кои и называюшся уже тогда *высокииъ приношеніемъ* (Виламъ Мичамъ). Самую же дощечку, или жершвенникъ, зовушъ они *Мудоромъ* и *Модоромъ*, и почитаюшъ оную столъ свяшо, что ни кто не дерзашъ къ оной и приближишся; шакое же говѣйное имѣюшъ къ оной почтеніе и во всякое другое время, когда и жершвы не приносашся. Тона, или Ушиссъ, взявъ на послѣдокъ высокое приношеніе и напитокъ, обрацаешся къ дверямъ и богомольнымъ мірянамъ съ сею жершвою, и говоришъ: *тебѣ Богъ Вошцаб!* (Божеству сему прилична' сія жершва) *приносилъ въ праздникъ Акетка высокую жертву! Далъли насъ здоровемъ, дѣтками, скотомъ, счастиемъ, медомъ, хлѣбомъ* и проч. *Прогои отъ насъ, Вошцаб! хицныхъ захрей!* При шакой молишвъ говоряшъ часто Міряне: *Алици!* *Естьли же, ло обѣщц,* приносилъ *жертва,* то говоришъ Тона: *Вошцаб! я обѣщцалъ т. бѣ, на примѣрѣ, овна, а ты мнѣ лособилъ; те перъ приношу я тебѣ оцаго въ жертву; не лишай меня и въ предъ твоей лощи!* По окончаніи обрядовъ, принимаюшся всѣ съ почтеніемъ ѣсть въ той же избѣ высокую жершву; а ошатки съ весельемъ дождаюшъ дома. Таковымъ порядкомъ произходяшъ всѣ ихъ *домашчій,* или *Мудоровыя* *празднества,* кошорыхъ во обще не мало. Въ первый, на примѣрѣ, свяшой недѣли день возобновляешъ всякій хо-

зьянѣ помянутое жершвоприношеніе въ лѣшней своей избѣ, и заступаешъ самъ мѣсто Жреца.

Лѣтній Мудоровый праздникъ достопамятенъ, по приносимымъ въ сей день, жершвамъ, въ число которыхъ включается по нѣскольку и *лестрыхъ дятловъ*. Всякая деревня, особливо въ сѣнокосное время, шоржествуетъ оный, при Тонѣ, или Ушиссѣ, въ лѣшней богомеля своего хранинѣ. Все происходитъ вышеописаннымъ порядкомъ; разнось же соспойшъ въ шомъ шолько, что нарочно ловашъ силками для сего дня *лестрыхъ дятловъ*, коихъ спавашъ на Мудорѣ, какъ *высокую жертву*, и, поелику сами оныхъ не ѣдашъ, шо кладаюшъ цѣлкомъ въ огонь. Творимая, при семъ жершвоприношеніи, молишва гласитъ такъ: *Вышній Воже!* (Инмарѣ) *мы приносимъ тебѣ жертву одну овечку, дятловъ* (трехъ или чешырехъ), *цтокъ, медъ, лироги* и проч. *Благослови насъ, пошли намъ теплый дождикъ, урожай хлѣба, медъ, скотъ, дѣтей, счастье въ зѣриномъ промыслѣ, добрыхъ людей, кротости! благослови насъ!* Міряне говоряшъ: *Амань!* Сіе шоржество опправляюшъ больше для сугубой въ пчеловодствѣ прибыли.

Есть у нихъ еще и *полевые праздники*, какъ шо: *жатвенный* и *посѣвный*, а можешъ бышъ и другіе, которые они, по примѣру Чувашъ, преврощаютъ на чистомъ полѣ съ жершвоприношеніями, молишвами и веселостями, въ чемъ и домашніе ихъ пріемлюшъ участіе.

Когда окажуща между ними *приливная болѣзнь*, шо, укакой ни будь рѣки, *приносятъ въ жертву Инмару герцію овцу*, въ шакомъ намѣреніи, чтошбъ онъ заказалъ Діаволу причиняшъ имъ зло. Обряды бываюшъ при шомъ, подобные прежнимъ, но между шѣмъ, какъ варяшъ жершвенныя мяса, поаживаетъ всякій хозяинъ въ жильѣ своемъ съ палочкою, и помахивая оною окло себя, говоритъ: *убирайся изъ моего жилья!* По шомъ, зашрѣля въ деревнѣ собаку, или кошку, шащашъ оную мимо жершвеннаго мѣста въ низъ по печенію рѣки, и на послѣдокъ съ веревкою и дубинами бросаюшъ; послѣ чего совершается жершвоприношеніе, *Орвасъ* называемое.

Болынымъ приказываетъ Тона *приноситъ* иногда и *воду жертву*; по шому, что Дьяволъ производитъ болѣзнь онѣ раздраженной воды. Въ прочемъ кажеша, что приношеніе сіе опредѣляется Сатанинѣ, или водяному Мужу (Ву Моршѣ); а состоитъ оно въ козѣ, или пѣшухѣ. Обряды бываюшъ при шомъ, сообразные прежнимъ.

Ошъ жертвы кидають по нѣскольку кусковъ въ рѣку и въ огонь, говоря: *тебѣ, прогнѣванной водѣ, жертвую! лѣтуха*, и проч. *возврати мнѣ здоровье!* передъ огнемъ же произносятъ слѣдующія слова: *огонь! доставь сіе приношеніе Бахц!* ешлы же всѣ жертвоприношенія не пособятъ, шо покидаютъ дворъ, и перебираются въ другій.

Ни новоселѣ приносятъ козлинъ *Имару* въ жертву *гернаго овна*, или, когда не досташоченъ, *круцю кашу*. Всѣ во обще Вошяки крайне усердно о благоволеніи къ нимъ Божковъ пекутся, и при томъ, ешлы можно шакъ сказать, благоговѣйные Идолопоклонники. Да и шѣмъ, кошорые крестились, можно свободно держаться прародительскаго своего суевѣрія, по шому, что живутъ они ошъ другихъ Народовъ со всѣмъ особливо. Все, что въ Христіанской вѣрѣ имъ нравится, переносятъ и мѣшаютъ въ свое Идолослуженіе. Въ одной Казанской Губерніи считалось, въ 1774 году, 27,228 мужчинъ, да 27,160 женщинъ, Вошскаго Народа, обратившагося въ Христіанскую вѣру.

Т Е П Т Е Р И.

Телтеры, слово Татарское, и значитъ такого человѣка, который не въ состоянїи плащить подушныхъ денегъ. Оное пригодилось для основателей сей сволочи, кошорая въ половинѣ шестнадесять столѣтїя, по случаю причиненнаго Царемъ *Иоанномъ Васильевичемъ* Казанскому Царству разрушенїя, собралась изъ *Черемиссѣ*, *Сувашѣ*, *Вотьяковѣ* и *Татарѣ*, въ Уралѣ, а особливо въ составляющей Башкирїю и къ Уфимской Губернїи принадлежащей, части, и весьма скоро стала многолюдна. Сїи люди, упохребляя разные, по не одинакой своей природѣ, языки, и при томъ, будучи между собою различны во нравахъ, а ошъ части и въ вѣрѣ, перемѣшались, исключая Татаръ, такъ, что иногда и нарочито шрудно дознавашься, ошъ какого производяшъ они племена. Они служатъ доказательствомъ въ новѣйшїя времена тому, что при Государственнхъ смяшенїяхъ могушъ новые Народы и новыя поселенїя получить свое бытїе.

Правда, что побѣгомъ своимъ въ горы и прилѣпленїемъ къ Башкирскому Народу, освободилась сволочь сїя ошъ плашежа податей: однако обстоятельство сїе служило ей побочною только выгодою. Самая же важность состояла въ томъ, что боялась она, дабы Россїяны совокупно со властїю своею, не разпространили и Христїанской вѣры; а по тому, хотя она и тогда уже была въ заблужденїи, однако, не взирая на все Россїйскаго Духовенства усердное старанїе о обращенїи ихъ къ православной вѣрѣ, больше оказала упрямышва, нежели и шъ Народы, кошорые отвлекались ошъ прародительскаго суевѣрїя.

Телтеры живутъ въ поспрошенныхъ, по обыкновенїю шѣхъ Народовъ, изъ коихъ Общество ихъ состоялось, деревняхъ и дворахъ; порядокъ ведутъ въ оныхъ Россїйскїй и Татарскїй; а живутъ, либо раздѣлясь по кореннымъ своимъ поколѣнїямъ, либо безъ разбору. Всякое колѣно говоритъ собственнымъ, однако весьма перемѣшаннымъ съ нарѣчїями сосѣдственныхъ поколѣнїй, языкомъ. То же самое надобно разумѣшь о вѣрахъ ихъ и праздникахъ; здѣшнїе, на примѣръ, Черемиссы держашъ, по примѣру Вошяковъ, въ лѣшнихъ своихъ избахъ, *Мудора*, коего называютъ, *Жудовашемъ*, присыпаютъ его такъ же сосною шрухою, и столь же свято почитаютъ, хотя въ прочемъ, живущїе въ своемъ собственномъ мѣстѣ, Черемиссы

шого и не дѣлають. Одѣяніе же ихъ еще больше смѣшано, по тому, что они отъ часпи берутъ за себя женъ и изъ другихъ поколѣній. Деревенскіе ихъ распорядки подобны Россійскиѣмъ.

Люди сіи пользуются почти всеѣми сельской жизни выгодами, и кошорые изъ нихъ не лѣнны, не развращены, или не подвержены какой ни есть бѣдѣ, иѣ еще и зажиточны. Справа ихъ весьма плодородна. Уральскіе лѣса и горы привольны *къ звѣриной мяси промыслу, къ содержанію пчелъ, и къ скотоводству.* Въ *землепашествѣ* поступаютъ, по Россійскому, а въ *содержаніи пчелъ и въ скотоводствѣ* по Башкирскому обыкновенію; слѣдовательно какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, дѣлѣ преизрядно успѣваютъ. Съ перва принуждены они были платитъ Башкирцамъ поземельныя деньги, но, послѣ бывшаго между ними, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, мяшежа, они отъ шого уволены, и владѣють теперь помѣстьями своими такъ, какъ собственно имъ принадлежащую землю. Въ казну берутъ съ нихъ гораздо меньше подушныхъ денегъ, нежели съ природныхъ Русскихъ мужиковъ, то есть, по 80 копѣекъ шолько съ души, и хотя они должны съ верхъ шого перевозитъ ежегодно отъ *Илека*, что при Оренбургѣ, до грузовыхъ пристаней рѣки *Бѣлой*, по 800,000 пудъ соли, считая на человѣка по 43 пуда: однакожь они получаютъ за шо такую плату, кошорую бы и всякій досужій крестьянинъ взять не опрелся. Да и самыя лопатники, кошорыхъ должны они по 400 человѣкъ посылать ежегодно къ Оренбургской линіи, получаютъ, указную, за работу, поденную плату. Кроме всего выше сказаннаго, освобождены они и отъ рекрутскихъ наборовъ. Споль знатныя, и въ сравненіи съ состояніемъ другихъ подданныхъ, почти и не справедливыя, бѣглыхъ сихъ людей преимуществва простираются совокупно и на Башкирскій, крайне не любящій новыхъ порядковъ, Народъ. Размноженіе ихъ, въ сравненіи съ жишескими выгодами, какими они пользуются, посредственное. При всякой переписи видно числу ихъ приращеніе, и при бывшей въ 1762 году, показано платящихъ подушный окладъ въ Уфимской Губерніи и въ Тобольскомъ Намѣстничествѣ, равно какъ и въ Бугульминскомъ округѣ, въ Уфимскомъ Намѣстничествѣ 33,656 человекъ.

В О Г У Л И Ч И.

Вогулиги, коихъ собственное имя естъ, *Мансы*, произошли отъ Финнскаго племени, и хопя языкъ ихъ заимствуешъ начало свое отъ Финнскаго, однако, кромѣ весьма разнообразныхъ нарѣчій, заключаешъ въ себѣ споль много собственнаго, что, по справедливости, особливый почиашся языкомъ. Они обитаютъ въ западной, а больше еще въ восточной, лѣсами изобильной, части сѣверныхъ Уральскихъ горъ, около рѣкъ, Камы и Иртыша, да выше Соли-Камской и Верхшурья, по близости рѣкъ, *Колвы*, *Вишуры* и *Тавды*. Въ сихъ мѣстахъ, по собственнымъ ихъ преданіямъ, живутъ они изъ древле, какъ то и Повѣствованіями подтверждается. Не можно ли ихъ, какъ по сему обстоятельству, такъ и по преимущественному сходству языка, почиашъ собратіями *древнихъ Угровъ*, а шеперишнихъ *Венгерцовъ*, по желанію нѣкоторыхъ Писателей? О томъ надобно еще подумашъ. Въ прочемъ извѣстно, что въ мѣстѣ съ Сибирью покорены и они Россійской Державѣ.

Росту они *средняго*, волосы у нихъ, по большей части, черные, а бороды у всѣхъ жидкія. Лицеиъ они много походятъ на Калмыковъ. Въ поступкахъ своихъ бодры, послушны, честны, рачительны, не глупы, но легкомысленны, къ безпорядкамъ склонны, въ гнѣвѣ не укрощимы и не опрышны.

Граматы такъ же, какъ и прочіе единоплеменницы ихъ не знаютъ, *лѣтъ* не считаютъ, а *мѣсяцы* называютъ, по произходящимъ въ лѣсахъ естественнымъ приключеніямъ. Они различающа между собою, по *локолнїямъ*, и всякая деревня состоитъ, по большей части, изъ одной шолько семьи, въ которой Старостою бываешъ шобъ, кто всѣхъ превозходитъ лѣшами.

Житге ихъ, между кочевымъ и одномѣшнымъ, среднее. Тѣ, кои обитаютъ ближе къ югу, живутъ въ *не подвижныхъ зимнихъ Деревняхъ*, расположенныхъ и выстроенныхъ по Чувашскому обычаю, и при томъ обыкновенно при рѣкахъ находящихя. Около Верхшурья и Соли - Камской дѣлаютъ они *зимнїе* свои *шалашы* четыреугольно съ очагами и полашьми, а на плоской крышкѣ, или пополокѣ оныхъ, прорубаютъ, для свѣту, отвѣрстіе. Двери же принаравливаютъ, по большей части, съ восточной, или съ сѣверной, стороны, а передъ ними громосшатъ, для

домашнихъ поклажь чуланы. Опдалившіеся больше къ сѣверу, и живущіе около Вишуры, Колвы и другихъ рѣкъ, препровождаютъ и зиму въ столбчатыхъ, дерномъ, или корою, покрытыхъ, шалашахъ. По наступленіи лѣта, выбираютъ они изъ сихъ шалашей, и живущъ въ другихъ, кои, то въ шомъ, то въ иномъ мѣстѣ, дѣлаютъ въ лѣсахъ изъ столбиковъ же, и сведя къ верху воспро, покрываютъ берестю. Переселяются они рѣдко, а въ иное лѣто и съ мѣста не шротаются. *Пожитковъ* у нихъ еще меньше, нежели у Чуващъ. Колыбелью служилъ, сдѣланный изъ бересты, ящикъ, въ которій, положи дитя, перетягиваютъ съ верху, веревочками, и, либо съ собою носятъ, либо на что ни будь вѣшаютъ. *Лыжи* свои, кои бывають длиною и по 5 фузовъ, оклеиваютъ, содранною съ лосиныхъ ногъ, кожею, употребляя къ тому составленный изъ лосианаго рогу и крови клей. *Рыбачьи лодки* дѣлаютъ иные изъ бересты, которую сшиваютъ лосинными жилами, а составы замазываютъ смолою.

Нѣтъ у нихъ ни *лешенъ*, ни огородовъ, а упражняются не много въ *скотоводствѣ*, и содержатъ по нѣскольку коровъ, овецъ и свиней; лошади же у нихъ рѣдки. Ближайшіе къ сѣверу, сирѣчь, около вышней Вишуры и Колвы живущіе, содержатъ, по примѣру Семейдовъ, однихъ только оленей. Землепашество было бы конечно въ холодныхъ ихъ лѣсахъ и не прибыточно. *Главный* ихъ *промыселъ* составляетъ звѣриная ловля, которую производятъ они рачительно и искусно, и при шомъ употребляютъ огнеспрѣльное оружіе, лукъ, стрѣлы и рогашины; ставятъ такъ же на звѣрей ловушки, силки, кладушъ прикормъ и проч. Многія Вогульскія деревни, или семьи, огораживаютъ, для себя единственно, кольями звѣроловную околицу вершъ на 10, на 12 и больше. Въ оградѣ сей есть великое множество пролазинъ, передъ которыми придѣланы ловушки, самострѣлы и другія звѣроловныя хитрости. *Женѣ* же ихъ должны производилъ дома всякую работу: но они ни въ сыромятномъ, ни въ красильномъ, ниже въ поршномъ дѣлѣ опниудъ не могутъ похвалиться такимъ искусствомъ, какимъ славятся прочія ихъ единоплеменницы.

Содержащіе *языгескій законъ*, *Вогульци*, *ѣдятъ* все то, чѣмъ счастіе въ звѣриномъ промыслѣ ихъ надѣляется, а наибольше красную дичь: однако и хищными звѣрьми не гнушаются, да съ верхъ того употребляютъ въ пищу всякихъ пшицъ и всякую, нарочно ими ловимую, рыбу, такъ какъ и дикіе плоды. Въ случаѣ нужды ва-

рящъ они себѣ похлебки изъ шолченыхъ костей. Когда ешь досташокъ, то ѣдять такъ же хлѣбъ, кашу, или другое что, сдѣланное изъ муки, которую вымѣнивають на мягкую рухлядь у Россіянъ. Крещеные наблюдаютъ, въ разсужденіи пищи, разность, однако не великую. Соль рѣдко кто употребляетъ.

Живутъ они, для вѣдшей въ звѣриномъ промыслѣ способности, пространно, и какъ они во обще не многолюдны, то звѣроловныя ихъ края, или мѣста, о коихъ между собою не спорящъ, въ хорошемъ находяща состояніи. Но не порядочное хозяйство, частые праздники и пристрастіе къ пьянству, подвергаютъ ихъ такой бѣдности, что многіе, съ трудомъ, плащящъ и весьма малый подушный окладъ, въ зачетъ котораго дозволено имъ, съ верхъ того, вносить въ казну лосинныя кожи и другую мягкую рухлядь.

Мужчины носятъ, когда порядочно нарядаются, такое *одѣжаніе*, какъ и Россійскіе мужики; за просто же ходятъ въ разной, какъ шубной, такъ и другой, ветошѣ. *Женщины* носятъ, по примѣру Чувашенокъ, лапши, штаны, и подпоясываемыя пестрыя рубахи. *Дѣвки* заплетаютъ волосы въ нѣсколько косъ, и головы ни чѣмъ не покрываютъ. *Бабы* носятъ головныя повязки, узанныя копѣйками, а покрываютъ голову висящимъ, по Ташарскому обыкновенію, черезъ плечи, и волосы закрывающимъ, вышитымъ плащомъ. Зимомъ ходятъ онѣ въ мужскихъ шубахъ. Наилучшее ихъ платье не красивѣе вышито, и при томъ не тонѣе и не чище будничнаго одѣянія Чувашъ. Какъ бабы, такъ и дѣвки, носятъ серьги, перстни и кольца.

Женѣ докучаютъ не только Языческаго, но и Христіанскаго закона Вогуличи, а при томъ первые иногда и по двѣ вдругъ. *Цѣна* (Калымъ) дѣвки простирается у бѣднаго сего Народа обыкновенно отъ 10 до 20, а рѣдко до 25 рублей. Иному и за 5 рублей безпорочная достается жена. Прочіе же пособляютъ недосташкамъ своимъ удалствомъ. Приданого они ни когда за дѣвками не даютъ, да и всѣ почти *свадьбы* совершаются безъ пышныхъ обрядовъ. Женихъ, заплава, договорныя за невѣсту, деньги, беретъ съ собою, ложится съ нею въ шалашъ своемъ спать, и называется ее на другой день женою. А когда при таковыхъ случаяхъ пріятелей своихъ угощаютъ, то пляшутъ по шестиструнной балалайкѣ (Шонгуртъ). Раздѣвы ихъ просшы, складны и на Ташарскій вкусъ. Да и пляска ихъ очень не дурна. Мужчина да женщина, выступая не широкими, и игранію соотвѣствующими, шагами,

ходящѣ кружками, и дѣлаютъ взаимно, держа въ рукѣ по плашку, спрасшныя движенія. *Послѣ родовъ*, очищается женщина шесть недѣль, и, въ продолженіе сего времени, должна она какъ ѣсть, такъ и пить одна. Младенцу, безъ дальнихъ околичностей, даетъ имя кто ни будь изъ чужихъ людей.

Хошя они живутъ въ лѣсахъ и на болопахъ, однако цыгипской и другимъ *болѣзямъ* рѣдко бывають подвержены, а по тому и домашнихъ лекарствъ ни какихъ не знаютъ. При всемъ томъ не многіе нарочисой достигаютъ спароси.

Кладбища ихъ находятся въ лѣсахъ. Покойниковъ кладутъ въ плашь, промежъ досокъ, въ *могилу*, головою къ сѣверу, и снабдя ихъ лукомъ, спрѣлами и нѣкошорыми въ домашнемъ бышу употребляемыми вещьми, зарывають, и послѣ шого не правящъ ни какихъ ни пировъ, ни поминокъ.

Не малое число Вогуличъ приняло уже *Христіанскую вѣру*, но многіе, а особливо всѣ, живущіе около вышней Вишурѣ и Колвы (кошорыхъ Россіяны и *Мансали* называютъ), держатся еще *Языческаго суетвѣрія*. Въ прочемъ они, какъ по тому, что живутъ въ разсѣяніи, такъ и для шого, что мало у нихъ *Жрецовъ*, меньше усердствуютъ Языческой вѣрѣ: но въ поняшїяхъ своихъ объ оной еще больше заблуждаются, нежели другіе Язычники. Всякой деревни Спарѣйшина, за неимѣніемъ Жреца, вступаешъ въ его должность, и приносищъ жертву ошъ своей деревни, или семьи. Въ прежнїя времена посвящены были Идоламъ и служенію ихъ нѣкошорыя въ рѣчныхъ берегахъ *пещеры*, а въ лѣсахъ *холмы*. Мѣста сіи, кои можно признавать, по находящимся возлѣ оныхъ кучамъ костей, и шеперь они не только знаютъ, но и почитають. Россіяны называютъ такїя мѣста бѣсовскимъ именемъ, на Вогульскомъ языкѣ (*Шайтанъ*); и по тому, какъ при Чусовой, такъ и при другихъ Уральскихъ рѣкахъ, многія рѣчки и набережныя мѣста называютъ либо *Шайтаномъ*, либо *Шайтанкою*. Пермскїе Вогуличи приносящъ шеперь жертвы свои не въ священныхъ пещерахъ, но въ *Кереметяхъ*, кои называются у нихъ *Торъ Заткадцъ*, и находятся въ лѣсахъ. Они совершенно подобны Черемисскимъ и другимъ Народовъ Керемешамъ, но иногда не бываешъ въ оныхъ деревъ. Въ Керемешъ воздвигають они, подлѣ жершвеннаго стола, болвана, или ставящъ столбъ.

Есть у нихъ *Идолы*, коимъ они и шеперь поклоняются: но живущіе между Россіянами, крещеные, и Языческой законъ содер-

жашіе, Вогуличы отъ оныхъ оприцаются. Идоловъ ихъ составляють спранно образованные камни и рѣзные, или, изъ крушцовъ вылишья, чловѣческія подобія и Истуканы. При *Лосвѣ*, *Тивдѣ* и *Иртвышѣ* поклоняются они, подобной оленю видомъ, скалѣ. Въ шѣхъ же мѣстахъ найденъ еще въ лѣсу крушцовой съ рогашиною Истуканъ. Во время обыкновенныхъ Керемешныхъ жершвоприношеній, спявашъ они, по увѣренію шѣхъ, кои сами видали, на жершвенный столъ, одѣшаго въ плашье Истукана, коего они скрышно держашъ въ лѣсу, и проч.

Они вѣруютъ въ *Торома*, *общаго Бога* и милоспиваго Обладателя Вселенной. Ему подчиняютьъ они *низшей статьи Божковъ*, коихъ различно себѣ воображаютъ и называютъ. *Солнце* почитаютъ обиселію *Торома*, но при томъ думаютъ, что шакъ же, какъ *луна*, *облака* и главнѣйшія естешвенныя приключенія, сушь не зависящее Божештво. О *Діаволѣ* презрительно разсуждаютъ, и мало его бояшя.

Главный ихъ лраздникъ называется, *Елббл*, съ котораго начинается и новый ихъ годъ. Празднуютъ же оный въ первый день свяшья Пасхи, и нарицаютьъ его *лраздникомъ сошештвія Божія*, чрезъ что разумютьъ наступающую весну. Сей день преимущественно посвященъ у нихъ *Торому* (Богу) и *солнцу*. Другій, общій свой Керемешный лраздникъ, называютъ они *Анкоболъ*, и шоржештвуютъ оный, въ другое, послѣ перваго, новомѣсячіе: но жершвъ приносяшъ, при семъ случаѣ, гораздо меньше. Въ прочемъ уношребляються *въ жершву* лошади, рогашый скопъ, красная дичь, овцы, козы; а изъ пшицъ: лебеди, гуси, ушки, глухари, шешеры и рябчики, да съ верхъ шого: пироги, медъ сырецъ, пиво, медъ и хлѣбное вино. Обряды, какъ во время обоихъ сихъ Праздниковъ, шакъ, въ случаѣ приносимыхъ *за недужныхъ* и *ло обѣщанію*, жершвъ, бываютъ одинакіе. *По обѣщанію*, жершвуютъ они обыкновенно въ лраздники, за больныхъ же приносятся жершвы у всякаго, на дому.

По собраніи мѣрянъ къ Керемешю, шакъ же, по закланіи скопа и по увареніи мясъ, спавишъ Жрецъ, или засшупившій его мѣсто, *голову*, *сердце*, *легкое* и *легенку*, положи въ сосудъ, шакъ же, пирожное и напишки на жершвенный столъ; *мозгъ* же, возложи на особую на столбъ въ Керемешѣ дощечку, зажигаютьъ, и дабы лучше горѣлъ, прикладываютъ и сало. Между шѣмъ, какъ горитъ мозгъ,

молишся Жрецъ коротко и усердно при чемъ Міряне кланяются часто въ землю, и говорятъ: *аминь!* По томъ раздѣляетъ онъ жершву, которую и ѣдятъ всѣ съ надлежащимъ благоговѣніемъ. Шкуру съ лошади шакъ, какъ и черепъ, вѣшаютъ на находящемся, по близости Керемешя, деревѣ; прочія же шкуры употребляются въ дѣло, а кости, отъ принесенныхъ въ жершву звѣрей и птицъ, зарываютъ въ землю. По елику хозяева приносятъ по ряду жершвы, по долго обряды сіи продолжаются. По окончаніи же всего, возвращаются они съ остатками жершвенныхъ мясъ и напитоковъ въ свои деревни, гдѣ съ домочадцами своими, при всякомъ весельи, доѣдаютъ оныя и допиваютъ.

О Т Я К И.

Татары, покоря Сибирь подъ иго свое, до утвержденія еще въ оной Россійскаго владычества, называли при оныхъ шамошнихъ жишелей, ругательнымъ словомъ, *Уштяки*, сирѣчь, необходимостьные, дикіе Люди. Названіе сіе превратили Россіяны въ слово, *Отякъ*, и разумѣющъ шеперь подъ онымъ прехъ, какъ по произхожденію, такъ и по языку, разныхъ Народовъ. *Енисейскіе Отяки*, по многимъ обшешельствамъ, кажутся бытъ единоплеменны не большимъ Красноярскимъ Народамъ, какъ шо: *Арицкикъ*, *Котвалъ* и другимъ; а какъ они на Самоядскія походятъ колѣна, шо думаешь надобно, что и шѣ единоплеменцы же Самоядамъ. Изъ *Обскихъ* разныя верхніе, ш. е. отъ устья *Томы* до *Нарыма* и около рѣки *Кетта* живущіе, отъ нижнихъ, сирѣчь *Березовскихъ* и *Обдорскихъ*, шолько въ одномъ нарѣчїи; а въ прочемъ великое между ними сходство. Около Сургуша причисляющъ многія Самоядскія колѣна къ Опякамъ, и какъ просто на рѣчахъ, такъ и въ приказныхъ дѣлахъ, не справедливо называютъ Опяками. За неимѣніемъ надежныхъ и доспашочныхъ о Енисейскихъ Опякахъ извѣстій, намѣрены мы обратишь здѣсь описаніе наше больше на всѣхъ, во обще, *Обскихъ Отяковъ*.

Во обще называютъ *Отяковъ Тунгусы Остяктами*, *Самояды Тогали* (мужчинами), а *Вогули* *Мансали*. (Сіе послѣднее наименованіе ешь и самихъ Вогуличъ названіе.) Южные Обскіе Опяки называютъ сами *Асгяхали*, по рѣкѣ Объ, которая, на ихъ языкѣ, нарицается *Ахъ*. Сургушскихъ же и сѣверныхъ Опяковъ собственное имя ешь *Конды-Шчи*, ш. е. Кондскіе Люди, и кажешся, что они такъ называютъ, по шому, что въ древнія времена перешли они какъ съ Конды, такъ и съ верхней *Томы* рѣки жить на сѣверъ; а сіе преселеніе предпрїяшо им, можешъ бытъ, для шого, чтобъ не бытъ подверженнымъ производившимъ, въ 1372 году, старанїямъ Епископа Стефана о обращенїи Язычниковъ въ Христіанскую вѣру. Та же самая опасность побудила около сего времени и большую половину *Пермяковъ* и *Зирякъ*, въ великой Пермїи жившихъ, покинуть привольныя свои, на западной сторонѣ Уральскихъ горъ, мѣста, и перейши въ суровыя сѣверныя, около рѣки Сби, Спраны, гдѣ они шеперь отъ Кондырей не отличаютъ, но въ мѣстѣ съ оными называютъ *Отяками*.

Древніе *Пермяки* и *Зиряне*, во всемъ, сообразны Финнамъ; языкъ ихъ и все Идолослуженіе, малымъ чѣмъ опмѣнны опъ Финскаго. Въ самыя древнія времена славны они были, по *торговлѣ*, копорую производили они съ Персіянами и подвластными Великому Моголу Народами. Сіи Иностранцы привозили повары свои въ верхъ по *Волеѣ* и *Камѣ* въ *Сердинѣ*, старинный, при Колвѣ находящійся, торговый городъ. Пермяки же развозили какъ сіи, такъ и собсвенные повары по *Петорѣ* и до самаго Ледовишаго моря, и вымѣнивали у шамошнихъ Народовъ, какъ для Восточныхъ, такъ и для другихъ обывателей, разную мягкую рухлядь. Оспашки древнихъ сѣверной сей Спраны городовъ свидѣшельствуютъ и шеперь о благополучномъ старинныхъ жипелей состояніи. Въ Вяшской Провинціи ешь и нынѣ еще нѣсколько населенныхъ, оставшимися на старомъ своемъ мѣстѣ, Пермяками деревень, изъ копорыхъ, по 1774 годѣ, кресшилось 561 мужскаго, да 362 женскаго пола душъ. *Зирянкля* же деревни попадающся между верхнею Камою и Сухоною, около Успюга и другихъ мѣстъ. Они такъ сообразны сельскимъ Россійскимъ обывателямъ, въ разсужденіи жилищъ, одѣянія и хозяйства, что кромѣ Финскаго языка, малымъ чѣмъ разнящся. Языкомъ симъ говорятъ они между собою, и въ нѣкопорыхъ деревняхъ женщины со всѣмъ, по Руски, не знаютъ.

Отяковѣ можно назващъ *наиллимогисленнѣйшимъ Сибирскимъ Народомъ*, и хошя они, по причинѣ суроваго воздуха, такъ же недостаточнаго и звѣрообразнаго жипія, не могутъ нарочито размножиться, однакожь число ихъ и не уменьшается.

Рѣдко кто бываетъ изъ нихъ выше *средняго росту*. Лице у нихъ нарочито плоское и желшовашое, волосы русые и прямыя, бороды жидкія, души шупныя и унылыя; а по тому они боязливы, суевѣрны, лѣнны, неопрятны, но послушны и добросердечны. Съ лица они не дурны, а молодыя женщины опъ части и пригожи: но съ самыхъ уже первыхъ родовъ становящся онѣ, по Шеллерову объявленію, морщиновашы и безобразны.

Языкъ ихъ ни къ копорому Финскому нарѣчію шоль близко не подходитъ, какъ къ Вогульскому: но весьма много и съ Самоядскимъ языкомъ смѣшанъ. Грамаши они не знаютъ, да и ни чему не учашся. Они такъ же, какъ и всѣ Финскіе Народы, *считаютъ* шолько до десяти лѣтъ. *Лѣтъ* они не числящъ, но всякій годъ раздѣляютъ на шринадцать *мѣсяцовъ*, и начинающъ новый свой годъ съ новой луны, между 14 и 21 числомъ, Октябрю. Луны

ныя печенія называютъ они, по производящимъ въ рыбной ловлѣ и перелешѣ пшицѣ, перемѣнамъ.

До покоренія ихъ Россійской державѣ, были у нихъ собственныя *Владѣльцы*, коихъ Попомки и шеперь еще почищаются Благородными, и избираются въ Начальники поколѣній, на которыя Народъ сей раздѣляется. Старшины сіи наблюдаютъ между собою добрый порядокъ, и собираютъ подушныя деньги (*Ясакъ*). Ежели, по переносу спорныхъ ихъ дѣлъ въ земское Правительство, заславляютъ ихъ *присягать*: то спавяшъ ихъ на медвѣжьей кожѣ, на кошорую кладется и шопорѣ. По шомъ подають имъ кусокъ хлѣба, кошорый взявъ, говорятъ они: *ежели я не право присягаю, то пусть разтерзаетъ меня медвѣдь, толорѣ убьетъ, а хлѣбъ задушитъ*. Они клянутся иногда и Идолами, и кляшвы ихъ ни когда не бывають ложны.

Обьскіе Ошяки всѣ *рыболовы*, и нарочито въ промыслѣ семъ искусны. Они умѣютъ извлекать себѣ пользу изъ всѣхъ, надъ водами и рыбами случающихся, перемѣнъ. Почти всѣ они держатъ у себя по нѣскольку *олений*, да естъ между ними и шакіе, у кошорыхъ наберется скота сего до двухъ сотъ. Они пользуются ими какъ въ хозяйствѣ, такъ и въ поѣздкахъ. Зимю всѣ они упражняются, но, по большей части, не очень счастливо, въ *звѣриномъ промыслѣ*; лѣность и недовольное въ хитростяхъ искусство препятствуютъ имъ съ лучшимъ производимъ дѣло сіе успѣхомъ. На звѣриный промыселъ ходяшъ они аршѣлю, въ кошорой бываешъ человекъ по шести и больше, и бродя по лѣсамъ, стѣ четырехъ до шести недѣль, шаскаютъ за собою въ саняхъ для пролипанія мерзлую рыбу и проч. Лукъ и стрѣлы больше у нихъ въ употребленіи, нежели огнестрѣльное оружіе. Ежели същутъ гдѣ лѣшомъ молоденькихъ лисицъ, то берутъ оныхъ съ собою, кормяшъ въ хижинахъ своихъ рыбными пошрохами, и на послѣдокъ сдираютъ съ оныхъ за кормъ шубы. Они сполько о звѣряхъ сихъ стараются, что бабы молоденькихъ лисичекъ вскармливаютъ своею грудью. А какъ ость на худощавыхъ лисицахъ бываешъ лучше, нежели на шучныхъ: то за живо еще переламливаютъ у бѣдныхъ сихъ звѣрей по ногѣ, дабы они отъ боли мало ѣли. Для звѣринаго промыслу и шасканія саней, держатъ они много дюжинъ *собакъ*. Въ *землелашествѣ* ни кто не упражняется, и нѣтъ ни у кого изъ нихъ ни лошадей, ни рогатаго скота, ни овецъ.

Мужины сами вяжутъ про себя бродники и неводы, дѣлають

Остякъ при рѣкѣ Обѣ.
Ein Ostiäcke am Ob Fluss.
Ostiak a la rivière d'Ob.

лодки и, паскаемыя собаками, сани (Наршы), такъ же лыжи, луки и не большую свою домашнюю сбрую. На прошивъ того *женщины* вяляшъ рыбу, вывариваюшъ изъ попроховъ оной жиръ, дѣлаюшъ рыбій клей, выдѣлываютъ мягкую рухлядь, шкушъ толстый крепивный холстъ, шьюшъ, изъ звѣриныхъ и рыбьихъ кожъ, одѣяніе, умѣюшъ такъ же нѣкоторыя изъ щелоку и рыбаго жиру варить мыло. *Краливу* сушатъ на солнцѣ, мягкую рухлядь выдѣлываютъ, безъ щелоку и вымачиванія, и намазываютъ оную икрою, а рыбы шкуры дѣлаюшъ чрезъ шреніе, сухою золою, мягкими, и проч.

Они возяшъ въ города, на продажу, вяленую рыбу, рыбій клей и жиръ, и мягкую рухлядь, а на вырученныя деньги покупаюшъ украшения и бракушки къ одѣянію, такъ же муку, крупу и хлѣбное вино. Торгъ сей былъ бы для нихъ прибыточенъ, естли бы они не прошивали всѣхъ оспальныхъ денегъ. Но есть между ними и заживные люди, копорые имѣюшъ у себя, кромѣ оленей, изрядные серебряные стаканчики и другія, симъ подобныя, вещи. Во обще же они бѣдны. Всякій мужчина долженъ, по подушному окладу, внести въ казну пару соболей, копорая въ рубль. Въ случаѣ же недоспашка въ соболяхъ, принимаюшъ въ казну и другую мягкую рухлядь. Черная лисица очищаетъ часто всю деревню отъ подушнаго оклада, а всякую, въ казну вступающую, мягкую рухлядь, цѣняшъ присяжные Знапоки.

Живутъ они (Обьскіе Опяки), между Томскимъ и Нарымомъ, и называются, далѣ къ сѣверу, *Березовскими*. Они почитаются въ Сибири многочисленнѣйшимъ Народомъ, питаются наиболѣе рыбою, а по тому и имѣюшъ сельбища свои, въ смѣжныхъ сѣрѣками, озерами и моремъ мѣстахъ, въ коихъ бываетъ отъ пяти до двадцати хижинъ. Всякая такая деревня населена обыкновенно свойственниками, а отъ пяти до двадцати деревень составляютъ Волость. Они такъ малолюдны, что, на примѣръ, пять Сургушскихъ Волостей заключаюшъ въ себѣ только 642 души мужескаго пола. Сіи взносяшъ въ казну 450 паръ соболей, цѣною на 450 рублей:—малый доходъ отъ столь обширной Области! — Отъ *Тома* до самаго *Нарыма* живутъ семьи розно. *Зимнія* ихъ *хижины* срублены изъ бревенъ. Въ каждой есть очагъ по срединѣ, а въ сторонѣ печь. Прочее мѣсто занимаюшъ палати, кои служатъ имъ такъ же, въ мѣсто сундуковъ и ларей, или конуръ, для держанія щенковъ и лисицъ. Въ большую стужу, ложатся они, ночью, около очага, и спятъ такъ крѣпко, что иные и нарочито ожигаюшся. Входъ въ хиж-

ну ихъ составляють, въ западной споронѣ, обыкновенно изменныя двери, а въ мѣсто окна служишь не большее, на всшкѣ, опверсше, зашпанное наливовыми шкурами. Вся хижина стоишь, до половины, въ землѣ. *Березовскіе* и *Обдорскіе Отаки* спрояшь *звжины* свои попросторнѣе, но и сіи столбѣ до половины, въ землѣ. Въ каждой изъ оныхъ бываешь ошѣ чепырехъ до десяти покоевъ, разположенныхъ около общаго очага, и во всякомъ покоѣ живешъ дѣлая семья. Неопряшность и смрадъ, въ оныхъ, ошѣ дѣшей, кои не любяшь, для испражненія, выходишь на дворъ, шакъ же вонь ошѣ собацъ, рыбы, дровъ, табашнаго дыму, чалу, при вареніи рыбьяго жиру, гадины и и прочаго, превозходишь всякое описаніе. Изъ рѣдка попадающся, при рѣкахъ и въ лѣсахъ, не большія ихъ запасныя хижины. *Лѣтомъ пересѣлаются* они ошѣ одного озера къ другому, для рыбной ловли, и по шому дѣлають въ шакихъ мѣстахъ столбчатые и, къ верьху уже сведенные, *шалашы*, кои покрывають бересною или рогожами. Пущыя звинія и запасныя хижины ни когда не заирающся, но покражъ не бываешь. *Домашняя ихъ утварь*, или пожишки, состояшь въ нѣсколькихъ кошлахъ, въ деревянныхъ сосудахъ, въ саласкахъ, въ рогожахъ, на кошорыхъ спяшь, въ колыбеляхъ, сдѣланныхъ изъ бересны на подобіе ящиковъ, въ кои они, въ мѣсто постели, кладушь изшертное гнилое дерево, и проч.

Одѣяніе несяшь они обыкновенно кожаное, или изъ мягкой рухляди сшишое. *Мужскую одѣяну* составляють короткія шшаны и кожаныя, до самыхъ шшановъ припущенныя, чулки, кои служатъ имъ и въ мѣсто сапоговъ; въ разсужденіи чето и употребляютъ они на подошвы оныхъ самую толстшую, или и въ двое сшишую кожу. Верхнее ихъ одѣяніе едва достраешъ до колѣнъ, зашишо кругомъ, и безъ воротника; а накидываютъ оное на голое шѣло, какъ рубаху. Ежели холодно, шо надѣваютъ еще и другое шакое же, шолько пополнѣ сдѣланное, одѣяніе, которое ошѣ перваго шѣмъ разнишся, что придѣлана къ оному, съ зади, шапка, коя надѣвается на голову, а при шомъ закрываетъ и шею шакъ, что одно шолько лице видно. Рукава, у всякаго одѣянія ихъ, не широки, и у верхняго полнаго одѣянія придѣлываются, къ концахъ оныхъ, мошны, кои служатъ имъ, въ мѣсто рукавицъ. А чшобъ одѣяніе не опшопыривалось ошѣ шѣла, шо подпоясываютъ оное ремнемъ. Въ жестокую сшужу надѣваютъ еще и шретье, шакъ же на подобіе рубахи сдѣланное, просторное плашье: но по оному не подпоясываются.

Остякъ на ловъѣ Горностаявъ.
 Ein Ostjakischer Hermelin-Jäger.
 Un Ostjak à la chasse d'hermine.

Матолъ ходящъ въ долгихъ юпкахъ, или босстрогахъ, изъ *рыбей шкуры* сдѣланныхъ.

Женщины носящъ чулки, шпаны и верхнее плащье, по примѣру мужчинъ, въ лѣтнее время шакъ же изъ рыбьихъ шкуръ, кожъ, или сукна сдѣланное; а зимою надѣвающъ, какъ для шепла, шакъ и для щегольства, долгое, въпереди завязанное, плащье, изъ рыбьихъ шкуръ, выдѣланныхъ кожъ, или изъ оленьихъ шкуръ, сшитое, кошорое опушаютъ шерстью и соболями. Голову покрываютъ, всящую назади, промежь лопашокъ, шапкою, изъ сукна, кожи, или мягкой рухляди, сдѣланною, и кругомъ бахромкою для красы обложенною, кошорую, когда что дѣлающъ, закидываютъ назади. Волосы заплетаютъ въ двѣ косы, и съ каждаго плеча висятъ, до самыхъ подколѣнокъ, въ ладонь шириною, ремень, или суконная полоса. Привѣсы сіи выложены брякушками, зѣбинными головками, поддѣланными червонцами, корольками, а иногда изъ желтыхъ мѣдныхъ листовъ, на подобіе цвѣшовъ, или звѣрей, вырѣзанными, наборцами; соединеніе же между оными дѣлающъ веревочки.

Вседневную ихъ *пищу* составляетъ, во первыхъ, *свѣжая рыба*, кошорую ѣдятъ Березовскіе и Обдорскіе больше *сырую*, а прочіе Ошяки, сваря просио въ водѣ, безъ соли, и изгошовленное такимъ образомъ рыбное, называешся у нихъ *Коткей*; во вторыхъ *вяленая* и мѣкалая, на солнцѣ *просушенная*, а по томъ въ деревянныхъ ступкахъ *изтоленная рыба* (Порса и Порся), кошорая служитъ, въ мѣсто незнакомаго имъ, по большей части, и со всѣмъ у нихъ не употребительнаго, хлѣба. Они ѣдятъ и жареную, или ближе сказашъ, грѣшную рыбу; ибо взоркнувъ оную на деревянный рожокъ, держашъ надъ огнемъ, очень короткое время. Еще питаюшся они, но не всдневно, и только въ случаѣ недоспапка, свѣжею замороженною, вяленою, или копченою рыбою, мясомъ всякой дичи, не выключая и хищныхъ звѣрей, а при нуждѣ, ѣдятъ такъ же собакъ и оленей; при чемъ равномерно употребляютъ себѣ въ пищу избытки отъ оленьяго скотоводства, всякихъ пшницъ, которыхъ, ощиная только, варятъ въ мѣстѣ съ рыбою, головки съ бѣлой сараны (*), разныя дикія ягоды, кедровыя орѣхи, а иногда варятъ еще жидкіе, какъ изъ муки, такъ и круиъ, бобвы. *Стрелля* ихъ черзкая. Все варятъ въ одномъ кошлѣ, и рѣдко когда вытираюшъ оной шубнымъ лоскутомъ; да довольно въ пищу ихъ валяшся и вшей, но

(*) *Lilium martagon*. L.

сіи звѣрки позыву у нихъ на ѣду не поршяшъ, по шому особливо, что они, и безъ шого, оныхъ глотають, когда другъ у друга оныхъ выискивають. Чужихъ людей пошчуютъ звѣринными языками, мозгами и проч.

Пьютъ воду, рыбные и мясные ошвары, шакъ же молоко, а при деньгахъ, и хлѣбное вино. Въ *лѣтное состояніе*, которое имъ очень мило, приводяшъ они себя шабакомъ, да мухоморами (*). *Курительный и нюхальный табакъ* служить обоимъ поламъ, во всякомъ возрастѣ, лакомкою. Трубки дѣлають они себѣ изъ глины, обыкновенно чешыреугольные, а чубуки составлены изъ связанныхъ въ мѣстѣ двухъ корошенькихъ деревянныхъ жолобковъ. Когда куряшъ, то крѣпко тянушъ, и, дабы скорѣе сдѣлаться пьяными, дѣйствуютъ щеками, какъ, будто, раздувальнымъ мѣхомъ. Нѣкоторые, куря шабакъ, держашъ во ршу воду, и замѣняютъ шѣмъ употребительный у Персіянъ, Армянъ и другихъ Народовъ, *Каліанъ*, такое орудіе, посредствомъ котораго куряшъ шабакъ, черезъ воду. *Мухоморали* *уливаются* и многіе другіе Сибирскіе Народы, а особливо, живущіе около *Нарыма*, Ошяки. Когда кто съѣстъ за однимъ разомъ свѣжій мухоморъ, или выпьетъ уваръ, съ шрехъ оныхъ, высушенныхъ, то, послѣ сего пріему, спановишся, съ перьва, говорливъ, а по шомъ дѣлаешся, изъ подоволь, шакъ рѣзовъ, что поетъ, скачетъ, возклищаетъ, слагаетъ любовныя, охотничьи и богатырскія пѣсни, оказываетъ не обыкновенную силу и проч. а послѣ ни чего не помнишъ. Препровождая, въ шакое состояніи, отъ двенадцати до шестнадцати часовъ, на послѣдокъ засыпаешъ; а какъ проснешся, то, отъ сильнаго напряженія силъ, походитъ на прибишаго, но въ головѣ не чувшвуетъ шаккой шягости, какую мучишся, когда виномъ упивается, да и послѣ не бываетъ ему отъ шого ни какого вреда.

Пока въ промыслахъ своихъ обращаются, бывають они, по большей части *зоровы*; а какъ шарость принудитъ ихъ домовничать, то спраждають *цынгою*, *коростю*, *гноеніемъ глазъ* и другими болѣзнями. *Осла*, по прародительскимъ ихъ преданіямъ, ходила между ними еще и до прибытія въ страну ихъ Россіянъ, и крайне епусшошала ихъ семейшва. *Любострастная болѣзнь* посѣщаетъ не рѣдко и Ошяковъ. При всякихъ болѣзненныхъ припадкахъ, прижигаютъ они кожу свою, до шѣхъ поръ, пока не шрѣснетъ,

(*) *Agaricus Muscari* L.

*Остіячка съ лица.
Eine Ostiäkin vorwärts.
Une Ostiäke par devant.*

*Остіяка съ тыла.
Eine Ostiäkin rückwärts.
Une Ostiäke par derrière.*

и употребляютъ къ тому, въ мѣсто *Моксы*, березовые грибы. Опъ забору пьютъ рыбій жиръ. *Раны* изцѣляютъ древесною смолою и звѣринымъ саломъ: но больше употребляютъ они суевѣрные средства.

Послѣ *родовъ* считается женщина нѣсколько недѣль не чистою. Мѣсто младенцово кладутъ съ одною рыбною и кусочкомъ мяса въ ящикъ, а по томъ вѣшаютъ оный на дерево. Сынѣямъ даютъ отецъ имена, а дѣвушки не рѣдко бываютъ и безъимянны. Преимущественно употребительныя, около Сургуша, имена сущь слѣдующія: *Сайданъ, Кайкалъ, Таедко, Вергунъ* и проч. Они и пашилѣтныхъ дѣшей кормятъ еще грудью.

У держащихся Языческаго суевѣрія Ошяковъ и теперь *многоженство* въ обыкновеніи. Какъ принимали Ошяки Христіанскую вѣру, то удерживали у себя по одной только женѣ, а прочія выходили за другихъ мужей: однако многіе изъ крестившихся крали у новыхъ мужей прежнихъ своихъ женъ, да не рѣдко и сами вышедшія, по шакому обшрѣшельству, за другихъ мужей бабы уходили къ первымъ своимъ мужьямъ. Какъ Языческаго, такъ и Христіанскаго закона Ошяки *локулаютъ* и нынѣ себѣ *женъ*. За дѣвку даютъ отъ десяти до ста оленей, да съ верхъ того нѣсколько праздничнаго одѣянія: но и она выходитъ съ приданымъ. Языческой вѣры женихъ начинаешъ спать съ невѣстою съ самаго того времени, какъ заплашишь за нее первую долю договорной цѣны. Ежели примѣшишь, что она соблюла свое дѣвство, то долженъ онъ щесть, а въ случаѣ недоставка онаго, повинна щеца ему дать одного оленя. По отдачѣ другой доли, рядной за невѣсту, цѣны, производимъ *свадьба*, и препровождается торжественно въ пированіи и увеселеніяхъ. Они рассказываютъ и поютъ богатырскія и любовныя происхожденія, не надумавшись, къ чему ошибною надѣляютъ ихъ способностію събѣденныя и оживляющіе духъ мухоморы. *Тулбра*, такъ же *Долбра* и *Дерноборъ*, сущь собственныя ихъ инструменны, оба съ кишечными спрунами, просшы, но голосъ оныхъ не дуренъ. Пѣсенныхъ голосовъ у нихъ мало, да и тѣ просшы: но скорморохи ихъ поютъ и играютъ больше, по своей выдумкѣ, и слѣдовательно почти все у нихъ новое. *Пляски* Ошяковъ весьма любопытны, и состоятъ въ смѣхотворныхъ шалостяхъ. Плясунъ, передѣвшись, или обезобразя лице свое, передразниваетъ другихъ людей, звѣрей и птицъ такъ иногда удачно и насмѣшливо, что удивляться надобно, видя сіе въ ихъ хижинахъ. Всякъ можетъ разсудить, что, оказываемыя имъ при томъ ухватки, не рѣдко быва-

Часть I.

I

ютъ проиены благоприсойности. Въ обыкновенныя пляски выходяшъ вдругъ по двое мужчинъ и по двѣ женщины, скачущъ то въ передъ, то на задъ, шопаютъ ногами, и дѣлаютъ какъ руками, такъ и лицомъ любовные знаки. Нѣкоторыя, спранспкующис удалцы похищаютъ себѣ невѣстъ, лишаютъ ихъ чесши, и наживаютъ шакимъ способомъ за малую цѣну женъ. Невѣсткѣ не должно показывать свекру своего лица, да и зящю не слѣдуетъ казаться щещъ на глаза, до шѣхъ поръ, пока не приживутъ дитяши. Сколько ни походишъ любовь ихъ на скошкую, однако они не ревнивы. Хотя и ошатощаютъ они женъ своихъ великими шрудями, но не бьютъ, по тому, что они отъ побоевъ уходятъ, и пребываютъ назадъ своего приданого; родители же ихъ ни когда, зязяго за нихъ, награжденія не возвращаютъ. Жена называетъ мужа, *Таге!* а мужъ жену, *Или!*

Полойниково хороятъ они, въ шотъ же день, въ кошрый кто умретъ, и мужчины погребаютъ мужчинъ, а женщины женщинъ. Они наряжаютъ скончавшихся въ самое лучшее одѣяне, и впрягаютъ подъ нихъ оленя, кошраго на кладбищѣ убиваютъ и, поминная покойника, ѣдятъ. За богатыми покойниками слѣдуютъ по шри оленя съ пустыми санями. Мершвое шѣло, къ кошорому кладутъ, въ запасъ, оружіе, шопоръ и домашнія надобности, полагаютъ во гробъ голову къ северу. Проводившихъ покойника шрехъ оленей убиваютъ, при могилѣ, ему въ прокъ, и шамъ покидаютъ, а сани опрокидываютъ на могилѣ однѣ на другія. Зажипочные люди приносятъ по шомъ за покойника нѣсколько *лоинныхъ жертвъ*.

Отяки Языческаго закоча, каковы суть всѣ, кои ближе къ северу, или у нижней рѣки Оби живутъ, называютъ своихъ Волшебниковъ и Жрецовъ *Тотемли* и *Тогемли*. Они шолкуютъ имъ сны, предсказываютъ будущее, заклинаютъ бѣса, лечатъ больныхъ, молятся и приносятъ жертвы. У нихъ нѣтъ ни капищъ, ни настоящихъ Керемешей; а есть нѣкоторыя *священныя горы*, гѣ лѣсахъ, гдѣ споятъ знаменитые ихъ Идолы. Они шакихъ мѣстъ боятся, и не берутъ отъ шуда ни лѣсу, ни дровъ, да и воды изъ шамшнихъ ключей не черпаютъ. Съ 1712 года много созжено ихъ Идоловъ, и штойла ихъ разорены; однако ошалося оныхъ еще довольно. Воображеніями своими о Высочайшемъ Существѣ, такъ же жертвоприношеніями и моленіями уподобляются они выше описаннымъ Язычникамъ. *Высочайшій Богъ* называется у нихъ *Ииненъ Яомъ* (Вышній Богъ). Съ верхъ сего есть у нихъ еще и *низкаго достоинства Божки*. *Сатана* называется, на ихъ языкѣ, *Аусъ* и *Котедгенъ*, во-

длный и рыбный Богъ, Утого Лусъ, лѣсный и звѣроловный Богъ, Массу Лусъ и шакъ далѣ.

Идолы ихъ, которыхъ они во обще *Сатанами* (Лусъ), называютъ, суть вырѣзанныя деревянныя изображенія, растушья деревья, на коихъ орлы вьшъ себѣ гнезда, безобразныя избы и страннаго вида камни. Въ 1771 году, стояли оба знашѣйшїе *Отякскіе Идолы*, которыхымъ шакъ же и *Солояды* поклонялись, въ западной сторонѣ Обскаго залива, въ семидесяти верстахъ ниже Обдорска, въ лѣсу, по близости Воксарскихъ жилищъ. Одинъ изъ оныхъ представляеть мужское, а другїй женское подобіе. Каждый спощъ въ особливомъ шалашѣ, прислоненъ къ дереву, и, по Ошякскому обыкновенію, изрядно одѣтъ сукномъ и мягкою рухлядью, да при шомъ, по примѣру Волшебниковъ, обвѣшенъ жестяными изображеніями звѣрей, людей, птицъ, лодокъ, рыбъ и проч. Кругомъ оныхъ лежатъ кошлы, чашки и другая домашняя утварь; на ближайшихъ же деревьяхъ висятъ, содранныя съ оленей, шкуры и луки. Мужскаго пола Идолу поклоняются мужчины, а женскаго женщины. Попадаются шакъ же вѣсшами *свято почитаемыя деревья*, въ которыхъ всякъ мимо идущій, пускаеть по одной стрѣлѣ. Во всякой хижинѣ есть собственнй *Асмашнїй Идолъ*, котораго представляеть, обыкновенно, не большая кукла.

Въ домашнихъ нуждахъ *приноситъ* всякъ *домашнему* своему *Идолу* малыя звѣриныя кожи, рыбы, птицъ, а особливо помазываетъ онаго жиромъ и кровью; по важнѣйшимъ же дѣламъ освѣдомляется Волшебникъ, посредствомъ своего *барабана* (Пингре), о причинѣ гнѣва Боговъ и о жертвахъ, кои надобно принестъ, для преклоненія ихъ къ милосердію. Общїя Идоламъ жертвоприношенія отправляются въ лѣсахъ. Народъ становится въ кружокъ около Идола, Жреца и назначенныхъ въ жертву животныхъ, какъ то, оленей, красной дичи и водяныхъ птицъ, къ коимъ присовокупляютъ иногда и мягкую рухлядь. Жрецъ представляеть Идолу жертву, и возсылаеть къ оному, въ моливѣ, свое прошеніе. По данному, жезломъ, знаку, прострѣливаетъ одинъ, кто ни будь, стрѣлою звѣря; а прочїе докалываютъ онаго оспроконечными кольями. Послѣ сего, пропашкиваютъ убишаго звѣря за хвостъ, проскратно, около Идола, варятъ мясо онаго, помазываютъ Идолу рошъ, запекшеюся въ сердцѣ, кровью, и ѣдятъ, съ великимъ веселіемъ, жертвенное мясо. Кожу, черепъ и рога вѣшаютъ въ лѣсу.

При совершенїи, *въ облегченіе болѣзни, жертвоприношенія*, что бываетъ всегда у жилища больного человека, даютъ спраждающему въ руки, привязанную къ приносимому въ жертву животному, веревоч-

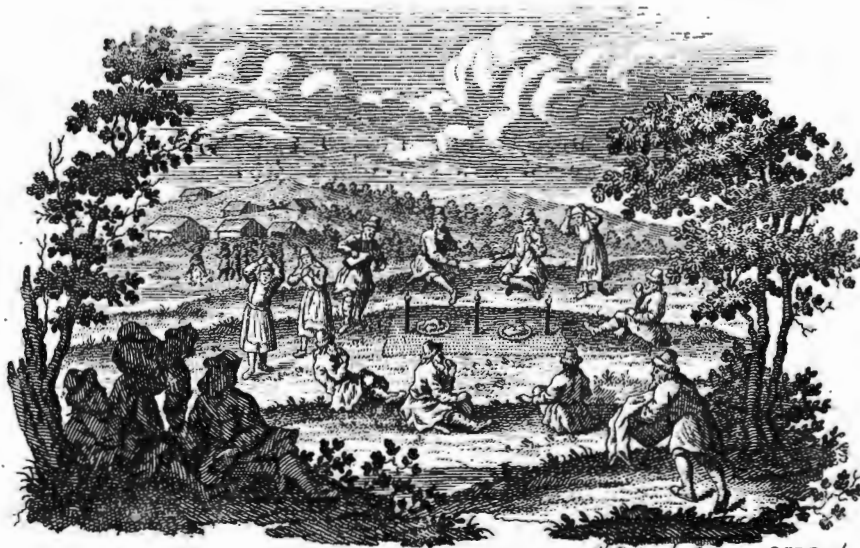
ку. Между тѣмъ шворитъ Жрецъ молитву, и какъ больной попянешь за веревочку, то закаляютъ звѣря, и помазавъ домашняго Идола, ѣдятъ вареное мясо. Когда же примѣшаютъ, что нѣтъ хворому отъ Идола помощи: то ругаютъ онаго бранными словами, низвергаютъ, а иногда и колошатъ.

Медвѣдямъ предопредѣляютъ они, послѣ смерти, такую же, по крайней мѣрѣ, какъ и себѣ, участь. По убіеніи оныхъ, поютъ они извинительныя пѣсни, и оказываютъ повѣщеннымъ шкурамъ много учтивостей, дабы оныя въ царствѣ шѣней имъ не мстили.

Важныхъ своихъ людей называютъ они *Полубожками*, или Святыми. Изображающая кого ни будь изъ нихъ кукла, ставится на ряду съ Идолами, и оную подчиваютъ кушаньемъ, и помазываютъ такъ же, какъ и самихъ Идоловъ. Вдовы кладутъ иногда такія, мужей ихъ представляющія, куклы съ собою и въ постель, при шомъ, когда сами ѣдятъ, не забываютъ и онымъ удѣлять.

Живущіе за Нарымомъ, *крещенные Отяки* произошли уже большею частію отъ исповѣдующихъ православную вѣру родителей, и имѣютъ у себя собственныя церкви. Но они и теперь находятся въ превеликомъ невѣжествѣ, суевѣрны и преисполнены Языческими воображеніями, и по тому, не вдругъ, кто пойдетъ изъ нихъ на звѣриный промыселъ, не взявъ съ собою Идола (Лусъ), котораго носятъ иногда въ сапогѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

St. Petersb. aut par C.M.Roth.